

Соборная Улица

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

1.2014

Алексей Маркитан. «Дюшес». 2011 г.

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 1 (6) 2014 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(випускний редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г.В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 13,95
Замовлення № 130-07
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книгодрукарства,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки**

СОБОРНА УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**1 (6)
2014**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Илья СТАРИКОВ: Ампутация памяти.....	3
---	---

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

К 200-летию Кобзаря

Дмитро КРЕМІНЬ: Шевченківська промова.....	4
---	---

Ірина АЛЕКСАНДРЕНКО: Лабіринти його генеалогії	6
---	---

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Бывал ли Тарас Шевченко в Причерноморье?.....	11
--	----

ПОЭЗИЯ

Тарас ШЕВЧЕНКО: Не для людей, тієї слави	15
---	----

Дмитро КРЕМІНЬ: Епоха чорно-білого кіна	29
--	----

Аркадий СУРОВ: Портреты	35
--------------------------------------	----

Наталка БІЛЕЦЬКА: Всього на відстані руки	50
--	----

Лариса МАТВЕЕВА: Полнее не надо	53
--	----

Павел ТКАЧ: Опиум пустых библиотек	62
---	----

ПРОЗА

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ: Предземшара-2	21
---	----

Іван ЛЮТИКОВ: Подснежники.....	40
---------------------------------------	----

Ольга БАКК: Последняя нота. <i>Рассказ</i>	57
---	----

ПУБЛИЦИСТИКА

К 70-летию освобождения Николаева

Валерий ЧЕРНЯВСКИЙ: 1941–1944 годы: Депортация	66
---	----

Евгений и Кирилл ГОРБУРОВЫ: Победа ковалась в тылу.....	71
--	----

Евгений ПАРАМОНОВ: Оккупация. <i>Негероические воспоминания о героическом прошлом</i>	76
--	----

МАСТЕРСКАЯ

Алексей ТОРХОВ: Быть Маркитаном. <i>Творческий портрет</i>	89
---	----

Игорь ЕРМОЛАЕВ: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!» <i>Театральный дневник</i>	95
--	----

Елена ТРИГУБ: Пластические образы Юрия Одробинского	100
--	-----

АРХИВ

Сергей ПИСКУРЁВ: «Terra polonica» Эмиля Январёва.....	103
--	-----

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Беседа с издателем

Павел ШАМРАЙ: Продолжить традицию издания литературы	112
---	-----

Дмитрий СЕМЧИШИН: О загадочных «беглецах библиотечных».....	116
--	-----

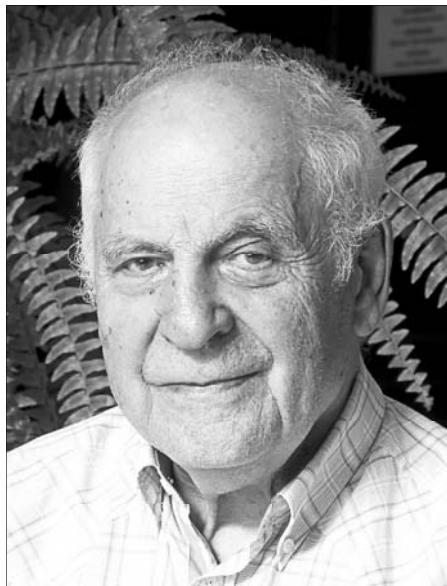
ЭКСЛИБРИС

Ирина ШЕЙКО: Свечу богам и людям.....	118
--	-----

ОБЛОЖКА

Ирина АЛЕКСАНДРЕНКО: Памятник корабелам и флотоводцам	120
--	-----

АМПУТАЦИЯ ПАМЯТИ

Современная психология насчитывает более ста шестидесяти различных свойств психики человека. Среди таких сказочных её качеств, как мышление, воображение, эмоциональность, есть и не менее удивительное – память. Человек, лишённый памяти, подобен растению с подгнившими корнями. Оно мертвее, даже если и остаётся физически невредимым. Благодаря тому, что природа одарила нас памятью, человек осваивает и передает потомкам исторический опыт, который развивает и совершенствует общество.

Прекрасный писатель Чингиз Айтматов точно описал образ жизни манкурта – человека, которого лишают памяти. В результате такой ампутации он, оставаясь физически здоровым, вынужден отказываться от своего культурного и национального прошлого. А свою ущербность манкурты компенсируют повышенной агрессией.

Когда сегодня читаешь газеты, материалы интернета, смотришь некоторые телевизионные каналы ещё не так давно братских стран Украины и России, то очень часто чувствуешь себя манкуртом. Замечаешь, как с опасной быстротой испаряется то спасительное чувство, которое прекрасный украинский поэт Павло Тычина называл «чуття єдиної родини». И которое помогло многонациональной стране выстоять против фашистской чумы.

Беда в том, что читателей и зрителей усиленно пытаются под разными предлогами лишить исторической памяти. А ведь не случайно Владимир Высоцкий, всегда тонко чувствовавший всё происходившее в родной стране, предупреждал нас в одной из своих песен: «Осторожно с прошлым, осторожно. Не разбейте глиняный сосуд»...

Беречь глиняный сосуд исторической памяти призвана, в первую очередь, подлинная художественная литература. Именно она создаёт тот психологический климат, который позволяет выращивать гармоничную личность, способную сберегать и хранить культурные традиции народа, отдельной нации и региона. Настоящая литература призвана не ссорить народы, а мирить, высвечивая людям то, что их сближает и роднит.

Именно в этом видит свою задачу и «Соборная улица». Николаевщина повезло. Наш регион тесно сочетает не только промышленное и сельскохозяйственное производство, но и разнообразный национальный состав населения с глубокими историческими и культурными корнями. Обязанность николаевских литераторов – аккуратно сберегать и поддерживать историческую память своего региона, сохранять у населения чувства спокойствия и гордости за проживание в этой области, за её историческое прошлое.

Именно художественная литература лучше всего способствует тому, чтобы историческая память народа не была однобокой. А объективно отражала всё, что приходилось ему переживать.

Эта истина особенно часто вспоминается в связи с празднованием юбилея Тараса Григорьевича Шевченко. Сто шестьдесят семь лет тому назад поэт, сосланный царским правительством в Орскую крепость под строжайший надзор с запретом писать и рисовать, сказал в своём стихотворении:

Я, можє, ще добро побачу?
Я, можє, лихо переплачу?
Води Дніпрової нап'юсь,
На тебе, друже, подивлюсь.

Литература человеку необходима не только потому, что препятствует превращению нас в манкуров. Она сохраняет в человеке веру в добро, неизбежность прихода лучшего времени.

Илья СТАРИКОВ

Дмитро КРЕМІНЬ

ШЕВЧЕНКІВСЬКА ПРОМОВА

«Присуджена Державна премія України імені Тараса Шевченка 1999 року КРЕМЕНЮ Дмитру Дмитровичу, письменникові, – за збірку поезій «ПЕКТОРАЛЬ».

(Із Указу Президента України Л.Д. Кучми від 4 березня 1999 року, № 229/99, м. Київ, Україна)

Тріумфальна мить, освячена іменем уславленого у віках Великого Українця, неповторна і єдина для кожного лауреата. Шевченківська премія, присуджена мені на вершині двох епох, на порубіжжі століть і тисячоліть, на тектонічному розламі дійсності і мрії, – у стократ побільшала в ціні.

Я не маю на увазі скромний, як на відомі в світі премії, номінал. І зовсім інша, ніж у простих смертних, не осяяніх крилатою лампадою краси, – планида поетів. Уже тепер ясно: більшість українців живуть у втраченому часі, а велич Поезії – у часі виграному.

І трагедія, і велич, і гідність поета – в тому, аби виграти час у суворого Хроноса, безжального бога часу, котрого ще молоденький Тарас бачив у Літньому саду імперського Санкт-Петербурга, в перерві між кріпаччиною у Василя Ширяєва і доленосними зустрічами з Іваном Сошенком. Уже друга українська революція, мов отої Хронос, пожирає своїх дітей, – зрештою, всяка революція пожирає своїх чад, і національна, овва, не виняток. Але тільки тепер ясно більшості, видно навіч: найсуворіший іспит кожної нації – не тільки в складеному успішно екзамені на державну спроможність. У манкуртів і яничар вітчизняного розливу марно шукати генів національного державотворення, культурницького прометеїзму, марно шукати й проблиску гідності.

Страшна, інфернальна сила Шевченкового прозріння, – мені, Шевченківському лауреату порубіжних століть, – ввижаються не воскреслі степи й озера, а верстові шляхи нашого історичного і культурного назадництва, бо трагічна й марна справа – апелювати поетичним словом до клонованих ще в імперії персон із «циновими гудзиками». Але й повторюючи за Шевченком слова зневаги і прокляття імперіям – чи то Римській, котра розг'яла Месію руками «своїх», чи то Романовській, котра змусила всіх мовчати «на всіх язиках», – ми присутні при сакральних потугах новочасної імперської реінкарнації. Як інакше й назвеш процес перетворення України соборою, незалежної, воскреслої – в напівживу губернію, чиє населення вже записане в боржники ХХІ століття, здеяtkоване політичними чварами, конфесійним розбратором навіть у маєтаті одної православної віри, залежної від усіх і вся, як наркоман від «дози»?

У моїй поетичній збірці «Пектораль» – камертон гіркої Таракової музи, як би це непоштиво не звучало для слуху літературних каламарів і малоруських реаніматорів-некрофілів. І я впадаю у відчай безнадії на теперішніх «розпуттях велелюдних», і я крізь кривавий туман всепланетарного бойовища прозираю зачарований берег України, яка воскресне, бо інакше – жити не варт, писати не варт; ані модерні школи в поезії, ні мистецькі одкровення не спроможні воскресити дух істинного УКРАЇНСЬКОГО РЕНЕСАНСУ. На теперішньому пострадянському просторі – все те ж Дике Поле в царині духу і в невигаданій реальності, і після масового зубожіння та маргіналізації всього народу, а не лише одних кримінальних авторитетів та чиновних розбійників, на Україну спадає ніч невольничого ринку, і не встає упростіз колін Україна-Русь, а рокована Роксоланія трансформується в Малоросію...

Уже не тріщина, стежка розколу – тектонічний розлам проходить через поетове серце, і за окраєною раніше, ніж збудженою українською Атлантидою – привид інфернального фіналу. Грізні, воївничі, заліznі строфі геніїв українського відродження, битого ідеологічним терором, катованого й розстрілюваного, нищеного й знищеного – і все-таки незнищенного! – звучать і тепер у серцях

Шевченкового народу, народу України, в юних синах і дочках наших, котрих не вирвеш із серця: вони народилися і стали людьми не в імперії, не в заляканій Малоросії, а в знищенні, та незнищенні, як дух і матерія, омріяній у найстрашніших часах – Україні. Ці бунтівні хлопчики й дівчатка здатні не тільки на походи й протести, це – українська еліта, котра прийшла у світ із психологією переможців. Це Шевченкові діти – ненароджені, та нарощенні, це діти героїв Крут, яким випало стояти не під шлюбним вінцем, а під кулями більшовицько-матроської орди, це – діти Карпатської Січі, отже – нащадки й правнуки не прадідів поганих, рабів і піdnіжків, бидла й сміття історичного. Сторозерзані й стороzp'яті, ми вже народ у трьох іпостасях поколінь, і поетичне слово вільної людини звучить інакше, аніж у травмованого рабством старшого покоління. Трагедія наша – не в історії: немає жодного народу в світі, котрий мав би історію – як медяник. Українська трагедія – в трагедії української мрії, в тому, що царська корона в наших казках обирає голову Івана-дурня, котрому лише казка й дарує разом із короною – силу богоборця, титана. Можна й тепер плакати за часами розбрата, Руїни, посипати голову попелом із власної хати, спаленої злими сусідами. Грім українського солов'я, за Шевченковим антиподом Гоголем – сучасником і земляком, улюбленицем українофоба Белінського, – досі не затих, але ж останній Рюрикович Іоанн IV любив страви саме з солов'їних язичків, а ми й самі на краю погибелі: зрікшись солов'їного статусу української мови, станемо крилом двоглавого візантійського орла IV Риму, хай і з комп'ютерною амуніцією. Храни нас, Господь, од такої долі!

Поезія може бути такою чи інакшою, традиційно-класичною чи модерною, – та ж у трактаті Митрофана Довгалевського чи ізборниках Іоанна Величковського чи не весь «модерний арсенал» художніх тропів андеграунду ХХ століття, від дадаїстської піктографії – до сюрреальної інфернальності, від слабосилої силабіки – до ізографіки постмодерну. Сам Шевченко – геній словесної новації – інтуїтивно витворював не тільки сюжетні ліро-епічні собори своїх інвектив, у коломийковій стихії його вірша – такі алітерації й асонанси («неначе ляля в льолі білій», «хто се, хто се по тім боці чеше коси, хто се?») і т.д. – от вам лише два приклади його «модерн арту»!), котрі прокреслили зоряну траекторію в пошуки всієї поезії століття, рідної – теж, і за обрієм віку ХХ-го не закінчили свій політ у вулканічній магмі Слова.

Я щасливий уже тим, що не вчився в поетичній школі п'яного дяка, не шукав провіщення в хлипнівських малярів, не шукав перепустки на Парнас у земляків із циновими гудзиками, хоча холод таємних канцелярій проймав і мене з юних літ, і від коліскової землі мене відлучали замолоду. Так, не вбили, не розстріляли, не замучили, не потягли на панську стайню, та хіба Шевченко не мріяв про свободу за життя, а не про посмертну маску і посмертну харизму? Ще рано, рано думати, що наше Берестечко, Полтава й Крути – позаду. І ми б загинули, якби не гинули, та й нам, та й мені просяяв удалині берег України-Атлантиди, яка піdnімететься з дна тоді, коли наші душі піdnімуться з колін, а водою Дніпра змиємо з чола тавра, змахнемо порох і попіл спалених століть України.

І буде син, і буде мати...

Ірина АЛЕКСАНДРЕНКО

ЛАБІРИНТИ ЙОГО ГЕНЕАЛОГІЇ

Магія дорожніх розмов, без сумніву, існує – ритмічний стукіт колес і приглушене світло у вагоні сприяють відвертості. Попутником криворізького журналіста Сергія Васильовича Чаніна в купе потягу «Київ – Запоріжжя» виявився високий сивий старець на прізвище Козлов. Побалакавши про те-се, співрозмовники знайшли цікаву обом тему – Тарас Шевченко. Новий знайомець стверджував, що його прізвище зовсім не випадкове в генеалогії роду Тараса Григоровича по батьківській лінії. Дідусь розповів дивовижні факти з історії Херсонської губернії XIX ст. (до якої в той час входили землі Миколаївської і Херсонської областей). Він повідомив імена й дати народження племінників Григорія Івановича Шевченка (батька Тараса) – Дем'яна, Векли та Єфросинії, які проживали в селах Улянівка, Баратівка, Оленівка (суч. Софіївка Новобузького району Миколаївської області), чиїм нащадком був сам. Але старий зовсім не пам'ятав імені їхнього батька Омеляна, сказав лише – «молодший брат Григорія Івановича Шевченка». Ні дати народження, нічого.

Цікавий попутник повідав також про те, що Єфросинію назвали на честь її прарабці (і прарабці Тараса) – Єфросинії Іванівни Шевченко. На думку Сергія Васильовича, така інформація заслуговувала на увагу, і він детально записав розповідь старого.

Цікавості до родинних зв'язків Омеляна Івановича Шевченка додало й те, що сам Тарас Григорович згадував про добре почуття до своїх дядьків Омеляна і Сави, але в літературі ніяких згадок про їх сім'ї не було, окрім однієї ремарки Дмитра Красицького у статті «Родовід»: «Дядько Омелько Іванович і дядина Тетяна були близькими поетами» (журнал «Слово і час», № 5, 1991, с. 89).

Цей випадок розбурхав бажання почати архівні пошуки. Знаючи про гарячу прив'язаність Кобзаря до своїх друзів і родичів, яку відзначала більшість з його сучасників, цілком логічно було припустити, що Шевченко провідував їх. Згодом Сергій Васильович відшукав у селі Новоселівка

Хрестоматійна версія: Хата батьків у Кирилівці. 1843. Папір, олівець. 18,5x27.
(під зображенням напис, зроблений В. В. Тарновським)

Широківського району під Кривим Рогом представника роду Омеляна Івановича Шевченка – Івана Мефодійовича Шияновського, від якого дізнався про те, що десь у 1845–1846 роках Тарас Шевченко відвідав землі сучасної Миколаївської області.

Зустріч у потягу виявилася однією з відправних точок у пошуках за цією родовою гілкою. Для підтвердження інформації про зв'язки поета зі своїми двоюрідними родичами, на які вказав дідусь Козлов, дослідник відправився на Миколаївщину. Своїм маленьким «Москвичем» він об'їхав усі навколошні обласні архіви, побував у столичному держархіві, на Черкащині.

Коли він вперше відвідав Миколаївський обласний державний архів і пояснив предметного дослідження, завідуюча закладом категорично сказала: «Це – безрезультатно! Ви нічого не знайдете. Тисячі разів вам зустрінеться в метричних книгах прізвище Шевченко, але як ви доведете, що саме це – нащадки роду Тараса Григоровича? Це одне з найпоширеніших прізвищ у нашій країні, і в кожному селищі знайдеться такий рід».

Але, незважаючи на всі інформаційні «провали» в архівних справах, С. Чаніну вдалося встановити, що батьком Дем'яна, Векли та Єфросинії був Омелян Іванович Шевченко. А від нього потягнулася ниточка знаменитого роду до Кривого Рогу, де живе журналіст.

Робота в архівах і листування з «відомими» нащадками Т. Г. Шевченка зайняли понад п'ять років і захопили пошуковця краще за детектив. За цей час Сергій Васильович перегорнув тисячі документів, об'їхав півкрайни, відтворив складні родословні зв'язки і відкрив невідомі до цього часу факти з життя найбільш розкрученого українського поета і митця.

Наприклад, дослідник каже: «Усі ми наївно полагаємо, що батько Тараса, Григорій Іванович Шевченко, жив у зліднях. Ale це – міф чистої води! Майже до самої смерті Григорій чумакував – їздив до Криму і Приазов'я за сіллю та рибою. До речі, брав із собою і десятилітнього Тараса, який добре запам'ятав шлях від Єлисаветграда через Херсонські землі. По Вознесенському тракту йшли на Улянівку, де була переправа, далі через Баратівку, Антонівку, Аннівку, у бік села Доброго, на Бармашово, а звідти – на Херсон і Крим».

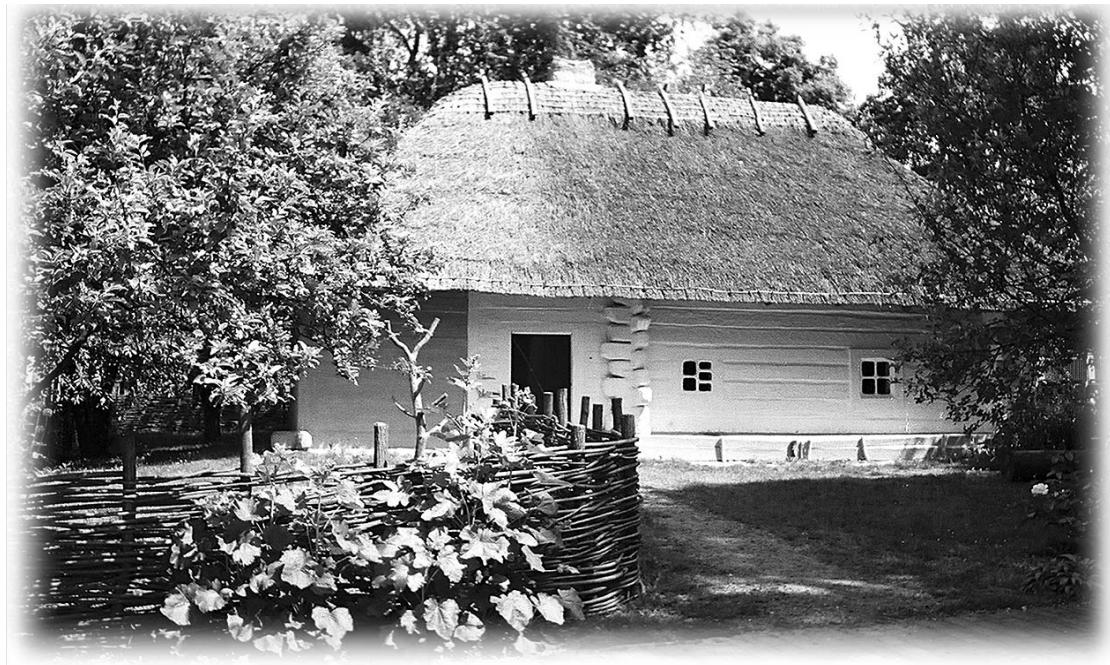
Як аргумент, С. Чанін згадує, що за тим часом праця чумака добре оплачувалась, і Григорій мав міцне господарство – пасіку, волів, овець. Він ніколи не працював на панщині! Г. Шевченко платив Енгельгардту «чумацькі», і родина навіть вважалася заможною. Відразу після смерті батька Тараса в хаті жив солдат-постоялець. А в царській Росії була офіційна установка розселяти солдат тільки в тих селян, де добре господарство, налагоджений побут, де солдату нададуть достойні умови для життя.

Збереглась фотографія села Керелівка того часу. Самої хати Шевченка немає, але є фото вулиці, на якій вона стояла, – добротні додглянуті хатини. І немає нічого близького до того малюнка, що був підписаний кимось «Тарасова хата». Скоріш за все, пояснює журналіст, як художник, Тарас зробив алегоричний малюнок – символ бідняцької України. А приписка на малюнку з'явилася вже через кілька десятиліть після смерті Тараса Григоровича. Комусь було вигідно створити такий міф.

Пошук нових фактів з життя Кобзаря познайомив С. В. Чаніна з цікавими людьми, нащадками роду. Сергій Васильович спілкувався з праپраонуком Т. Г. Шевченка по братові Йосипу – Миколою Павловичем Лисенком, який, поставивши за мету об'єднати усі сімейні зв'язки, залишив роботу головного інженера холодокомбінату в Києві і переселився до села Шевченкове (в Керелівку).

Задача, яку обрали обидва дослідники, не із легких, бо географія жительства родичів Т. Шевченка сьогодні простягається від України до Далекого Сходу, Південного Уралу, Казахстану, Канади, а деякі представники цього великого роду живуть і в США. С. Чанін зустрічався у Києві зі спадкоємцею роду молодшого брата Йосипа, науковим співробітником музею імені Тараса Шевченка Наталею Лисенко. Він звертався до старожилів Новобужжя через газету «Вперед» із проханням відгукнутися людей, які знають хоч щось про родину Омеляна Івановича Шевченка із села Улянівка. І знайшов.

Старожил селища Софіївка Новобузького району Микола Іларіонович Базалій, нащадок чигиринських козаків, яких Катерина II вислава до Херсонських степів, вивів дослідника на Шияновського Івана Мефодійовича, нащадка рідного дядька Т. Г. Шевченка.

*Батьківська хатина (реконструйовано) Т. Г. Шевченка,
де поет провів своє дитинство. Знаходиться на території Національного історико-культурного
заповідника «Батьківщина Тараса Шевченка», неподалік музею поета,
в селі Шевченкове Звенигородського району Черкаської області*

У 2004 р. на оголошення в газеті «Вперед» відгукнулися відразу дві жінки – Тамара Дмитрівна Савенко, яка живе у Новому Бузі, та її рідна сестра Любов Петрівна Корнієнко із села Улянівка. Вони повідомили, що їхня мати Олександра Степанівна Корнієнко (у дівоцтві Шевченко) живе в Улянівці і єй 90 років. О. С. Корнієнко – онука Дем'яна Шевченка, двоюрідного брата Тараса.

Одне тільки шкода: через старість вона не пам'ятає по батькові діда Дем'яна. Коли він помер, їй ішов шостий рік. А от рідних сестер діда Олександра Степанівна добре пам'яタла. Старша, Єфросинія, вийшла заміж за Альошу Козлова, середня – за Максима Гайдасенка. Дідусь Дем'ян помер і був похований в Улянівці. Через Тамару Дмитрівну Савенко С. Чанін знайшов правнука діда Дем'яна – Віктора Дмитровича Гайдасенка, який виявився земляком дослідника, бо жив у Кривому Розі.

Зав'язалось листування. Любов Корнієнко писала: «Старожили селища Улянівка пам'ятали, що до Омеляна в гості часто приїздив Григорій Шевченко. Навіть казали, що він із родиною збирався переїхати до Улянівки, але чомусь передумав». Сергію Чаніну вперше вдалося встановити, що між братами Омеляном і Григорієм Шевченком, – батьком поета, підтримувались теплі родинні стосунки. Журналіст відшукав свідоцтва не тільки місців сімейних уз, але й духовних зв'язків між родинами. При народженні у Григорія дочки Ірини (рідної сестри Тараса) дружина Омеляна, Тетяна Павлівна, була хресною матір'ю. Про це свідчить запис у метричній книзі однієї з церков Звенигородщини.

Поряд з цим відкриттям, досконально вивчивши усі відомі родинні лінії, С. Чанін склав генеалогічне дерево, яке бере початок від прадідуся Тараса Шевченка з боку батька – Андрія Безродного-Шевченка. Мало хто з шанувальників Кобзаря може похвалитися таким досконалим знанням заплутаних родинних зв'язків предків і нащадків Великого Українця. Генеалогією роду Т. Г. Шевченка, вважає С. Чанін, учені практично не займалися. А в миколаївських краснавців-музейників на це бракувало коштів.

Як же з'явилися Шевченкові родичі в наших краях?

У документально-художній повісті «Гнані вітром» і науково-популярному нарисі «Великий рід великої людини» С. В. Чанін розповідає про те, що на початку XIX ст. власник села Керелівка пан Енгельгардт перевів селянина-кріпака Омеляна Івановича Шевченка з київського до херсонського

маєтку, спочатку в Піски, а звідти вгору за течією Інгулу – в с. Улянівку. На новому місці Омелян одружився вдруге. Від цього шлюбу й народилися Єфросинія (1821), Дем'ян (1822) і Векла (1823).

Нащадки розповідають, що землі в Тарасового дядька було небагато, бо надавалась вона тільки на осіб чоловічої статі, а в Омеляна Івановича був один син – Дем'ян. Ось і довелось господарю обирати економічну, але прибуткову галузь – бджільництво. О. І. Шевченко першим серед керелівських переселенців завів пасіку і розбив за хатою садок.

Селище Улянівка розташоване за кілька кілометрів від Нового Бугу, у тому місці, де звивиста річка Інгул робить зигзагоподібну петлю. Ще у XIX ст. тут був зроблений штучний відвід русла річки, аби вода, яка протікала в кількох метрах від панського двору, не підмивала берег і місце, де стояла білокам'яна красуня – Успенська церква. І селище, і церква були названі на честь дружини засновника с. Баратівка Уляни, яка займалася їх будівництвом. 1842 року спадкоємцями маєтку і тутешньої гілки Шевченківського роду стало подружжя Гербелів – Карл Густавович і його дружина Марфа Данилівна. На північ від Улянівки, неподалік від Оленівки (сучасна Софіївка), проходив Вознесенський тракт, що пов'язував два колишніх військових поселення – Новий Буг і Вознесенськ. Цей тракт у кількох кілометрах від Оленівки пересікався зі старим Єлисаветградським, яким чумаки через Бобринець їздили до Криму.

Виходячи з історичної реконструкції С. В. Чаніна, який спирається на архівні знахідки, сімейні легенди, спогади правнука Єфросинії, двоюрідної сестри Т. Шевченка, – Івана Мефодійовича Шияновського (аудіо-, відеозаписи Криворізької студії телебачення), маємо новий епізод із життя Кобзаря. У 1845 році, коли поет за завданням комісії з розбору стародавніх актів подорожував Ромоданівським шляхом до Кременчука, він навідався і на Миколаївщину до своїх новобузьких родичів. Шлях його пролягав маршрутом, який був добре відомий з дитинства, по території сучасної Миколаївщини – через селища Оленівку, Плохову Пустоту, Овсянівку, Баратівку, Улянівку.

У повісті «Наймичка» Т. Шевченко згадує дорогу через Гуляй-Поле, Новомиргород, Дідову балку, Грузівку, Єлисаветград. Далі – найкоротшим чумацьким шляхом: через Компаніївку, Бобринець, Кетрисанівку, Ольгополь, Вознесенським трактом на Улянівку.

Старанно вивчивши подорожі Шевченка по Україні, дослідник виявив цікаві обставини: багато хто із знайомих і друзів Тараса надавав йому своїх коней «убік», щоб він міг відхилитися від наміченого шляху за покликом серця. А поміщик О. Лук'янович (с. Мар'янське на Полтавщині), надавши в користування Шевченкові своє житло і бібліотеку, міг запропонувати йому й поїздку у своїй маєтності на Херсонщині. Для того, щоб відвідати своїх родичів у нинішньому Новобузькому районі Миколаївської області, Тарасові потрібно було два дні подорожі. А це за тих умов було реально.

Літературознавча гіпотеза С. Чаніна звучить досить переконливо. І за 8 років з часу її озвучення в різних виданнях і ЗМІ не знайшлося беззаперечних антиаргументів.

Візит Тараса був до молодят – двоюрідної сестри Єфросинії Омелянівни Шевченко та її чоловіка Олексія Козлова, особистого лакея генерала С. М. Гербеля (наданого власнику с. Баратівка, Почесному громадянину міста Миколаєва, за особисті заслуги самим імператором Миколою I).

Ще дівчиною Єфросинія Шевченко пішла працювати на панів у Баратівку. Спочатку носила воду та бруски косарям. Сестра Сергія Миколайовича – Ольга Миколаївна – довго придивлялася до дівчини, часто розмовляла з нею, і згодом, коли упевнилася, що дівчина розумна і роботяща, з міцною господарською жилкою, запропонувала їй повчитися у дворовій школі, найняла вчителя-француза, щоб навчив її писати і рахувати, бо все інше в неї було.

Так Єфросинія стала ключницею (економкою) в панському маєтку Гербелів. Аби дівчина не вставала вдосвіта і не била ніг, добираючись із Улянівки чотири версти в Баратівку, їй дали кімнату в одному з підсобних приміщень. А ще через деякий час Ольга Миколаївна одружила відданого її калузького слугу Олексія Козлова зі своєю протеже. Вінчалися молодята в улянівській Успенській церкві.

Іван Мефодійович Шияновський, онук Єфросинії, переказав С. В. Чаніну розповідь бабусі. Зрозуміло, що його дитяча пам'ять зберегла притаманні віку враження. Такі, наприклад, як захоплення від подарунків, що привіз сестрі Тарас.

Літнього дня 1845 р. Тарас Шевченко приїхав до Баратівки параконною бричкою з візником. Він був одягнений досить елегантно: біла широка сорочка зі стоячим комірцем, на шиї – шовковий кремовий шарфік. У руках кремезний молодик тримав продовгуватий пакунок.

Гостя запросили до вітальні, де його зустріла господиня дому. Вона знала про Шевченка-поета. Покликали молодят. Коли Єфросинія увійшла, то оторопіла від несподіванки:

– Тарас! Звідки?

Привіталися, і той сказав, що дізвався про їхнє вінчання від дядька Микити. Брат розстібнув чохол і простягнув сестрі... (тут бабуся Єфросинія замовкала, а онук нетерпляче перепитував: «Що?») – дві французькі парасольки із загнутими ручками.

– Це Вам на пам'ять.

Вже проводжаючи Тараса, сестра прошепотіла йому на вухо:

– Пишеш про панів, хулиш їх і в хвіст і в гриву, а сам розодягнутий як пан. Як це?

– Не хочу бути білою вороною, – теж пошепки відповів Тарас.

Цей діалог онук запам'ятав дослівно.

Через кілька хвилин Тарас Григорович поїхав до сусідньої Улянівки. Провідав дядька Омеляна, приділив кілька хвилин братові Дем'яну, побачився із сестрами.

За свідченням родичів Дем'яна, Тарас відшукав двоюрідного брата в улянівській церкві, де той організував хор, а в останні роки був церковним старостою. (Через століття, в 1939 р., радянська влада висадила цю церкву в повітря динамітом.)

За спогадами старожилів, усі діти О. І. Шевченка прожили довге життя – успадкували ген довголіття: Дем'ян – 98, Векла – 96, Єфросинія – 104 роки!

У Дем'яна Омеляновича і його жінки Досі Микитівни було четверо синів – Данило, Степан, Свирид (у документах ДАМО – Спиридон), Григорій і дочка Марія. Доля усіх склалася трагічно. У 20-х роках ХХ ст. нащадки Шевченкового роду були розкуркулені й вислані: хто на Донбас, хто під Свердловськ. А Іван Мефодійович Шияновський через століття майже повторив трагічну долю свого великого предка. Про це йшлося в матеріалах обласних краєзнавчих конференцій, що їх проводить Миколаївський обласний краєзнавчий музей на базі Обласної наукової бібліотеки ім. О. Гмирьова.

Оповість С. В. Чаніна про свої пошуки викликає як подив і радість відкриття в історії роду Шевченків, так і почуття вдячності за його дослідницьку працю. Повість «Великий рід великої людини» була написана російською мовою, але вперше побачила світ українською. Робота журналіста була видана 2008 року 10-тисячним тиражем за держзамовленням у рамках програми «Українська книга». Зацікавилось цією працею і харківське видавництво «ФОЛІО», зробило її переклад. В оригіналі книга вийшла вже у Кривому Розі у видавництві «СТПРЕС» 2009 року.

Тож завдяки історичній реконструкції, здійсненій С. В. Чаніним, маємо сенсацію від родичів Кобзаря: Т. Г. Шевченко був на Новобужжі! Шевченків рід незнищений, і сьогодні його нащадки живуть на Миколаївщині.

Александренко Ірина Іванівна. Старший науковий співробітник Миколаївського обласного краєзнавчого музею, лауреат обласної премії ім. Аркаса, делегат I Всеукраїнського з'їзду музеїв до 200-річчя Т. Г. Шевченка.

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

БЫВАЛ ЛИ ТАРАС ШЕВЧЕНКО В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ?

В издательстве Национального университета кораблестроения им. адмирала С. Макарова вышел сборник очерков «Дешица до шевченкіані Миколаївщини».

Как это бывает в литературном регионаловедении, проблему изучения творческих, биографических связей деятелей культуры, писателей-классиков первоначально ставит один исследователь, в дальнейшем десятки людей дополняют и исправляют его краеведческие находки. К примеру, непререкаемым авторитетом у николаевских историков пользуются многочисленные энциклопедические статьи, краеведческие труды профессора Ю. С. Крючкова о прошлом кораблестроения, города Николаева. Подлинный талант знатока литературной истории края раскрылся в публикациях бывшего председателя правления Николаевской «Просвіти» поэта В. П. Бойченко, его итоговой книге «Три зошита» (2011). Он рассказал о родовых связях потомков Т. Шевченко со Степным Причерноморьем, объективно, с позиций научного шевченковедения пытался комментировать местные легенды и мифы вокруг имени великого украинского поэта. Страницами да-леведения стали краеведческие разыскания инженера В. А. Золотухина.

Ещё в пору учёбы в медицинском институте И. Б. Марцинковского заинтересовал вопрос о причине смерти Т. Г. Шевченко, архивный поиск принёс необычайное удовлетворение, и с тех пор имя и творчество поэта стали для него ещё более притягательными. Сегодня доцент Марцинковский – автор газетных и журнальных публикаций, краеведческих материалов о шевченковской эпохе, исторических, биографических связях флотских офицеров, лекарей, деятелей культуры, писателей, близких и знакомых Шевченко, всех, кто когда-либо входил в его окружение. Конечно, исследователя занимают прежде всего николаевские реалии в драматической судьбе Кобзаря.

К примеру, он рассказывает о жизни и деятельности уроженца Николаевской области С. Южакова, ведущего сотрудника передового российского журнала «Русское богатство» и главного редактора 22-томной «Большой энциклопедии». Именно это популярное среди читателей издание ранее других поместило справочную статью о Т. Г. Шевченко (т. 20, 1900). Еще один николаевец по рождению – прозаик и драматург П. Гайдебуров – опубликовал на страницах «Современника» свой стихотворный перевод на русский язык лиро-эпической поэмы «Гайдамаки». Публикация в журнале сопровождалась стихотворением-посвящением «Памяти Т. Г. Шевченко».

Пожалуй, будет справедливым признать: исторические очерки автора воспринимаются с большим интересом, нежели современные рецепции шевченковской темы.

В статье о знакомце Т. Шевченко и А. Пушкина, военном лекаре О. Рудковском, упоминается его путешествие с семьёй генерала Н. Раевского из Симферополя через Николаев. Лекарю тогда пришлось избавлять Пушкина от лихорадки (микстурой и хной). Этот факт известен и из материалов коллективного сборника пушкинистов Крыма «К пределам дальним...» (2010). Вузовские филологи, музейные, библиотечные работники предприняли новый шаг в изучении пушкинского наследия, реконструировали весь маршрут путешествия поэта по Крыму и таким образом значительно дополнили биографический словарь «Пушкин и его окружение».

Вслед за публикациями предшественников И. Марцинковский решается самостоятельно представить шевченковскую тему в её региональных связях. Известно, что большую часть своей короткой жизни поэт провёл за пределами Украины и фактически посетил её лишь трижды. Последний раз в мае – начале июня 1859 года ему удалось побывать в Киевской, Черниговской и Полтавской губерниях, уже находясь под строгим надзором тайной полиции. Шевченко стремился в родные края, село Кирилловку, где жили брат и сестра. На вопрос, вынесенный в заголовок статьи, ещё более сорока лет назад пытался дать ответ краевед В. Орел, ему оппонировал одесский писатель Г. Зленко. Анализируя полемику, автор «Дещиці до шевченкіані...» считает посещение поэтом николаевского степного села Голосково маловероятным. Попутно заметим, что Шевченко не удалось побывать и в Одессе. Воспоминания современников, рассказавших о его путешествии по южной Подольской губернии (ныне территория Николаевской, Одесской обл.), для исследователя интересны как сведения региональной истории или апокрифический текст. Предъявляя читателю свои аргументы, автор убедителен, когда опирается на материалы, почерпнутые из архивных документов, научных свидетельств, последовательно демонстрирует осведомлённость, указывая на многочисленные краеведческие источники. Кстати, некоторые очерки в сборнике («Черноморский казак-писатель Яков Кухаренко, товарищ поэта-художника Тараса Шевченко») содержат чрезмерное количество цитат и ссылок, что порой затрудняет восприятие текста.

В книге изложена история дружбы опального украинского поэта и флотских офицеров, служивших в Николаеве, братьев Алексея и Ивана Бутаковых, всей семьи Бутаковых. Возглавив экспедицию по изучению Аральского моря, капитан-лейтенант А. Бутаков настоял на включении в её состав ссыльного поэта-художника Т. Шевченко, в плавании на шхуне «Константин» они жили в одной каюте. Его «братьское» отношение облегчило тяготы солдатской службы поэта. За время экспедиции он написал около 50 стихотворений, создал десятки этюдов и портретов, составивших огромный альбом, наблюдал и рисовал сцены народной жизни рыбаков и кочевников. Шевченко пользовался расположением и И. Бутакова, тоже военного моряка, дважды совершившего кругосветное путешествие, однако его имя в шевченковской историографии не было упомянуто. И. Марцинковский исправил этот просчёт, стал автором статей в авторитетной «Шевченковской энциклопедии».

Ещё один сюжет книги заслуживает особого внимания: Тарас Шевченко и Владимир Даляр. Известно, что детство и юные годы будущего учёного-лексикографа, моряка и врача прошли в Николаеве, куда И. М. Даляр, отец семейства, в 1805 г. был назначен главным лекарем порта и медицинским инспектором Черноморского флота. Знакомство поэта с мичманом Далям произошло в Санкт-Петербурге, об этом можно судить по автобиографическим материалам, вошедшим в повесть Шевченко «Художник». Они общались, но не были закадычными друзьями. Поэт гостил у Даля в Нижнем Новгороде, подарил автограф стихотворения «Рано-вранці новобранці...». Дневниковые записи поэта, которые цитирует автор, его замечания об отчуждении взаимоотношений между Шевченко и Далям, на наш взгляд, нуждаются в комментариях.

Дело в том, что дружба таких масштабных фигур не могла носить идиллический характер. Они были разными и по социальному происхождению, и по мировосприятию. Как у всякого человека, у Шевченко были свои личностные, художественные пристрастия. Поэт по-своему воспринимал консерватизм общественно-политического мышления, религиозные догматы, отсюда суждения – «сухой Даляр», «умный человек», «сухой немец». Нельзя считать «выпадами» и его критические высказывания о далевских переводах библейских псалмов. Шевченко сам следовал традиции

мироїй літератури, сочинял «подражання» откровенням древніх пророков. Такі же сугубо личностные отношення складались у поета і со знакомым по Академії художеств І. Айвазовським. Они одновременно выставлялись на художественных выставках, непродолжительное время жили вместе на съёмной квартире в Петербурге.

Будем помнить и о том, что существовало различное восприятие творчества самого Шевченко. По-разному его оценивали даже те, кто принимал активное участие в устройстве драматической судьбы поэта. Это был, к примеру, М. Драгоманов. М. Грушевский объяснял природу контрастов в гражданской лирике Шевченко противоречиями между «богохульными высказываниями против официального Бога и искренней верой в своего собственного Господа». Сегодня в массовых изданиях распространены гоголевские суждения о стихах Кобзаря: в них «много дегтя» и мало высокой «нетленной поэзии», – оценка, записанная в 1851 году молодым Г. Данилевским на квартире Гоголя за четыре месяца до его смерти. Большинство шевченковедов ставят под сомнение возможность такой встречи. Кроме записи Г. Данилевского, она никем не подтверждена. Вместе с тем среди современников украинского поэта существовало и другое понимание его творчества, лишённое всяческих мистификаций. Его прекрасно выразил Н. Г. Чернышевский ещё при жизни поэта. «Когда у поляков явился Мицкевич, – писал он, – они перестали нуждаться в снисходительных отзывах каких-нибудь французских или немецких критиков... Имея теперь такого поэта, как Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни в чьей благосклонности».

Автору очерков в поиске шевченковских следов на причерноморской земле повезло несколько раз. В его руки попал один из списков запрещённых стихотворных текстов Т. Шевченко, которые и при жизни поэта и после его смерти широко «ходили» не только по территории Российской империи, Украине, но попадали и в Беларусь, Польшу, на Кавказ. Такие рукописные списки становились порой семейными реликвиями, передавались от поколения к поколению, они были, сообщает автор, и в библиотеке флотского лекаря, жителя Николаева В. Стадомского, первого председателя Николаевской «Просвіти» историка и композитора Н. Аркаса. Сегодня подобные списки – достояние академических учреждений, где сосредоточено изучение наследия Великого Кобзаря.

Найденный рукописный список стихотворений – самодельно сброшюрованная книжка малого формата, основательно повреждена, её страницы размыты, плохо читаются и всё-таки дают яркое представление о пафосе произведений Шевченко, вызывавших немедленные репрессии самодержавной власти. Достаточно сказать, что рукописная книжка включает поэмы «Кавказ», «Сон» («У всякого своя доля...») и знаменитый «Заповіт». Из-за идеологических соображений поэзия Шевченко подвергалась цензуре во все времена. Так, почти все публикации «Заповіту» и в советские годы содержали строки, которые искажали образ автора, представляя его завзятым атеистом. Вспомним эти строки:

*Все покину і полину
До самого Бога
Молитися... А до того –
Я не знаю Бога.*

В лейпцигском бесцензурном издании стихотворений Шевченко 1859 года эта строфа читается иначе:

*Все покину і полину
До самого Бога
Молитися... А до того
Поховайте та вставайте...*

Совместно с издательством Национального университета кораблестроения И. Б. Марцинковскому удалось опубликовать факсимильную редакцию николаевского списка запрещённых произведений Т. Шевченко. Издание было осуществлено при участии областного объединения «Просвіта».

Увлечение творчеством великого поэта для автора сборника, ныне кандидата медицинских наук, началось с изучения биографии Шевченко. От чего же умер поэт, каковым было медицинское заключение о его смерти? Николаевский исследователь говорит по этому поводу следующее:

– Тарас Григорьевич умер в 47 лет, из них 24 года провёл в крепостной неволе, 10 – в ссылке и лишь 13 лет прожил в условиях «свободы», изведать настоящей воли ему так и не пришлось.

Непосредственной причиной смерти стал отёк легких. Поэт страдал ревматизмом, пороком сердца, вызванными тяжёлыми условиями пребывания в длительной ссылке. Перенёс брюшной тиф, цингу. Заключение медиков основано на анализе течения заболевания по существующим упоминаниям Шевченко признаков своего недуга, страницам его творчества, свидетельствам современников, наблюдениям внешнего вида поэта на его автопортретах.

Мирошниченко Евгений Гордеевич. Литературный критик, историк литературы, журналист. Родился 23 февраля 1939 года в Витебске, Белоруссия. Окончил Одесский госуниверситет (1970) и аспирантуру МГУ (1980). Доцент Николаевского межрегионального института Киевского университета «Украина». Кандидат филологических наук, член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения. Автор историко-литературных и культурологических очерков, рецензий, интервью, опубликованных в газетной и журнальной периодике, книг: «Я зачем-то съездил в Николаев...», «Чайка над лиманом», «Время и бремя культуры», «Город и миф», «Живущие на перекрёстке», «Литературный Николаев». Дипломант Международной литературной премии им. Великого князя Юрия Долgorукого (2005). Член редколлегии литературно-художественного журнала «Соборная улица».

На презентации книги «Децица до шевченкіані Миколаївщини»
в городской библиотеке им. Кропивницкого

Шевченко Тарас Григорович. Відомий український поет, прозаїк, художник, мислитель. Народився 9 березня 1814 року в с. Моринці Звенигородського повіту Київської губернії (тепер Черкаська обл.) в сім'ї селянина-кріпа-ка. З 1829 року жив у м. Вільні, з 1831 року – у Петербурзі. 1838 року Шевченка викуплено з кріпацтва й того самого року прийнято до Петербурзької академії мистецтв, де він став учнем К. Брюллова. Тарас Шевченко почав писати вірші у другій половині 30-х років. 1840 року в Петербурзі вийшла всесвітньо-відома збірка поезій Шевченка під назвою «Кобзар». 1847 року заарештований за участь у Кирило-Мефодіївському братстві й засланий на 10 років у солдати із царською забороною писати й малювати. В ув'язненні писав вірші, які згодом об'єднав у цикл «В казематі». У 1854–1858 роках написав російською мовою повісті «Музикант», «Художник», «Нещасний», «Капітанша», «Близнята». Був одним з найвидатніших майстрів українського образотворчого мистецтва. Є автором понад тисячі мистецьких творів. У 1859–1860 роках виконав офорти з творів зарубіжних та російських художників, за які отримав 1860 року звання академіка гравірування Петербурзької академії мистецтв. Помер 10 березня 1861 року в Петербурзі. Похований на Смоленському кладовищі. Через два місяці, виконуючи заповіт поета, друзі перевезли його прах на Україну і поховали на Чернечій (тепер Тарасова) горі біля Канева.

Тарас ШЕВЧЕНКО

НЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ТИЇ СЛАВИ...

* * *

Не женися на багатій,
Бо вижене з хати,
Не женися на убогій,
Бо не будеш спати.
Оженись на вольній волі,
На козацькій долі,
Яка буде, така й буде,
Чи гола, то й гола.
Та ніхто не докучас
І не розважає –
Чого болить і де болить,
Ніхто не питає.
Удвох, кажуть, і плакати
Мов легше неначе;
Не потурай: легше плакать,
Як ніхто не бачить.

* * *

Мов за подушне, оступили
Оце мене на чужині
Нудъга і осінь. Боже милий,
Де ж заховатися мені?
Що діяти? Уже й гуляю
По цім Арапу, і пишу.
Віршую нищечком, грішу.
Бог зна колишній слuchaї
В душі своїй перебираю
Та списую; щоб та печаль
Не перлася, як той москаль,
В самотню душу. Лютий злодій
Впирається-таки, та й годі.

* * *

Заворожи мені, волхве,
Друже сивоусий,
Ти вже серце запечатав,
А я ще боюся.

Боюся ще погорілу
Пустку руйновати,
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховати.
Може, вернеться надія
З тісю водою
Зцілющою й живущою,
Дрібною сльозою.
Може, вернеться з-за світа
В пустку зимовати,
Хоч всередині обілити
Горілую хату.
І витопить, і нагріє,
І світло засвітить...
Може, ще раз прокинуться
Мої думи-діти.
Може, ще раз помолюся,
З дітками заплачу,
Може, ще раз сонце правди
Хоч крізь сон побачу...
Стань же братом, хоч одури,
Скажи, що робити:
Чи молитись, чи журитись,
Чи тім'я розбити??!

* * *

Не для людей, тієї слави,
Мережані та кучеряві
Оці вірші віршую я.
Для себе, братія моя!
Мені легшає в неволі,
Як я їх складаю,
З-за Дніпра мов далекого
Слова прилітають.
І стеляться на папері,
Плачуши, сміючись,
Мов ті діти. І радують
Одиноку душу
Убогую. Любо мені.
Любо мені з ними,
Мов батькові багатому
З дітками малими.
І радий я, і веселий,
І Бога благаю,
Щоб не приспав моїх діток
В далекому краю.
Нехай летять додомоньку
Легенькії діти

Та розкажуть, як то тяжко
 Було їм на світі.
 І в сім'ї веселій тихо
 Дітей привітають,
 І сивою головою
 Батько покиває.
 Мати скаже: бодай тії
 Діти не родились.
 А дівчина подумає:
 Я їх полюбила.

ДАВИДОВІ ПСАЛМИ

1

Блаженний муж на лукаву
 Не вступає раду,
 І не стане на путь злого,
 І з лютим не сяде.
 А в законі Господньому
 Серце його й воля
 Навчається, і стане він,
 Як на добрім полі
 Над водою посажене
 Древо зеленіє,
 Плодом вкрите. Так і муж той
 В добрі своїм спіє,
 А лукавих, нечестивих
 І слід пропадає,
 Як той попіл над землею
 Вітер розмахає.
 І не встануть з праведними
 Злії з домовини,
 Діла добрих оновляться,
 Діла злих загинуть.

* * *

Не так тії вороги,
 Як добрії люди –
 І окрадуть, жалкуючи,
 Плачучи, осудять,
 І попросять тебе в хату,
 І будуть вітати,
 І питати тебе про тебе,
 Щоб потім сміятись,
 Щоб з тебе сміятись,
 Щоб тебе добити...

Без ворогів можна в світі
Як-небудь прожити.
А ці добрі люди
Найдуть тебе всюди,
І на тім світі добрахи
Тебе не забудуть.

* * *

І день іде, і ніч іде.
І голову схопивши в руки,
Дивується, чому не йде
Апостол правди і науки!

* * *

На Великдень на соломі
Против сонця діти
Гралися собі крашанками
Та й стали хвалитись
Обновами. Тому к святкам
З лиштвою пошили
Сорочечку. А тій стъожку,
Тій стрічку купили.
Кому шапочку смушеву,
Чобітки шкапові,
Кому свитку. Одна тілько
Сидить без обнови
Сиріточка, рученята
Сховавши в рукава.
– Мені мати куповала.
– Мені батько справив.
– А мені хрещена мати
Лиштву вишивала.
– А я в попа обідала, –
Сирітка сказала.

* * *

Не журюсь я, а не спиться
Часом до півночі,
Усе світять ті близкучі
Твої чорні очі.
Мов говорять тихесенько:
«Хоч, небоже, раю?
Він у мене тут, у серці».
А серця немає,
Й не було його ніколи,
Тільки шматок м'яса...

Нащо ж хороше і пишно
 Так ти розцвілася?
 Не журюсь я, а не спиться
 Часом і до світа,
 Усе думка побиває,
 Як би ж так прожити,
 Щоб ніколи такі очі
 Серця не вразили.

В КАЗЕМАТИ

III

Мені однаково, чи буду
 Я жити в Україні, чи ні.
 Чи хто згадає, чи забуде
 Мене в снігу на чужині –
 Однаковісінько мені.
 В неволі виріс між чужими
 І, неоплаканий своїми,
 В неволі, плачуши, умру.
 І все з собою заберу,
 Малого сліду не покину
 На нашій славній Україні,
 На нашій – не своїй землі.
 І не пом'яне батько з сином,
 Не скаже синові: – Молись,
 Молися, сину, за Вкраїну
 Його замучили колись. –
 Мені однаково, чи буде
 Той син молитися, чи ні...
 Та неоднаково мені,
 Як Україну злії люде
 Присплять, лукаві, і в огні
 Її, окраденую, збудять...
 Ох, не однаково мені.

* * *

Огні горяТЬ, музика грає,
 Музика плаче, завиває;
 Алмазом добрим, дорогим
 СіяЮТЬ очі молодії;
 Витає радость і надія
 В очах веселих, любо їм,
 Очам негрішним, молодим.
 І всі регочуться, сміються,
 І всі танцюють. Тілько я,

Неначе заклятий, дивлюся
І нишком плачу, плачу я.
Чого ж я плачу? Мабуть, шкода,
Що без пригоди, мов негода,
Минула молодості мої.

* * *

І Архімед, і Галілей
Вина й не бачили. Єлей
Потік у черево чернече!
А ви, свяtie предотечі,
По всьому світу розійшлись
І крихту хліба понесли
Царям убогим. Буде бите
Царями сіянеє жито!
А люде виростуть. Умрутъ
Ще незачатие царята...
І на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син, і буде мати,
І будуть люде на землі.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

На Николаевщине отметили 100-летие со дня рождения выдающегося российского и украинского поэта, лауреата Государственной премии имени Т. Г. Шевченко Леонида Николаевича Вышеславского. Его биография началась на берегу Ингула, всю жизнь и физически, и мысленно он возвращался в Николаев, на свою малую родину. Единственный прозаический сборник поэта «Наизусть» (1989) содержит талантливые строки воспоминаний о своём детстве, а также эпизоды из богатой событиями жизни поэта.

Вышеславский Леонид Николаевич. Выдающийся советский и украинский поэт, литераторовед, переводчик, педагог. Писал произведения на русском и украинском языках. За время творческой деятельности издал более 60 книг стихотворений, прозы и переводов. Родился в г. Николаеве 5 (18) марта 1914 г. С 1922 г. жил и учился в Харькове. Первые стихи напечатаны в харьковском журнале «Красное слово» (1931) и в московском – «Молодая гвардия» (1933). В 1936 году в Киеве вышла первая книга поэта «Весна вдвое». Окончил филфак Киевского университета (1938). Во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, дважды был тяжело ранен. После демобилизации (1947) преподавал теорию литературы в пединституте и Киевском университете. В 1948 г. стал главным редактором журнала «Советская Украина». По его инициативе журнал был переименован в «Радугу» (1963). Член Академии экологии Украины. Член НСПУ. Произведения переводились на польский, немецкий, французский, чешский, китайский и другие языки. Лауреат литературной премии им. Павла Тычины (1975) и Национальной премии Украины им. Тараса Шевченко (1984). Награждён орденами: Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, Дружбы народов, «Знак Почёта». Носил звание «Председателя Земного Шара», переданное ему поэтом Григорием Петниковым 21.10.1963 г. До последних дней вёл активную творческую жизнь и общение с выдающимися современниками. Умер 26.11.2002 г. Похоронен в Киеве на Байковом кладбище.

ПРЕДЗЕМШАРА-2

Огромная кафельная печь, как зеркало, занимает угол комнаты. Хозяин прижимается к ней спиной, слегка за-прокинув голову, не столько согреваясь, хотя в комнате и прохладно, сколько рисуясь своей высокой, статной фигурой. Эдакая рисовка и горделивость подчёркиваются дымящей трубкой, крепко зажатой в зубах и торчащей над выдвинутым вперёд подбородком. Лицо овальное, очень вытянутое, как на портрете работы Н. Тыrsы в книге Григория Петникова «Ночные молнии».

– Вот, полюбуйтесь, – указывает он кивком головы на потолок. – Течёт... Куда течёт? На стол. Положишь на стол том Хлебникова. Опять течёт. Куда? На Хлебникова течёт...

В такой манере, не то шутливо, не то серьёзно, говорил Предземшара-2, когда я впервые пришёл в его одноэтажный домик на Старо-Московской улице в Харькове. Домик тоже был старый, затиснутый салями в глубине двора, с нечиненою крышей.

Привёл меня туда товарищ Петников по гимназии, родной брат моего отчима. Оба они были для меня в ту пору несравненными авторитетами. Да я и теперь считаю Григория Петникова крупным поэтом, почему-то несправедливо забытым, а своего дядю, Юрия Платонова, – прекрасным прозаиком, оставившим след в украинской литературе повестью для юношества «Хмереч», изданной в Харькове в начале 30-х годов.

Дядя Юра сидел за столом, на который «течёт», и широко улыбался, напоминая негра ослепительной белизной зубов и глазных яблок на смуглом до черноты лице.

Хозяин, обращаясь к нему, продолжал:

— Вот приходит взять интервью для УЖа девушка. Какая? Белокурая. А сегодня раскрываю журнал. Статья. Какая? Ругательная. Кто написал? Девушка. Какая? Белокурая.

Петников и дядя Юра смеются, а я благоговейно озираю полки с книгами, мебель, кафельную печь. Я знал, куда пришёл. В этой комнате жил Велимир Хлебников. Здесь, за этим вот столом, писалось «Воззвание Председателей земного шара» — большая поэма, пышущая ненавистью к проходившей тогда Первой мировой войне, ко всем тем, кому война была выгодна.

*Только мы, встав на глыбу
Себя и своих имён,
Хотим среди моря ваших злобных зрачков...
Назвать и впредь величать себя
Председателями земного шара.
Какие наглецы — скажут некоторые,
Нет, они святые — возразят другие.
Но мы улыбнёмся, как боги,
И покажем рукою на Солнце.*

Спустя много-много лет Петников в письме ко мне так прокомментировал идею своей молодости: «Председатели земного шара, возникшие в 1916-м, в пору империалистической войны, в первую голову как протест против войны, — своего рода комитет в защиту мира, которого тогда ещё не было, по мысли Хлебникова, не ставивший своей целью ни «править», ни «карать»... И если уж говорить языком поэзии, то речь шла в те давние уже времена о «летучем правительстве солнечного мира», о «приходе товарищей Солнца»...»

Обо всём этом — о «Воззвании Предземшара», о людях — поэтах, художниках, артистах, бывавших в домике на Старо-Московской, об Асееве и Маяковском, с которыми Петников работал в издательстве «Лирень», — Предземшара-2 рассказывал мне потом и писал в многочисленных письмах, а тогда, в первый раз, я хотел одного: чтобы он оценил мои стихотворные начинания. Но хозяину и его другу было явно не до меня. На книжных полках, кроме ценнейших поэтических первоизданий с дарственными надписями авторов, стояло много всевозможных словарей, справочников, атласов, альбомов и каталогов. Каталоги охотничьих ружей, фотоаппаратов, музыкальных инструментов, биноклей. Каталоги велосипедов, мотоциклов, автомобилей. Вот эти-то книги друзья и развернули на столе. Внимательнее всего рассматривался каталог охотничьих ружей.

На стене висела двустволка марки «Зауэр». Петников снял её со стены, положил на средний пальец правой руки, установив равновесие там, где кончается колодка. Попросил обратить внимание на приклад.

— Выточен из орехового дерева! А дула! Трёхкольцевая сталь! Далёкий, густой, сильный бой.

Хозяин взводил тугие курки, показывал, какое ружьё прикладистое, картино прицеливался в сторону окна.

И с ещё большим интересом перелистывались страницы каталога.

Чего там только не было! И «Лепажа стволы роковые», воспетые Пушкиным, и тот же Зауэр, Лебо, Франкотт, Каррон, всевозможные винчестеры, браунинги, маузеры... Знатоки любовались ружейными ложками, выложенными инкрустацией, серебряной и золотой гравировкой на замках. На некоторых замках и стволах были выгравированы сцены охоты, всадники, мчащиеся в широкополых шляпах, и борзые, летящие по тем лесным дебрям, где, говоря словами Пастернака, «любили бездонной лазурью, свистевшей в ушах лошадей, целовались заливистым лаем погони».

В тот день я пережил то, что хорошо описал харьковский поэт Васыль Мысык в стихах, посвящённых Майку Йогансену, украинскому поэту, который тоже был ближайшим другом Петникова и дяди Юры. Вот что рассказал Васыль Мысык о визите к Майку:

*Меня он пригласил, но всякий раз
Упоминал с гостями в разговорах
Про срок охоты, ружья, дробь и порох,
Совсем забыв про Музу и Парнас.
Не мог я даже с краешку присесть
За дружеский стол с тетрадкою своею,
И понял я, что в мире вещи есть
Куда важней, чем ямбы и хореи.*

Любовь к вещи как к произведению человеческого гения, изучение вещи, знание вещи – характернейшая черта Петникова-поэта. Он был влюблён в Вещь (в данном случае это слово уместно написать с большой буквы) и в того, кто её творит. В центре его поэзии «добытчик вещи» – рабочий, мастеровой, мастер. Петников восхищался веществом мира и старался выразить её с предельной точностью. Вот в его описании раннее утро. Город двинулся в свой ежедневный рабочий поход:

*Только светало. А он уже шёл,
Зачатый рано, в туманы, гудками,
Сбитый ветрами, в бульварах свежо
Пахнущий стройкой, смолой и дождями...*

*Дальше пошёл разговор по цехам.
Коротко. По заводскому обычая.
Отгул врастал – и у станка
Вещи размеренный вырос добытчик.*

По такому утреннему городу мы шли однажды в Дом украинских литераторов имени Эллана-Блакитного, или, как мы его попросту называли, в «Будынок Блакитного». Григорий Николаевич в ватной куртке, похож на мастерового. Перед нами – корпус фабрики, отражённый в реке. Мимо с грохотом пробегали к заводам переполненные трамваи.

– Всё это чистейшей воды поэзия, – сказал Петников. – Её не надо искать. Она здесь, на этой улице, рядом с нами.

Для него Харьков, а до этого Ленинград, где он начинал, – те города, в которых не надо было искаать поэзию. И ещё один край захватывал его воображение – Донбасс. Там его отец и мать служили на железной дороге. И поэт говорит о подъездных путях, семафорах, стрелках, антраците, штреках, квершлагах, лавах, забоях, прикасается к самой жёсткой прозе, не страшась её. Строки кажутся глыбами прозы, из которых прорастают стихи. Они перекликаются со стихами другого «певца вещей» – Николая Ушакова. У них обоих осень, смазанная мазутом, с паром маневровых у стрелок, со скользящими по железным тросам вагонетками, с крутящимися колесами на копрах. Да это, собственно, не перекличка, а общая поэтическая школа зрячего слова, необычайно вещественного и, я бы сказал, доведённого чуть ли не до аскетической строгости.

Художник ищет наивысшей точности изображения. Краткость солнечного дня на Неве в стихах о Ленинграде передаётся поэту в двух вариантах. Какой лучше? Какой точнее?

*И воздух мокрой шерстью пахнет,
Сырым канатом, снегом талым.
И солнце прячется в бушлат, на вахте,
И, отдежурив час-другой, скользит у палуб.*

Или вот так:

*Повиснет алым шаром,
Покрытое белесоватым паром
Над зданьями Раздольной дамбы.*

Всё точно, вплоть до названия места. А какой ленинградец не оценит точность строк, передающих весну в его городе?

*От зимней сырости ещё не отышались переулки,
Дворы как угольные ямы кораблей...*

Своеобразна структура петниковского стиха. В рамках одной и той же вещи традиционный стих вдруг начинает приобретать черты верлибра. Неожиданно исчезает рифма. Нередка смена метрических размеров, непринуждённый переход с одного ритма на другой. Хорошо сказал С. Маршак в письме к Петникову: «Кажется мне, что стихи Ваши росли по тому же закону, что и сталактиты, – причудливо, прихотливо, но органично».

Петников много занимался переводами из украинской поэзии. У него на Старо-Московской собирались Майк Йогансен, Михайло Доленко, Павло Усенко, Микола Нагнибда, Микола Упеник. С украинскими поэтами он почти ежедневно встречался в «Будынке Блакитного». Там-то он и рассказал, как происходило избрание Велимира Хлебникова на пост Председателя земного шара в харьковском городском театре.

Случилось это в 1920 году, во время приезда в Харьков Есенина и Мариенгофа. Хлебников стоял на сцене босой, в холщовой рясе, выслушивал читаемые Есениным акафисты в честь посвящения его в Предземшара-1. После каждого четверостишия Хлебников, как было условлено, произносил: «Верую». Говорил так тихо, что Есенин не выдержал и толкнул его в бок: «Велимир, говорите громче. Публика ни черта не слышит». Хлебников посмотрел на него недоумённо – мол, при чём же здесь публика – и ещё тише, одним движением губ, повторял: «Верую».

Конечно, это была игра, но игра, превращённая в некую миссию. И не случайно она была затеяна в Харькове, где писалось «Воззвание Председателей земного шара» и где, по выражению Петникова, уже в далёком 1916 году образовалось нечто вроде комитета в защиту мира. Поэты подхватили эту игру, исполненную глубокой идеи, и спустя четыре года после написания «Воззвания» избрали Хлебникова Председателем, а Григория Петникова, соавтора «Воззвания», – Вице-председателем. Это означало, что после смерти Хлебникова Петников механически становится Председателем земшара-2.

В первые годы революции нередко устраивались подобные игры...

В начале 30-х годов в Харьков из Ленинграда приехал Валентин Осипович Стенич, широко

известный в то время переводчик с английского, немецкого, французского. Братья Васильевы поручили ему роль англичанина в фильме «Волочаевские дни», Мейерхольд поставил «Пиковую даму» по написанному Стеничем новому либретто. Кроме того, повсюду ходили легенды об этом остром слове и мастере удивительных мистификаций.

Я хорошо знал Стенича, бывал в его ленинградской квартире на канале Грибоедова и не раз с удивлением рассматривал

Григорий Петников и Велимир Хлебников
(Харьков, 15 сентября 1916 года)

его странную коллекцию. Он подводил меня к стеклянному шкафчику стиля а ля Жакоб, трепетно открывал дверцу, брал фарфоровое блюдце с лежащим на нём металлическим сгустком и спрашивал холёным баритоном:

– А скажите, пожалуйста, как вы думаете, что здесь лежит?

– Не знаю.

– Не знаете? Так знайте! Это – пломба из зуба Пушкина!

Далее обычно демонстрировалась металлическая пуговица, тоже лежавшая на блюдце.

– А это что такое?

– Пуговица.

– Вы правы, милорд, но всё дело в том, чья пуговица?

– Не знаю.

– Не знаете? Так знайте! Это – пуговица от фрака Гоголя!

Петников дружил со Стеничем ещё в Ленинграде, прекрасно знал его коллекцию и первый сообщил мне о приезде Стенича в Харьков. Вечером мы пошли в «Будынок Блакитного», где Стенич выступал с докладом о творчестве Джойса. На сцене стоял высоченный мужчина, изысканно одетый, с таким же выпяченным вперёд подбородком, как у Петникова. Не говори он по-русски, его легко можно было бы принять за иностранца, прежде всего за англичанина. Золотые очки и «чемберлений» подбородок усиливали сходство. Ему задавали много вопросов, не всегда относящихся к теме выступления. Кто-то поинтересовался его мнением о книге Бориса Пастернака «Второе рождение», как раз тогда вышедшей. Вместо ответа Стенич на память прочёл стихи из этой книги.

После выступления Петников пригласил его к себе, и мы вчетвером – Петников, Стенич, дядя Юра и я – отправились в домик на Старо-Московской. Там беседовали о всякой всячине, пили кофе, слушали стихи хозяина, а потом он подвёл нас к полке, на которой лежали разные вещи неопределённого назначения.

– А как вы полагаете, милорды, – спросил он, явно подражая интонациям Стенича, – как вы полагаете, что это такое?

Он указал на кожаный ремешок.

Тут уж пришла очередь Стеничу пожать плечами.

– Не знаете? Так знайте! Это – ремешок, которым Гомер схватывал волосы, чтоб они не лезли в глаза!

Далее гостеприимный хозяин снял с полки какую-то дощечку.

– Ну, а это что, как вы полагаете?

– Дощечка.

– Да, вы правы, милорды, но всё дело в том, какая дощечка?

– Не знаем, – смущённо ответили мы.

– Не знаете? Так знайте! Это – кусок доски от той бочки, в которой жил Диоген!

Рядом с полкой стоял самодельный прибор, сбитый в виде буквы «А» из трёх палок. Я знал, что это метр, которым Петников вымеривал грядки в своём садике, но всё же спросил:

– А это что?

Петников, не задумываясь, ответил:

– Циркуль Архимеда!

Дальше демонстрировать коллекцию было незачем.

Стенич был явно посрамлён...

*Валентин Иосифович Стенич
(1897–1938) – русский поэт, эссеист,
переводчик западно-европейской
литературы*

Далёкие, незабвенные времена. Они вскоре закончились. Домик на Старо-Московской опустел. Предземшара-2 поселился под Москвой. Юрий Платонов уехал в Алма-Ату. Потом – война. Я совершенно потерял Петникова из виду. Но вот в 1958 году из города Старый Крым прилетело неожиданное письмо:

«Мы, как южные птицы, гнездимся теперь в солнечных краях Крымского полуострова, север оставлен на долгий срок... Буду рад, если когда-нибудь Вы навестите меня в сих местах».

Переезд Петникова в Крым означал для него второе рождение как поэта. Он стал много писать, издаваться. И под новый 1962 год прислал мне «Заветную книгу», изданную Крымиздатом. В ней вошли стихи из давних книг поэта – «Поросль солнца», «Книга Марии-Зажги-Снега», «Молодость мира». Книга предварялась «Словом о поэте», написанном Максимом Рыльским.

Мне тоже захотелось сказать о «Заветной книге» своё слово, и в украинской «Литературной газете» 16 ноября 1962 года появилась статья под заголовком «Внимание: говорит Председатель земного шара».

В ответ из Старого Крыма прилетело новое письмо:

«Дорогой Лёня! Спасибо за рецензию в украинской «Литературке» и за то, что Вы напомнили мне о той поэтической игре, которую мы вместе с Хлебниковым затеяли когда-то... Признаться, я начал забывать, что являюсь Предземшара. Видимо, недолго осталось носить мне сей титул. Завещаю его Вам, мой друг! Григ. Петников. 21.Х.63».

Получив из рук Председателя такое грандиозное завещание, я не выдержал и помчался в Крым.

Домик, сложенный из кирпича, напоминал тот, харьковский, на Старо-Московской, но был осенён тополем и окружён виноградником. В почтовом ящике, висевшем на калитке, свила гнездо синичка. Почтальон был предупреждён, и почта складывалась в другое место. Хозяин каждое утро выходил из дома босиком, с палкой, вырезанной из кизиловой ветки. Высокий, длинноногий, с неизменной трубкой в зубах. Такой облик больше подходил бы, мне казалось, гранитным набережным ленинградских каналов, в нём было что-то строгое, холодное, даже надменное. Мягкий крымский пейзаж не гармонировал с ним. Было закономерно, что строгие стихи о Ленинграде, приведённые выше, сложил именно он.

Но художник везде остаётся художником. Крымская природа тоже поддавалась его воспроизведению:

*Какая яркая набойка
Легла на горные луга,
Она то рушится, то молкнет
В прибоя взмыленных губах.*

Я несколько раз сопровождал Григория Николаевича в его прогулках. Мы быстро проходили скучные городские кварталы, выходили за окопицу и там умолкали перед открывавшейся красотой.

Жаль, что Петников не брал на прогулки белого пуделя, своего любимца. Он оберегал его от опасностей в горах, да не уберёг в собственном доме. В саду под виноградным кустом стоял водопроводный кран. Именно стоял, потому что был привинчен к вертикальной трубе. Пёс пил из него воду, постоянно льющуюся тонкой струйкой. Вода иногда попадала в ноздри. Это и послужило причиной трагедии.

Петников рыдал над погибшим псом, как ребёнок. Его утешали жена, дочь и те люди, с которыми он успел подружиться. В недалёком Коктебеле в Доме поэта тогда ещё жила вдова Максимилиана Волошина, а в Старом Крыму – уже очень пожилая замечательная женщина, Евгения Дмитриевна Голова. В 30-х годах она возглавляла одно из харьковских издательств, и молодые поэты тех лет обязаны ей своими первыми книгами. Были в Крыму ещё друзья, но чувствовалось, что поэт духовно одинок. Спасало его и от горя, и от одиночества всё то же ощущение вещности мира, в данном случае крымская земля с её горами, лесами, виноградниками, просёлками и магистralями. Ощущение природы не было у него лишь абстрактно-эстетическим, а окрашивалось, я бы сказал, в социальные тона. Здесь проявилась закалка, полученная в те годы, когда он пошёл добровольцем

в Красную Армию. Петников много рассказывал о комиссаре Лукомском, харьковском слесаре. С этим героем гражданской войны он дружил вместе с Борисом Лавренёвым. Петников показывал письмо от Лавренёва, где говорилось об их совместной поездке на катере «Петр Лукомский». «Это было одно из самых моих лучших путешествий, – писал Лавренёв. – Со мной был живой хороший друг, и рядом незримо присутствовал мёртвый, но тоже живой друг романтической молодости, имя которого было написано на спасательном круге над моей головой».

О своеобразном, лишь Петникову свойственном ощущении крымской природы говорит его письмо, написанное в апреле 1961 года: «У нас всё в бело-розовом, и даже грубые асфальтовые шоссе так нежно и трогательно украшены в некоторых местах на целые километры цветущими плодовыми деревьями, и мчатся машины со скоростью, конечно, менее звуковой, по тем дорогам, что я знал в трудные и славные дни нашей гражданской войны... Все они теперь другие – будто в белом цветочном облаке, сделанном руками людей, наших неутомимых и скромных дорожников, обходчиков, ремонтёров, садоводов. И тут же стоят огромные бульдозеры, прокладывающие более прямые и короткие пути... Конечно, конечно, приезжайте, да не слишком откладывая: стоит. И поговорим!..»

Упоминание о бульдозерах, выпрямляющих дороги, об обходчиках, «ремонтёрах», садоводах весьма характерно для петниковского угла зрения. Он придавал первостепенное значение тому, что шло вразрез с традиционным восприятием крымской природы. Я наблюдал, как он ездил по своим издательским делам в Симферополь, никогда не пользуясь автобусом. Останавливал какой-нибудь грузовик или самосвал, садился в кабину рядом с водителем, делясь с ним любимым самосадом.

– Я общаюсь с рабочим людом, – говорил он. – В автобусе редко разговариваешься по душам. К тому же, знаете, многие кашляют, чихают...

Петников очень радовался тому, что его дочь обучается железнодорожному делу, которое он считал как бы фамильным, наследственным. «Вчера приезжала на выходной день Марина, – сообщал он в письме от 19 августа 1963 года, – кажется, что в хорошем настроении. «Посмотри, говорит, руки мои пахнут окалиной, маслом машинным, металлом». Сейчас она проходит в паровозном депо слесарное дело. А там – вагонные мастерские, английский язык, черчение и т. д.».

Так Петников оставался верным себе во всём – и в творчестве, и в жизни.

Поэт оставался верным и памяти друзей, особенно памяти Юрия Платонова. Он восхищался его письмами. Говорил, что они написаны прозрачной, стремительной художественной прозой и с такой свежестью, как это умел делать только Платонов. В подтверждение своих слов Петников прислал выписку из письма друга: «Сегодня утром, сойдя к горной реке за водой, я залюбовался чистотой её струй, красотой наполненного кристальной водой стеклянного кувшина... Мы всё ещё ждём осени... А день опять настал пронзительно светлый и жаркий. Реяли даурские ласточки, стояли в зелёном наряде тополя...» Так писал Юрий Платонов из высокогорной станицы Иссык севернее Алма-Аты, где он учительствовал и где оборвалась его жизнь. К приведённым строкам Петников сделал приписку: «Как трудно читать ещё раз и ещё раз эти строки про даурских ласточек, что, может быть, прилетят к нам весной... Видите, какое большое письмо я Вам написал; но это не только Вам я про него пишу, может быть, и другим друзьям его, что знали его и любили любовью простой, нашей, бескорыстной, свежей...»

Мне кажется, что слова о красоте стеклянного кувшина с кристально чистой водой раскрывают характер и того человека, который их оценил. Да он и не мог их не оценить, потому что остро воспринимал прекрасное.

Вот письмо самого Петникова, в котором он вспоминает наши прогулки в Старокрымских горах:

«Я вчера ходил по тем же местам, что с Вами: помните эту прелестную старую ореховую аллею в заброшенном колхозном саду, а ручей, а холмы, а свободные дали (добрье подсказчики бесконечных путей, встреч, потерь и находок!); озеро-водохранилище было синим почти, не зелёным, как тогда, – я шёл потом по стерне, мягкая она, не такая, как на севере, жёсткая, зато травы – колючки, а земелька рассыпчатая, цвета темноватого какао, местами сиенская умбра, пологая; паслись овцы без пастыря, без овчара; ива, сражённая на поле боя с грозой, убрана уже – остались лишь мелкие ветки

да засохшие листья, шуршащие под босой ногой, как в начале осени... И дул тот же «вей, ветерок» с северо-востока, было прохладно. И даже будто бы легко... Но хватит описаний, они иногда уменьшают прелест пережитого, ощущений иных несказанных, становясь подчас листком из гербария. Вот тут-то поэзия и призвана оставить людям всё свежим, живым, трепещущим и т. д. Двигающимся, звучащим, как струна, настроенная рукой мастера...»

Какое прекрасное письмо! Как живо восприятие мира, и какие чистые мысли! К концу 60-х годов из Старого Крыма начали приходить печальные письма. Вот отрывок из самого последнего:

«Простите, что письмо не в том ритме, каким мы ходили с Вами, перепрыгнув через горный тихий ручей у старого дерева грецкого ореха, по этим просторным, осенним холмам, а в миноре... Но будем надеяться, что живые, новые, светлые ритмы возвращаются и будут снова с нами...»

За этим последним письмом последовала последняя встреча.

В тот раз мы уже почти не ходили в горы. Слабость не отпускала Петникова далеко от постели. Григорий Николаевич то ложился на тахту, то садился на неё. Тахта была старая, пружина, проколов испод матраца, равномерно царапала деревянную раму, и на пол понемногу сеялись опилки...

Думалось о том, что философия жизни – в людях, которые определили твою философию, твоё миропонимание. Как тебя они направили, так ты и растёшь, прямо, криво ли – вопрос другой, а главное – растёшь в направлении, намеченном ими.

Думалось и о том, что человека определяют не только люди, но и вещи, стены, мебель, окна, двери, даже дверные ручки – буквально всё. Всё окружающее становится внутренним содержимым твоего мироощущения, которое потом станет частью мировоззрения. Вот потому-то я и запомнил так домик на Старо-Московской – большую кафельную печь, двустольное ружьё «Зауэр», стол, на который «течёт», раскрытые каталоги всевозможных творений человеческих рук. Вещи вещают не только о времени, но и о личности, сформированной этим временем. Ну а что же говорить о людях, приобщавших тебя к вещному миру?!

Петников учил видеть, а стало быть, учил мыслить. Мыслить – это ведь и значит проникать взором в существующее извне и создавать нечто неповторимое из каждого образа.

Петников – соратник Хлебникова и Маяковского – учил своей непосредственной близостью осознавать поэзию как открытие мира. Его Ленинград был Ленинградом Петникова. Его Харьков был Харьковом Петникова. Его Крым был Крымом Петникова.

В день нашего прощания он сказал:

– Мне очень хочется что-нибудь подарить вам на память.

С трудом поднялся, подошёл к столу. Там лежало несколько древесных корней, обработанных его руками. Корни эти он подбирал во время прогулок в горах, приносил домой и превращал их при помощи острого ножа в некие скульптуры.

Петников выбрал одну из них – что-то наподобие змеи, – включил в сеть прибор для выжигания по дереву и начертал на своём изделии:

ЛНВ – ПРЕДЗЕМШАРА-3 ОТ ГНП – ПРЕДЗЕМШАРА-2

Впоследствии этот подарок я передал на хранение в Одесский литературный музей.

Кремінь Дмитро Дмитрович. Поет, публіцист, есеїст, перекладач. Народився в с. Суха Іршавського району Закарпатської області 21.08.1953 р. Закінчив філфак Ужгородського держуніверситету (1975). Автор поетичних книг «Травнева арка» (1978), «Південне сяйво» (1982), «Танок вогню» (1983), «Бурштиновий журавель» (1987), «Шлях по зорях» (1990), «Пектотораль» (1997), «Елегія троянського вина» (2001), «Літопис», «Атлантида під вербою», «Синопсис» (віс – 2003 р.), «Полювання на дикого вепра» (2006), «Літній час» (2007), «Вибрані твори» (у серії «Бібліотека Шевченківського комітету», 2007), «Скіфське золото» (2008), «Замурована музика» (2011). Лауреат республіканської літературної премії імені Василя Чумака (1987), культурологічної обласної імені Миколи Аркаса (1994), Державної премії України імені Тараса Шевченка (1999), всеукраїнських літературних премій імені Володимира Свідзінського (2011), Зореслава (Севастіана Сабола), Володимира Сосюри (обидві – 2013), Леоніда Вишеславського (2014). Голова обласної організації НСПУ.

Дмитро КРЕМІНЬ

ЕПОХА ЧОРНО-БІЛОГО КІНА

* * *

я так багато написах а це не видно в небесах
і сили світла і пітьми чекають іншого контенту
на колісниці між зірок одкрив планшет Ілля-пророк
читайте зоряне письмо до відповідного моменту

хто має нині всі права – тому сьогодні трин-трава
тому калігула й нерон усе одно що той сенека
поговоріть сестра і брат уже сьогодні із-за грат
олімпіада підросте зросте на цвінтари смерека

коли засмучений пророк уже подався до зірок
і понесли у мавзолей прогірклі мирро і єлей
та EX-ua та екс-Ukraine у заповідному фіналі
зірву стеблину споришу і на пергаменті впиши
що ми не вмерли і не вмрем і жити будемо і далі

як добре те що розпростер над нами гвинт гелікоптер
і хай фіглює ТВ-і – у нас такий транзитний трафік
аскольд і дір – уже до дір і вся сім'я тепер на я
ноу айлав'ю усе на ю але в історії свій графік

на берегах ріки дніпра кричать начальники ура
і в половецькому степу – касоги обри та хозари
а рюриковичі були й ходили в галлію посли
там анна руська там і ми про що б і нині не казали

як нас і нині дотика ця ярославова донька
вона про роланда а в нас і день у києві та кончі
лиш там де лови й ватажок і грає сяє там ріжок
і все зсталось назавжди – мисливці й звірі люди й гончі

о скільки років і віків ми під сузір'ям гончаків
і хто не править але йде із нашого єрусалиму
русалля про любов палку і вічне слово о полку
лисиці брешуть на щити та я ітиму я – ітиму

ПИСАНКА В МУЗЕЇ

Жило це яйце у курці, а курка – в старому млині.
Писане це яєчко курка знесла мені.
Писаний дурень писанку здав у народний музей.
А золоті яєчка нині в чужих людей.
З півнями «курка FEMEN» знову сокоче тепер,
Скільки ж то із яєчка вилупилось кар’єр!
Навіть не пам’ятаю, хто із яйцем на лиці
Впав і піднявсь до трону саме на тім яйці?
Можете пригадати, можете – ні, а це
Вічне питання першості: курка а чи яйце?

Писанка у музеї. Писана правда ця.
Канонізований лицар там виглядає з яйця.
Майже Олекса Довбуш. Майже Тугарин Вовк.
Ну а борцям терновий вінчик – м’якиш, як шовк.
Мав би – віддав півцарства, царицю і колізей
Я за музей писанкарства. Яйцеклітинний музей.
Музика, співи... Культурні всі ми, і кожен – боєць.
Хто ми без писаних дурнів, писаних наших яєць?
Ріки зміліли наші – висхла ріка Рубікон...
Та із малого яєчка – справжній живий дракон!
Над Україною-Руссю крила простер на валу,
З’їв і солодку Дарусю, з’їв і Марусю малу.

...Казка чужого царства, мудра вона така.
Є в нас музей писанкарства. Хочеться... без квитка!

КРЕЙСЕРСЬКА ЯХТА «ІКАР» У ЯХТ-КЛУБІ (2013)

В’ється тоненький димок сигарети.
Вечір – і холодом віє з ріки.
Бунти холерні, бандитські банкети
Пережили ми в недавні роки.
І доносили ковбойські щиблети,
Клубні червоні свої піджаки!
І дописали останні куплети
Про океани старі моряки...

Давній мій друже, в старому яхт-клубі
Знов стукотять кісточки доміно.
Ніжні пропали. Зосталися грубі.
Схрештіні череп і кості в яхт-клубі
З голосом труб ерихонських в одно.
З часом. Добою, яка нас відторгла.
От і старий корабел од жалю

Хоче згадати щось... прямо із горла.
Горло – для пісні. Співай. Я люблю.
Музику дай молодому поету,
Юні слова на вустах – як нектар...
От і заходить – один на планету,
Всі океани здолавши, «Ікар».
От і заходить він – граючи, сяючи
Морем огнів, океанський цей лев.
Звідки прийшли ці жінки потрясаючі
З квітами в затінь зелених дерев?
У поцілунках здираючи губи,
Як ми бравурно вітаємо їх!
Кителі. Кортики. Радісні труби
Грають – і слізозі від щастя не гріх.
Як ви жили без нас? Пошуки гавані
Пережили у гіркій чужині.
Ви у рідні. Ви ще будете в плаванні.
Ви найрідніші тепер у рідні.
Штормом катовані, пресою славлені,
Та не ославлені досі – ні-ні!
Нумо, швартуйтесь! Світлою ерою
Ви освятилися, і спокою час...

Голодомором, чумою, холерою,
Припортовою, пробачте, гетерою, –
Доки ти, світе, губитимеш нас?
Тут же такі музиканти й поети,
Край адміралів, куди не причаль...

От і пригас маячок сигарети.
Попіл упав у богемський кришталь.
Понад голівкою милої русою,
З віч твоїх, пліч твоїх,
З – Господи – губ! –
Може, останньою, Ольцю, спокусою
Янгол вечірній злітає в яхт-клуб!

* * *

Коли в столиці постріли і дим,
Стоять і гинуть люди на Майдані,
Душа моя заплакана за тим,
Що бачила на морі, на лимані.
Литаври літа. Пляжі полум'яні,
Та Ероса розгаданий інтим.
І все минуло – наче й не було.
Ми з моря поверталися, і наче
Дивилися крізь слізози, мов крізь скло,
Як тільки чайка ще за нами плаче.

Ми з моря поверталися. І тіло
Світилося у бронзі, золотіло.
Світило море. Золотів туман,
Ахіллові сліди світили мужні...
А спогади, як равлики у мушлі,
Таїлися. Вина прощальний жбан,
І юліанський древній календар,
І вуст твоїх розпечений нектар...

Навіщо ти вела мене сюди,
До моря, щоб у хвилях сум розтанув?
А ми шукали прісної води
На дні солоногорлих океанів.
До сонця ми підносили вино
В пакетику, неначе кров, прозоре.
Ночей і днів не густо нам дано
Там, де зійшлися і лиман, і море.
І тисяча старих і денних бід,
І каберне з кефаллю на обід.
А скибка хліба всохла на столі.
Бджола – і та тікала із намету...
Чи ми востаннє тут, на цій землі,
Чи це лише привиділось поету?
Вітри з Гіпербореї загули...

Прощай, прощай, ми стрінемось коли?
Ще ти – мов юна грішниця Ліліт.
А з мушлі равлик нам гукає вслід,
І ти слізою з неба впала, зоре...
І вороного вечора вогонь.
І срібна павутинка біля скронь.
І нас нема. Але зосталось море.
І з моря ми вернулися. Прощай,
Веселко рання за далеким лісом.
Адамове ребро із чортом-бісом
І все, що перехлюпнуло за край,
Усе, що долинало з далини
Мелодією моря і лиману,
Колись на грані миру і війни
Постане, ѿти піском присиплеш рану.

Троянський кінь стояв тут стільки літ,
А ми, сліпі, тулились до бомонду,
Який на сцені грає кров і піт,
І грецьку драму, цю любов із Понту...

* * *

епоха чорно-білого кіна
 епоха чорно-білого екрана
 і чорний силует біля вікна –
 ти з мандрів не чекай мене кохана

вода з басейну – не вода із крана
 і сонце наше з річки вирина
 що ти мене діждалась – не омана
 і телевізор і графин вина

ми тут жили – красиві й молоді
 усе довкола грато кольорами

спливли неначе кола по воді
 облич і літ печальні криптограми
 а цифровий екран у півстіни –
 не телик із минулого століття

о зупини літання літ спини
 це *sinema* де *Swema* вже зотліла
 і склянка поминального вина
 і цих стигматів окаянна рана
 і ти стоїш біля вікна одна
 і радісно смієшся із екрана
 у Харкові благають *sinema*
 а в Києві – пропащої Таращі
 а в нас у Миколаєві зима
 наш син і дім і всі літа найкращі
 ти не сумуй – не в моді ти сумна

але чому самому ніби рана
 епоха чорно-білого кіна
 і ти біжиш до мене із екрана?

* * *

Небесне і земне. Земне й небесне.
 Іще наш український бог воскресне
 Тоді, як ми воскреснемо зі сну.
 Із летаргії вічного розп'яття.
 Як до хреста зйдуться сестри й братя
 І прокленуть облуду навісну.
 А поки це життя – гірке й чудесне.
 Земне в небеснім, у земнім – небесне.
 А ми йдемо без цілі, без мети...
 А як уже дійдемо до безодні,
 Побачимо тоді сліди Господні.
 А нам до них судилося дійти.

Побачу слід Його кривавих кроків.
І це вже триста українських років!
А я ніяк Вітчизну не знайду...
І лиш, один, усе чекаю звістку
Про Україну, скупану в любистку.

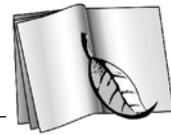
І плачу в Гетсиманському саду...

* * *

На березі моря не грає оркестрик,
Оркестрик із наших залюблених літ.
І ми подамося колись на Ай-Петрі,
Кохана, привіт!
Любились тут скіфи, любився тут еллін,
А нині повторний потворний едем.
Не наші тут вілла, і яхта, і елінг,
А ми – проживем.
Уже вечоріє. На вічному прузі
Я бачу і чую цю хвилю морську.
Твій слід зацілюють і рідні, і друзі,
І я – на піску.
Неначе в хитоні – ці хвилі солоні,
Високі накочують сині вали.
Була ти в бікіні, а я у хитоні,
Як ми тут ішли...

І ти – Афродіта, і ти – наречена.
Я був Анахарсіс, я – скіфський поет.
І як ти знайшла тут сувій Демосфена
І жменьку монет?

Суров Аркадий Геннадиевич. Родился 16.04.1964 г. в Перми (Российская Федерация). Окончил филологический факультет Николаевского государственного педагогического университета (2002). Призёр поэтического конкурса международного ПЕН-центра России (2000). В 2001 году был признан лучшим поэтом года журнала «Радуга». Автор поэтических книг: «Производитель впечатлений» (1996), «Ближнее плавание» (1998), «Голоса над морем» (2000), «Стихи» (2003), «Внутреннее пространство» (2008), «Колесо Футарка» (2011). Член Союза писателей России.

Аркадий СУРОВ

ПОРТРЕТЫ

Дм К

(Дмитрий Казаков)

Приходит ветер «не помни», ветер «забудь»,
Приходит дождь «не забывай, не пробуй».
Путь засыпает листвою – осенний путь,
И можешь шуршать по опавшим любой дорогой.

А на самом деле, твоя дорога одна – везде.
В любую сторону топай, в любую сторону пустят.
Болтается паутинка на раненой борозде,
И ворон журавлиный крик звучит не менее грустно.

Ан Ру

(Андрис Рускулис)

Тонкая ива у стылой реки,
Белым прихвачена кромка воды,
Руки заката воздушно-легки,
И на песке не заметны следы,
Небо повисло стальным тесаком,
И не видна голубая волна,
Берег знакомый почти не знаком.

Скоро
Весна!

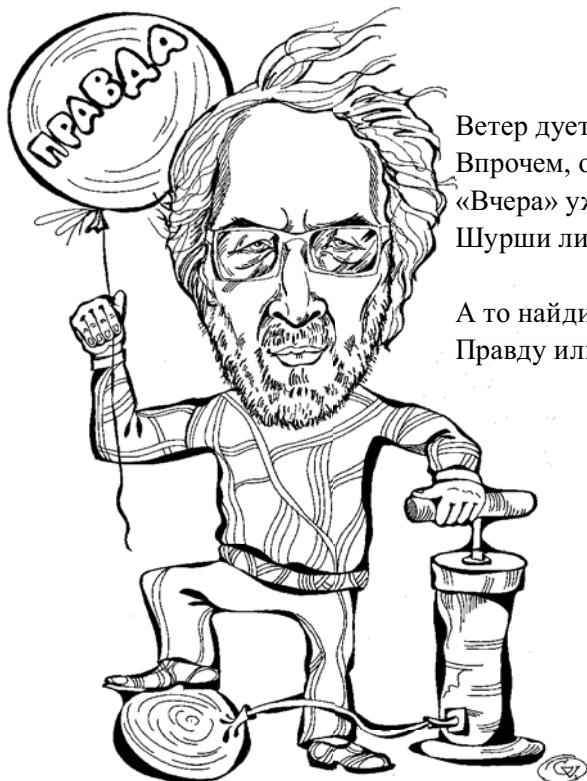
Художник Владимир Грицких

Ол Ив
(Олег Филоненко)

Уже не исток реки, но ёщё – верховья,
Ёщё вода с любопытством смотрит на берег,
Ёщё родники что-то шепчут у изголовья,
Их голоса журчат – ни клятв, ни истерик.

Ёщё ни перекатов, ни ледохода,
Весна стоит, и птицы в кронах бушуют,
Деревья по берегам – всё женского рода,
А ветры-мужчины над их головами дуют.

Но скоро приток – в твоё русло река вольётся,
И мир запоёт, запляшет и засмеётся.

Дедушке Ду
(Олег Духовный)

Ветер дует, откуда хочет, приносит пыль и неправду,
Впрочем, он считает, что правду, и спорить с ним бесполезно.
«Вчера» уже не видать, и в тумане вечное «завтра» –
Шурши листвой и общайся с кровлей железной,

А то найди человека и надуй ему в уши что-то –
Правду или неправду, такая твоя работа.

- • • • • • • • • • • • • • •
- Алеф**
(Алевтина Асташкина)
- Но всё же, вишня под окном
- Цветёт весною.
- Ненастным днём, погожим днём
- Она со мною.
-
- И капли солнца на ветвях,
- И серьги ягод,
- И листьев сумеречный взмах –
- На землю лягут.
-
- Я грунт у ног её рыхлю,
- Как потеплеет,
- Не то, чтоб я её люблю,
- Легко мне с нею.
-
- • • • • • • • • • • • • • •

M С**(Мыхалко Скалицки)**

В степи у моря растёт сосна,
Её опаляет зной,
Лето не тащит, не прёт весна,
И ей хорошо зимой.

Может, вишней хотела бы быть она,
Но ей суждено – сосновой.

Соле**(Ольга Сквирская)**

Книга лежит на столе, и листы её пахнут пылью.
Дождь превращается в снег – снежинки, звёздочки, лапки.
Ёжик шуршит в кустах – пакует на зиму крылья.
Сердце стучит, а на душе – заплатки.

Согрей холодные пальцы на чашке чаю.
Скоро весна.
Обязательно.
Обещаю.

Палам
(Олег Паламарчук)

Крылья дают возможность летать,
Дудочка – верный тон,
Старая груша – вечная мать
Ждёт тебя за холмом.

В небе стрекочет аэроплан,
Бог на его борту,
Седой, весенний, сырой туман,
Ты – всё ещё здесь, ты – всё ещё там,
Зато построен твой личный храм –
В воздухе, на лету.

А С

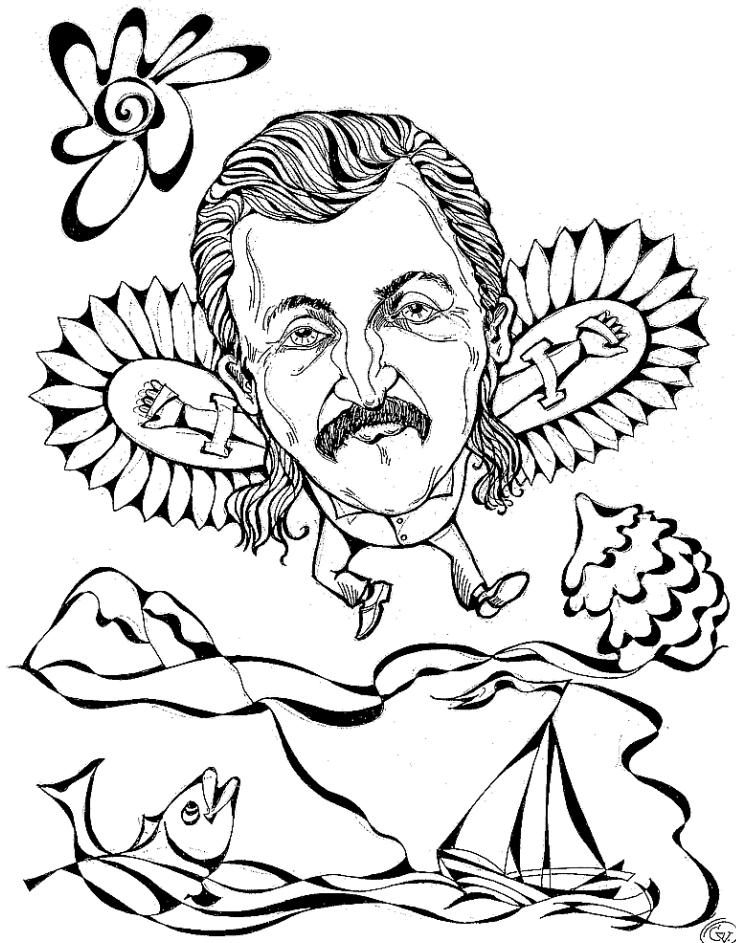
(Александра Пронина)

- Осень запаздывает, дождь короток и не страшен.
- Желание – быть, желание – просто быть,
- Выше города, выше всех его чёрных башен,
- Заливаться песней, птицей в небе кружить!
-
- Закружиться и раствориться в высоком небе!
- Песен – мешок, света в глазах – мешок!
- Позже подумаем о зиме – о тепле и хлебе.
- Осень запаздывает, запаздывает, дружок!

Иг Ам
(Игорь Фатин)

Проходит пять и семь, и снова пять,
И у звезды лучи, увы, тускнеют.
Не то, чтоб невозможно поболтать,
Но вспомнить бы – о чём болтал ты с нею?

А над рекой туман. И жёлтый лист,
Упавши в воду, делается чёрным.
И из ветвей (почти из-за кулис)
Несмело улыбнулся кот учёный.

Лё. Тор.

(Алексей Торхов)

Это – как рыбу руками в реке ловить –
Вырываются, скользкая,
Как два блестящих камушка,
Глаза у неё.

Это – как спать и во сне лететь
Над лесом,
Над городом,
Над степью.
Внизу – огоньки,
Как глаза зверей.

Это – музыка –
Стук твоего сердца и шелест листвы.
Глаза в зеркале –
Чьи они?

Нить тянется и не заканчивается,
Вращается катушка,
Шуршит в пальцах
Жизнь.

The Да

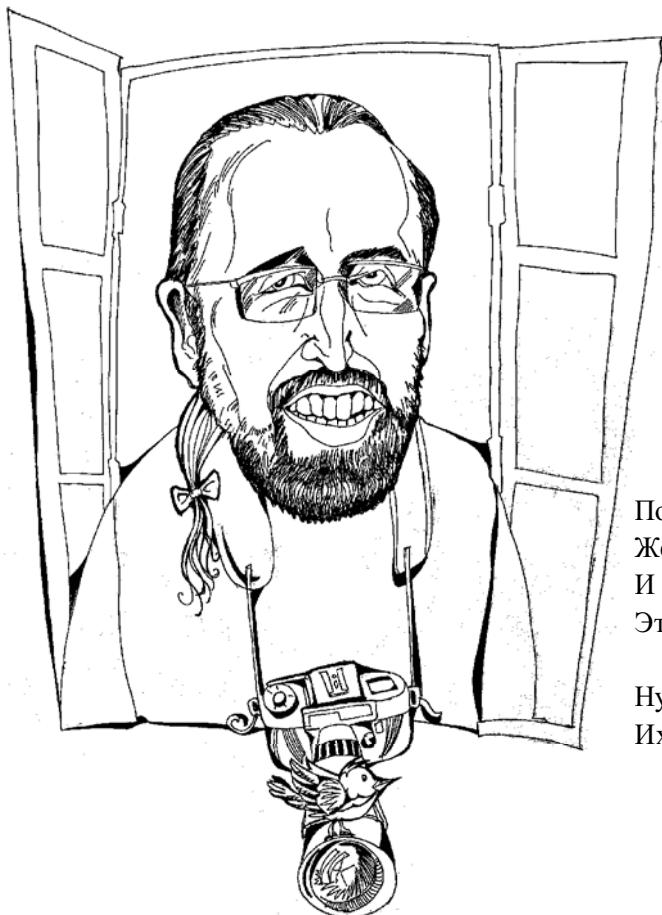
(Даниил Зебек)

С моря не видно берег, а с берега глянешь – море!
То захохочет дурой, а то – улыбнётся тихо.
Меняй без конца прикид, щеголяй в головном уборе –
Узнает тебя всё равно и пнёт под коленки лихо!
А тебе-то чего – виноград созрел, и вино поспело,
И солнце коснулось моря, его солёного тела!

Le Ведь

(Елена Мороз)

- Ведьма больше ночами не жжёт свечу.
- Надо спать – другие дела.
- По щеке, по капельке, по плечу
- Утекает жизнь в зеркала.
- И туман, и закрыто её окно,
- И у неба чёрное дно.

U Mat**(Юрій Матвиенко)**

Посмотри-ка в окно – там дуб, и на дубе том –
Жёлтый шарик смешной, да и прочие чудеса –
И река, и степи, но главное за окном –
Это всё-таки люди – их руки, лица, глаза,

Ну а, может быть, и не глаза, а – вечерний свет,
Их уже не разделишь на пятом десятке лет.

О К**(Олег Кулинич)**

Осень приходит, когда кружится голова,
И трава утомляется быть зелёной травою,
А слова засыхают в абстрактный символ, едва
Прикоснёшься к ним – становятся болтовней.

Это осень, малыш, и монета под языком
Уже не терзает вкус кисловато-медным,
И хочется смыться, убежать отсюда тайком,
И смотришь на свет, и тихо становишься светом бледным.

С С**(Александр Сорокин)**

- Наступает весна, и сквозь битый кирпич и стекло
- Прорастает трава, как упрямое лезвие бритвы.
- Ты подумаешь: ей повезло. Это не – «повезло».
- И молитвы – не то, ведь траве не известны молитвы.
- Но зато ей известно упрямое право на жизнь,
- Это вечное право – держаться.
- Держись же, держись!

Иван ЛЮТИКОВ

ПОДСНЕЖНИКИ

*Ты течёшь, волна, в золотых лучах,
Но волны уносят бриз,
И остаются опять на плечах
Десятки солнечных брызг.*

Раиса Ахматова

Сутки, проведённые в Карпатах, хорошо помнятся, хотя минуло с той поры более двадцати лет. Нет. Не то чтобы раньше мы не видели Карпат. Видели. Не однажды проезжали в Венгрию, Чехословакию, Польшу и обратно в Советский Союз по служебным делам. Немало, по установившемуся обычаю, выброшено монет в воды Дуная, Тисы, Свича с загадкой на благополучное возвращение обратно. Но одно дело ехать обременённому службой на поезде и совсем другое – автотранспортом, не торопясь, с остановками и ночлегами.

Мы с супругой Майей Павловной никогда туристами не были, но, бывает, иногда так складываются обстоятельства, что людям свойственны поиски какой-то маломальской отдушиной, чтобы оглядеться и прийти в себя.

По стране шествовала перестройка со всеми вытекающими из неё последствиями. Ведомые «вождями», топча друг друга, люди устремились в неведомое, непонятное будущее, и на гребне разгорячённого бурей быта всплывала и всё более разрасталась воровская верхушка правителей нового, пока ещё не существующего социального строя.

Повсеместно жизнь давала трещины. Не обошла она и нашу семью.

В это смутное время подходил срок моего увольнения из армии. Это были не лучшие дни и для меня, и для семьи. Как и для каждого военного, отдавшего большую и лучшую часть своей жизни трудной, но любимой профессии, когда она, эта профессия, стала смыслом жизни, когда она вошла в каждый капиллярчик мозга, каждую косточку, в каждую частицу организма, лишиться привычного жизненного уклада и оказаться вдруг не у дел – трудно проходит этот перелом.

И не каждый находит в себе силы выйти из него благополучно. Не каждому удастся в пятьдесят, в шестьдесят лет начать активную новую жизнь в совершенно новых для него условиях, тем более в разваливающейся стране.

Иван Фёдорович Лютиков. Родился в 1931 году на Алтае, более сорока лет прослужил в Вооружённых Силах СССР, генерал в отставке, председатель Николаевского совета ветеранов. Первый рассказ опубликовал в журнале «Сибирские огни» (№ 2, 1986), автор книг «Мужают защитники Родины», «Письма», «Мои сибирские университеты», «Журавушка» и др. Член Союза писателей России. Умер в 2014 году. Похоронен в Николаеве.

Но ни растерянности, ни других схожих с растерянностью чувств, ничего подобного у нас тогда не было. Всё пришло потом. Позже. С лаконичным, как топор, известием: старший лейтенант Лютиков Владимир Иванович погиб при исполнении воинского долга – и следом телефонные звонки, куда высылать гроб с телом погибшего.

Постоянного места жительства у нас тогда не было. Всё думали, мол, восемнадцать раз переезжали, понадобится – переедем ещё раз. Это «понадобится» не заставило себя долго ждать.

В 70-е годы я служил в Николаеве. Сестра Майи Павловны со своей семьёй жила в этом городе. Так и решился вопрос о последнем пристанище нашего сына. Николаев стал нашим будущим постоянным местом жительства. Тогда ещё, хотя и шёл процесс разрыва, законы Советской власти выполнялись, да и люди, причастные к решению наших проблем, относились к нам с пониманием.

Когда дети хоронят родителей – больно, но когда родители хоронят детей – это страшно.

Сыну тогда было двадцать пять лет, теперь было бы пятьдесят. Впереди у него была перспектива. И вот двадцать пять лет мы несём эту неистощимую, неизбывную боль.

Теперь,уважаемый читатель, полагаю, понятно наше моральное и физическое состояние в эти дни. Это, как пуля на излёте, она ещё летит, но выполнить своё предназначение, то есть убить кого-то, она уже не может. Силы не хватает.

В такое время особенно заметны все переливы человеческих отношений.

Трудно стало слушать сочувствия, ловить на себе жалостливые взгляды, воспринимать про скользь фальшиво-казённые слова и артистически выжатые слёзы; вступало в пору понимание, что у людей просто нет времени вникать в жизнь других людей, вникать в обстоятельства, искать и находить особенные уместные к случаю слова, в которых теперь нуждался почти каждый третий гражданин СССР.

У каждого были свои радости и свои печали.

Прошло два года.

И пришедшаяся к случаю туристическая поездка была как никогда кстати. Она давала нам возможность прийти в себя от всего пережитого и взглянуть на себя как бы со стороны, оценить действительность и, может быть, попытаться определиться в новой жизненной толчее. Вот и всё.

Нас набралось пятнадцать человек, плюс руководитель экскурсии от городского туристического бюро – молоденькая разбитная девушка по имени Аня, и водитель видавшего виды автобуса «ПАЗ».

* * *

Ведь как виделся выход на пенсию?

Ну, кроме осмыслиения жизненных перемен, проводов, речей, подарков, в личном плане это полная свобода, полная независимость, никаких забот, полная обеспеченность, при этом достаточная для безбедной жизни. Сам себе хозяин, сам себе голова. Проснулся утром, пошевелил пальцами – шевелятся, поднял руки – поднимаются, ноги поднимаются, значит, уже само по себе утро праздничное.

Одевайся, ступай на физзарядку, на перекладину, на брусья, на велосипед, на лыжи. Хотя, как утверждал областной военный комиссар генерал Ковалёв Виктор Николаевич, царство ему небесное, большому физзарядку не поможет, а здоровому она просто не нужна. Золотые слова!

Однако всё-таки встань поутру, воззрись и возрадуйся. Не подарок ли тебе это утро? Ведь оно, как по заказу, солнечное, ласковое, тихое.

Мог бы ведь потянуть ветерок, могла бы река морщиться, плескаться, иногда взыгрывать гребешками небольшими воды (большим-то волнам откуда на реке взяться?) и течь, и течь себе, как текла в прошлом, позапрошлом и многие прошедшие годы. И пусть течёт. Это и есть жизнь.

Или, скажем, сегодня река зеркального спокойствия, сквозь которую видно дно с илом и камешками, как будто бы никакой воды вовсе нет.

А тебе, по утреннему твоему настроению, особенно если не состоялась возможность опохмелиться, сегодня хотелось бы резких движений, резких бурь, катящихся к берегу метровых волн, даже молний и грома. Но ничего этого нет и взяться неоткуда. Тихо, ясно, спокойно вокруг.

Значит, принимай утро таким, какое оно есть, и не требуй невозможного.

То же и днём, и вечером, и ночью... То же во всей теперешней жизни...

Когда-то ты был, может быть, и не всем, но, во всяком случае, многим, теперь ты никто. И с этим смирись. Конечно, трудно, но это необходимо для пользы твоей же.

Закончилась трудовая жизнь. Всё, что возможно было достичь, достигнуто. Всё, что нужно было выполнить, выполнено. Дом есть, дерево посадил, есть дети, внуки. Был почёт, было уважение, был вхож, был зван, был приглашаем, теперь всё...

Отдыхай, лови рыбку: окунька в этот садочек – на жаркое, на ужин; чебачка, ершишку, пескарика вот в этот – на обед ушица; собирая грибы, тоже, желательно, не в один кузовок, а белые отдельно, сыроечки, лисички отдельно, чтоб не мялись, не давили друг друга. Вырезай из сучьев игрушки для внуков: слоников, крокодильчиков, лошадок, петушков, козликов...

Знаете, иной раз встретишь в лесу, на каком-нибудь глинистом взгорке, обогченный водяными стоками корень: в нём всё, на что способна твоя фантазия, любая фигурка, конечно, надо дорабатывать.

Я лет пятьдесят тому назад начерно обработал такой корешок, со временем сын его усовершенствовал, покрыл лаком, и он до сих пор является неотъемлемым предметом нашей квартиры. Да и просто так – смотри на траву, на цветы, на небо, на солнышко, на землю.

Смотри и радуйся. Ты на заслуженном отдыхе. А радости нет...

Опять призыв затянуть ремни, опять мобилизация на борьбу, теперь уже за собственное выживание... Да и такое важнейшее событие в жизни человека, как выход на пенсию, если сказать, упростились, будет не верно – оно опошилось. Когда-то были проводы, речи, благодарности, подарки, слава, радость... Теперь ничего этого нет. Теперь пришёл новый хозяин на предприятие и уволил две трети или половину рабочих – и иди, жалуйся. А кому? Вот то-то и оно.

* * *

Мы ехали на запад по сухой фиолетовой дороге, пролегающей между лесом и сбегавшим книзу логом. Вскоре вместо леса потянулись бугристые поля, мельтешащие струйстыми испарениями оттаявшей жирной земли.

Во впадинах и оврагах уныло чах грязный снег, а сбочь дороги по обеим сторонам бежала жёлто-коричневая скрюченная трава, и пирамидальные тополя, ещё не успевшие одеться в листья, жалко топорчились и втыкались голыми мётлами верхушек в палевую небесную эмаль.

В степи уже бродил хмельной запах весны, веяло маслянистым дурманом распаренного чернозёма.

С запада, встречь нашему движению, наплывали и таяли переливчатые тени светлых облаков, солнце активно посыпало вдали свои лучи, насквозь просвечивало облака и уходило в дрожащую сиреневую ретушь.

Туристы были разных возрастов, не скучали, делились впечатлениями, рассказывали небылицы, пели, иные дремали. Мы смотрели в окно на синеющий, притуманенный далью лес, изредка обменивались незначительными фразами, скрывая даже от самих себя своё душевное состояние. Слава Богу, никто не напрашивался с откровениями и не одолевал вопросами.

* * *

Обедали в каком-то кафе с удушающим запахом перегоревшего маргарина, со свисающими над столами липучками, от начала и до конца чёрными от прилипших мух.

Далыше, километров через десять, остановились в селе, расположенному в устье долины, смутно видимом в тени горы и леса, но ярко выделяемом извёсткой церкви на бугристом взгорке. Под открытым небом шёл молебен.

Голос священника звучал внятно и раздельно и слышен был далеко за деревней, и, как на панихиде по самим себе, тихо стояли люди с поникшими обнажёнными головами.

Только ласточки звонко щебетали над ними, шныряя и стремительно проносясь и утопая в вечернем воздухе по-весеннему палевого неба.

Короткий привал на холме, с которого открывается просторная припойменная впадина с берёзовым колком с одной стороны и зарослями тальника с другой. От тальника пахло сыростью и лозой, а за разлапистыми уремными ракитами серебряной фольгой блестел Дунай.

Здесь река не имела крутых берегов, шла вровень с сушей, и при скольжении подунайской глади даже не очень большой моторной лодки волны накатывались на берег и дохлопывали до подножья холма, оставляя в кустах белые гнёзда пены.

Смотришь на реку – и невольно приходит мысль о её постоянном, ни на минуту не угасающем движении, о её вечном стремлении нести и нести вперёд свои беспокойные волны.

И рядом с этой природной неугомонностью начинаешь понимать себя лучше, оценивать реальность проще и приходишь к выводу, что жизнь, возможно, и без тебя, без твоих сомнений и усилий движется и будет двигаться вот так же неумолимо, как река, независимо от того, есть ты или нет тебя.

Ведь какое-то время сын жил на том берегу, ездил домой к родителям через эту реку на этот берег, теперь его нет. И спасибо Господу Богу, что он был, что жил и всегда стремился домой.

Господи! Бывают же такие домашние дети!

В раннем детстве (поскольку мы с супругой работали) он рос и воспитывался и нами, и бабушкой Марией Григорьевной. Во всяком случае, мы – то есть, то нет, а бабушка всегда. Это послужило сыну поводом прийти к определённому выводу, который однажды с детской непосредственностью и был высказан в семейном кругу: «Я ни в какую школу и в садик не пойду, я буду ходить на пенсию»...

На вопрос, куда он будет ходить на пенсию, не задумываясь, ответил: «Куда ходят бабуля, туда и я буду ходить»...

Будучи курсантом Суворовского военного училища, во время утренней уборки территории он всегда находил возможность заскочить домой на одну-две минуты, чтобы послушать любимую музыку, окунуться в тепло домашней обстановки, где его всегда с нетерпением ждали.

Затем военное училище, затем служба в гарнизонах – и такой вот конец.

Никто не предвидел такого близкого конца...

Когда привезли гроб, Майя Павловна долго не решалась посмотреть в стеклянное окошечко цинкового ящика и всё спрашивала меня, мол, может, это не он, может, это ошибка, настолько не верилось.

Но ошибки не было...

Туча воробьёв, застопорив стремительный лёт, упала на берёзы, долго и шумно устраивалась и, наконец, устроившись, затихла.

Внутренний голос подстёгивал на дальнейшие размышления не сдаваться. Жизнь неумолимо идёт своим чередом. Отстанешь хотя бы чуть-чуть, засосёт, пропадёшь. Надо жить. И жить не лишь бы как, а чтобы каждый прожитый день оставлял след. Пусть малый, но свой след. Чтобы люди помнили, и чтобы сам ты понимал, зачем, для чего живёшь.

В памяти всплыли слова замечательной чеченской поэтессы Раисы Ахматовой, которую я хорошо знал по литературному кружку, для нас, начинающих:

*Так жизнь всегда меня учila,
Так жизнь всегда давала силы,
Чтоб и сражённой – побеждать.*

Между тем вечерело.

Разгоревшийся на западе солнечный закат упёрся красными рогами в сосновые купы на том берегу и всё пытался как можно дольше продержаться над землёй, окрашивая окрестности в оранжевые и малиновые тона.

Нежное, как пух, облачко оторвалось от своих сестёр, всплыло, повисело над зарёй, погорев золотой каймой, двинулось к востоку и распалось, не проплыв и десяти метров, растворилось, как дыхание, – и нет его, и следа не осталось.

На землю оседала густая и прохладная синь ночи, бугристо обволакивала кусты и делала их неузнаваемыми, похожими на квадраты и кубы. С реки наползал туман, создавалось такое впечатление, будто всё вокруг затоплено сине-свинцовыми водами с розоватыми подпалинами на гребнях волн от догоравшей зари.

Полоска зари всё истончалась, истончалась, меняя оранжевость и малиновость на золотистый окрас, пока не потонула в белёсой клубастой невиди.

Поглядывали струйками молока близкие берёзки да смутно желтела одинокая осина у самого берега реки.

Как ни ругают, как ни обзывают: и проклятым, и распроклятым... Помните: «...распроклятая осина, ветра нет, а ты шумишь, ой, ретиво моё сердце, горя нет, а ты болишь»? А я люблю это неброское, скромное деревце. Листочки на нём с бархатной белой изнанкой, даже в самую тихую погоду, когда ничего вокруг не шелохнётся, всё трепещут, всё трепещут, как будто их кто-то невидимый без конца перебирает, и если смотреть на них долго, то кажется, что это вовсе не листочки, а много-много белых бабочек, они машут и машут крылышками, машут, а улететь никуда не могут.

Людская молва приписывает осине какие-то сверхъестественные, чудотворные влияния на некоторые события. Например, выведение из умирающего человека порчи, наколдованнысти, глаза, оговора, чтобы снять с него мучения и облегчить кончину.

Обряды бывают разные: осиновое дерево или часть его кладут рядом с мучеником, устанавливают на крыше дома осиновый кол, по которому нечистые силы покидают своё пристанище.

А деревце-то само по себе неказистое, не пригодное ни для строительства, ни для мебели, ни для изгороди, трухлявое и ещё на корню начинает гнить и разваливаться.

Вот и теперь стоит оно, перезимовавшее, пожухлое, безрадостное, всё трепещет, трепещет уцелевшими листочками, вызывая у людей неприятие и своей загадочностью, и внешним видом.

Проехали несколько километров укатанным прошлогодним летником. Сине-сиреневая темень. Ни луны, ни звёзд. Но вот впереди справа замельтили огоньки.

Подъехали ближе. Оказалось, расположился на ночь (а может, и не на одну) цыганский табор. Меж возов и кибиток костерки, на таганках котлы. Пахнет сыростью, приятным дымом и чем-то жаренным, пригорелым – не то мясом, не то колбасой и луком. А чуть поодаль, в низине с плавающими лоскутами слоистого тумана, отфыркиваются от комаров лошади. Какое бы, думалось, удовольствие сидеть теперь, привалившись к копне, пусть даже прошлогоднего сена, смотреть в звёздное небо (звёзды уже простили, да такие яркие, будто каждая из них приколота иголкой к чёрному с синим оттенком бархату), вдыхать запах земли, живища, ржаной в копне соломы, дёгтя, конской сбруи и слушать за спиной мышиную возню и писк.

Степь вскоре сменилась лесистой местностью с бегущими книзу отножинами хребта. Автобус наш выпрявился из гористых объятий на огромную чашевидную долину с резким прохладным воздухом с примесью винного запаха обнажённых садов и оттаявшей прошлогодней листвы. Вечерняя заря погасла, и только тоненькая полоска бледно-рыжей окраски на западе ещё напоминала о ней. Всё кругом чернело и утихало. Казалось, что отовсюду поднималась и даже с вышины на землю лилась темнота.

Теперь слева неясно белела равнина, а за её белостью вздыпался непонятный угрюмый мрак. Небольшая ночная птица, низко и неслышно мчавшаяся встречь, почти ударила в стекло автобуса и нырнула в сторону, в темь. Может, и разбилась.

Автобус съехал на обочину и остановился.

Водитель, его звали Игорем, всунулся под днище, повозился там, поговорил о чём-то с Аней и ушёл в темноту.

«Загораем, – объявила Аня, – полетела какая-то не то втулка, не то муфта. Тут деревня рядом»...

И действительно, из темноты донёсся крик петуха, бойко заярилась гармошка и высокий мужской голос зачастил:

*Ти ж мене підманула,
Ти ж мене підвела,
Ти ж мене молодого
З умарозуму звела...*

Затем, после смеха и какого-то замешательства, звонкий девичий голос:

*Ой, бывало, оилась,
Бывало, беспокоилась,
Бывало, кудри завивала,
К вечеру готовилась.*

А между тем на краю неба, у самого спая его с землёй, взошёл мутно-зелёный, поникший, будто не выспавшийся месяц. Он почти не светил. Только вокруг него сгустился болезненно-зеленоватый оттенок, который всё-таки высветил на горизонте сбочь дороги что-то большое, тёмное, оказавшееся потом, уже утром, когда мы подъехали к нему, многолетним развесистым дубом.

Но это будет потом. А сейчас холодало.

Люди поднялись в автобус, немного ещё поговорили и затихли. Затих и хутор с гармошкой и песнями. Постепенно всё окуналось в сон – и дорога, и деревья, и кусты, и люди.

И только звёзды да сторожевой дуб слушали сгустившуюся тишину предгорья и чьё-то невнятное бормотание в автобусе. Но что этим вековым молчаливым свидетелям до суеты бытия каких-то там людей, которые проживут всего одно мгновение и уступят место другим, таким же суетливым, напористым и нервным, которые посуетятся, погрызутся, понервничают и так же бесследно исчезнут с земли.

Ведь есть только миг между прошлым и будущим, и этот-то миг называется жизнь...

Коротка человеческая жизнь, тогда как сама жизнь вечна и неиссякаема.

Многое видели бессменные звёзды, многое повидал на своём веку старый раскидистый дуб у дороги.

Только во второй половине следующего дня мы прибыли к месту сбора. Место это было возышено относительно окружающей местности. Хвойный лес тесно перемешался с лиственным и пятнился лоскутами полян.

Нас накрою покормили и развели по бревенчатым домикам, расположенным на ровной площадке вблизи двух могучих дубов.

Кто-то из экскурсантов, видимо, из бывших военных, высказался на этот счёт так:

– Везёт нам на это дерево, братцы! Опять дубы... Ну, ничего. Чем больше в армии дубов, тем крепче будет оборона...

Я спросил его, почему он так отзывался о таком красивом и крепком дереве, и он ответил:

– Да не я это, притча такая бытует.

– Где?

– Ну, в нашей среде, что ли.

– То есть в военной?

Он вскинул бровью, вроде бы смешался на какой-то миг, но быстро справился и наигранно-равнодушно ответил:

– Может, и так.

– А в каком вы званий? Простите за вопрос.

– В своём.

– Понятно. А всё-таки?

Теперь он повернулся ко мне, внимательно посмотрел мне в лицо и, отведя взгляд, тихо сказал:

– В каком бы ни был, теперь это не имеет значения, теперь мы все равны.

– Да нет. Уравниловки и теперь быть не может.

— А вы, извиняюсь, кем будете?

Я назвал себя, и мы разговорились.

Подполковник Васильев Иван Иванович, сорок два года, командир мотострелкового батальона. Год как на пенсии. Не работает.

— Но пенсия-то хотя бы достаточная, чтобы сносно жить?

— Вот именно сносно. Увольнялся я в СССР. Всё было как надо. Шло хрущёвское (чтоб ему ни дна ни покрышки) сокращение Вооруженных Сил, одно, второе, третье... Командир полка у нас был хороший, порядочный человек, как-то отругал меня и спрашивает:

— Васильев, у тебя что, ума не хватило, чтобы выполнить этот приказ? Ну, скажем, с риском.

— Ума хватает, товарищ полковник, — говорю, — а выслуги не хватает.

Он на меня этак глаза округлил и как рявкнет:

— Вон отсюда!

Накричать накричал, а доброе дело сделал, всю жизнь буду помнить и Бога молить за его здоровье. Через месяц меня раз — и на Курилы. А там год за два... Так что в пенсию я успел уместиться.

Но опять же. Пришлось мне приехать на жительство в Украину. Вот тут-то и начались беспрерывные пересчёты, урезания, умыкания, неразбериха: запросто облапошаивают нашего брата, а за этим скапливаются огромные богатства. Только чьи они, эти богатства? Вот вопрос...

Васильев оказался интересным собеседником и после продолжительной беседы, когда я его спросил о притче, о дубе, он охотно поддержал разговор:

— Вы понимаете, что такое дуб? Это красота, это крепость, это надёжность. Ведь эта притча может подразумевать именно с этой точки зрения оборону, может, в этом сравнении выражается и уважение, и любовь к военному человеку, вера в его крепость, силу, в его верность... Конечно, это и подразумевается, прежде всего... Но есть и другая здесь подоплётка, так сказать, интерпретация.

— Какая?

— Вот назови вас черёмухой или, скажем, клёном. Вы вспомните Есенина и нисколько не обидитесь. А когда человека называют дубом, когда говорят о нём, что он дуб дубом, тут, извините, расклад совсем другой и восприятие совсем другое.

— Ну, это уже философия.

— Почему же? Людям свойственно воспринимать новое в сравнении с уже существующим, но больше всего с прошлым. И здесь человеческое выражение может доходить до сарказма. Помните, у Пушкина: «У Лукоморья дуб зелёный, Златая цепь на дубе том...»

Прекрасно. Замечательно. Ни отнять, ни прибавить. Но когда в форму офицеров было введено небольшое новшество — вместо лакированного ремешка на фуражке стал жёлтый, плетёный и, даже казавшийся позолоченным, а прапорщиков такое новшество временно миновало, то немедленно появился несколько сокращённый, но выражающий суть вариант этого двустишия. Просто: «Златая цепь на дубе том». Парадокс? Парадокс. Но надо не забывать о том, что по установившейся традиции и с учётом заслуг, положения, организованности и политической зрелости офицерский состав всегда был, есть и будет самой передовой, самой сознательной частью общества.

— Я бы добавил к этому — постоянной мобильности и готовности.

— Да. Конечно. Это золотые качества, присущие военному человеку.

— А как же тогда считать нашу интеллигенцию: учителей, врачей, юристов, работников печати, связи?

— Да, правильно. Это передовые люди нашего общества. Отдадим им должное, но не кривя душой уточним: многие из этих людей и из этих категорий не имеют тех качеств, да, может, они им и не нужны (скажем, мобильность, готовность). Но интеллигенция — она и есть интеллигенция.

— Какая интеллигенция? Какому классу служит? Вот вопрос. Была советская. Понятно. Советский социальный строй вырастил её, воспитал, создал условия — работай. И ведь работали! Ещё как работали! И ведь благодаря народу и этой же советской интеллигенции Советский Союз достиг небывалых в мире высот. Не буду их перечислять, это дело самого народа, самой интеллигенции...

— Теперь какая интеллигенция? Капиталистическая? Дикая? Варварская? Бандитская? Можно ли её считать интеллигенцией, хотя вся она теперь с приглаженными маслом волосами, бабочками и огромными манжетами, чуть ли не прикрывающими пальцы рук. Но это внешность. А внутреннее содержание? Вот высказывание одного высокопоставленного лица Украины: «Сегодня мы стали свидетелями принятия другого решения, постановления – нормального акта, ниже закона, но политический этот жест, который, скорей всего, демонстрирует непонимание в логике приватизации этого объекта. С точки зрения правовой, я думаю, тут нет никакой правовой коллизии»... Вы что-нибудь поняли из сказанного?

— Пока ничего. Какой-то набор слов с намёком на исключительную важность.

— Вот именно. Набор слов. Я специально ношу с собой такие речи, чтобы при случае потомков сумбуром пугать... Или вот другой шедевр словоблудия. Не хотите послушать?

— Послушаю.

Васильев достал из кармана блокнот, перевернул несколько страниц, хлопнул блокнотом о ладонь.

— Вот послушайте! «Мы хотели бы на какие-то там пойти, как говорят, я извиняюсь, кто-то хочет больше, ну, так не бывает и быть не может, это ищите там, за бугром...» Ну как? Вот то-то и оно! А судьи кто?

Я пожал плечами и не ответил, хотя чувствовал на себе пристальный взгляд Васильева.

Видя отсутствие моей заинтересованности в дальнейшем обсуждении наболевшей для него темы, Васильев помолчал, прошёлся, остановился и вдруг резко спросил:

— А чиновники? Наши руководители, наши обольстители и наши очистители, в смысле не души, а всего живого, они как?

— Ну, эта тема совсем другого разговора.

— Почему же? Она что, запретная?

— Не запретная, но и не оглашаемая во всеуслышание.

— Нет. Давайте разберёмся. В Советском Союзе руководителей готовила власть; руководители всех рангов были проводниками решений этой власти. А что сейчас? Деньги. Вот об этот камень мы и споткнулись. И нет теперь жизни ни богатым, ни бедным, есть только деньги.

Устроившись в домиках, все вышли к горевшему на поляне костру. Есть нечто в тёплых светлых днях шагающей по земле весны. Торжественно и царственно, как на празднике, стоял вокруг лес. Сырую предвечернюю свежесть тихо и незаметно подменяла ночная свежесть, и ещё долго ей оставалось лежать на согретой за день земле; ещё много-много пройдёт времени до первых утренних шелестов и шорохов, до игривого утреннего ветерка, до соловьиной трели, до петухов, до росинок на листьях, до первых лучей зари.

А сейчас на небе с востока наплывают и плывут, и плывут дальше по лучезарной сини белые пухлые облака, облитые снизу солнцем, струятся малиновым и ведут за собой трепетное беззвучное лепетание струящейся воздушной збы.

Если долго глядеть на благодатное небесное движение, на неподвижную кленовую ветку с двумя перезимовавшими на ней листочками и теперь как бы вписанную в голубую вышину, при этом не двигаться, не шевелиться, не разговаривать, а только смотреть, – нельзя выразить словами, тем более написать то, как умиротворённо, как тихо, как спокойно становится на сердце, как подступает благодать, как видимое возбуждает воспоминания, которые плывут облаками по небу, и кажется, что все неурядицы уходят всё дальше назад, в глубину жизни, и нет никакой возможности отключиться от этой несовместимости высоты и глубины.

Так медленно проходила шоковая заторможенность. Радиола захватывающее выводила голосом Муслима Магомаева:

*Aх, эта свадьба пела и плясала...
...И неба было мало и земли.*

Зато у нас здесь сегодня было с избытком и неба, и земли, и леса, и солнца, и активности.

За Магомаевым радиолой овладел Лев Лещенко, исполнив свою знаменитую «Соловиную рощу», затем спел о пареньке, улетевшем в межпланетное пространство, и о следах, оставленных на планетах.

За песнями и разговорами костёр было совсем потух, чуть чадили вверх тоненькие струйки дыма, и на костище ещё млел огонёк, и белый налёт пепла срывался и, покружась, невидимо исчезал. Кто-то догадался бросить в млеющий костёр сухих сучьев. Недогоревшие головешки сначала резко зачернели, задымились, треснули искрами, закоробились и занялись пламенем, топорща кверху тронутые огнём концы.

Отражение света порывисто полыхнуло во все стороны, лизнуло вверх и ещё долго-долго струилось и мельтешило, вздымаясь и угасая.

Ужин был в складчину, скромный, весёлый от души, с шампанским, а для мужчин и с рюмочкой водки.

...Эх, зачем эта ночь так была хороша,
Не болела бы грудь, не страдала душа...

А потом была ночь!

Ночь с далёкими паровозными гудками, с надрывными песнями петухов в ближайших хуторах, с тонким свечением тумана, выкрашенного луной в неуловимую трепетную окраску, с блестящими царевицами отпавших от неба звёзд.

Всю ночь дневное дыхание пульсировало дневными вздохами и всю ночь гукал на дубу филин, и только под утро, когда он смолк и когда очень и очень хотелось спать, под самым окном вскипало яростное квохтанье дроздов, усевшихся на рябину. В избяное окошко видно было, как угористая долина украдкой ловила и прятала в белёсую туманную невидь блуждающие туманные призраки, словно боялась навлечь на своё действие нечистое поверье.

Распоровший облако острый боковой лунный осколок остановился и завис над кедром, как занесённый воровской нож.

Пройдут годы, а с ними и вся жизнь.

Но никогда не забыть нам той ночи, если была она прогрета насквозь жаром поспевшего, исстрадавшегося, рвущегося через край откровенного чувства. Люди назвали его одним очень громким словом. И правильно сделали, оно должно быть и по названию, и по сути. Но за множество лет люди же испортили, извратили, разбазарили, изговорили, испели до неузнаваемости его истинное, величественное значение. Теперь люди же стали стыдиться произносить это слово вслух тогда, когда оно должно быть одним человеком произнесено, другим непременно услышано.

Даже придумана была такая фраза, что любовь, мол, не более как выдумка дураков и поэтов.

Я позволю себе с этим не согласиться.

Любовь была, есть и будет всегда – покуда есть на земле люди и есть такие вот незабываемые ночи.

Радостное, необычное солнечное весеннее утро. Ещё голубым и зелёным теплился восток, ещё небо покинули далеко не все звёздочки, ещё в ближайшем хуторе натужно перхался петух, ещё не выходила на связь кукушка, а уже всё вокруг мякло, парило, капало и жило весной. Светло-серый туман белёсо сползал в долину, натруженено, недовольно дышал, с сожалением вздыхал, пульсировал, как если бы под ним была нагретая жаровня.

Мы с Майей Павловной шли по земле, мягкой уже по-весеннему, ступая на продолговатые островки почерневшего, мягко хрустящего снега. Выйдя на небольшую бугристую гривку, остановились в изумлении. На её склоне, обращённом днями к солнцу, из коричневой, влажной, гниющей листвы, присыпанной сверху сухими медно-коричневыми скрученными изумрудами, маленькими голубыми островочками вставали нежнейшие, прелестные в своей первозданности подснежники.

Было такое впечатление, будто бы художник, не закончив картины, взял да несколько раз махнул кистью, окунутой в светло-голубую краску. Вокруг радостно и светло молчит лес, и молчание это уже по-весеннему будоражащее, зовущее. И нет никаких сил удержаться от умиления, от радости к такой красоте. Вот тогда-то моя жена впервые за долгое время засмеялась. И потому, как хорошо она засмеялась, сразу стало понятно, как ей всё это время было тяжело. А теперь стало вдруг легко!

Я даже оробел от неожиданности и ощутил вдруг наплывшее на меня уже знакомое спокойствие.

Я спросил, почему она засмеялась. Она не ответила. Только улыбнулась и сразу же по её щекам потекли слёзы. После всех переживаний, обрушившихся на нас в последние годы, она выглядела такой усталой, настолько слабой и беззащитной, что не могла ни говорить, ни стоять и только отирала рукой слёзы со щёк.

Я подошёл и взял её за руку. Она быстро вскинула бровь, косо взглянула на меня и натужно улыбнулась. И эта улыбка осияла её лицо так, будто всё, что было, что копилось в ней самого-самого откровенного, самого радостного, самого светлого и приветливого, всплеснулось на её лице и растворилось в этой улыбке. Признаться, я давно не видел такой обаятельной, такой располагающей улыбки, и тогда ко мне пришло осознание, что кризис миновал. А ещё жизнь с ней отчётливо стала перед глазами, как кинолента пробежала, без остановки, не заостряя внимания на отдельных кадрах. Но это лента, а в жизни, в памяти всё не так-то ровно и просто, хотя порой тяжело, предельно тяжело увязывается прошлое время с теперешним, с нынешним.

Когда мы возвращались, солнце уже поднялось довольно высоко, воздух был чист и прозрачен, как будто стал еле различимым в небе и, чтобы всё-таки удержаться в авторитете светил, зацепился концом серпика за ёлочную макушку и висел, не принимая и не излучая света в ожидании своей кончины.

Вся внутренность леса была наполнена солнечными лучами, и во всех направлениях сквозь деревья сквозило и как бы искрилось ярко-голубое небо, чувствовалась та особенная свежесть, которая наполняла сердце бодрым ощущением жизни. Значит, скопившаяся боль нашла наиболее лёгкий и наиболее верный выход через слёзы.

Я взглянул на Майю Павловну. Лицо её было бледно, спокойно, слёз не было.

Уезжали мы дальше по маршруту во второй половине следующего дня. Погода к этому времени изменилась. Серое клубастое небо тяжело зависло над землёй, всклокоченные, будто с похмелья, нервно плыли над лесом седые облака, поднимались и опускались, ворочались клочьями ваты. Всё вокруг померкло и притихло. С запада нависла свинцовистая муть, запахло прелью, посеялся мелкий дождь.

Ну что ж, дождик в дорогу – на счастье.

Білецька Наталя Олександрівна. Народилася 24 грудня 1981 року в Миколаєві. Магістр української філології, магістр з міжнародного маркетингу та реклами. Переможницею обласного літературного конкурсу «Золота арфа» (2001). Лауреат Міжнародного літературного конкурсу «Гранослов» (2002), Всеукраїнського літературного конкурсу «Витоки» (2007). Переможницею поетичного конкурсу від літературного сайту «Поетичні майстерні» (2006). Лауреат Всеукраїнської літературної премії «Привітання життя» ім. Б.-І. Антонича (2004). Авторка поетичних збірок: «З літопису лиманської зорі» (Київ, 2003), «Друга ріка» (Львів, 2005). Член Національної Спілки письменників України. З 2011 року проживає в місті Києві. PR-менеджер, журналіст журналу «Натали».

Нatalka BILETS'KA

ВСЬОГО НА ВІДСТАНІ РУКИ

* * *

Риплять твої пророчі пера.
Ти витинаєш: «Ще не вмерла...» –
по білому, як світ.
Нічник кульга і дощ періщить.
Кому ти пишеш і навіщо
цей дивний заповіт?
Твої миряни-пілігрими
в турне по сіль забули рими.
Над ними, наче спис,
і, як прогноз, висить прозоре
світило. І всю ніч по зорях
рипитти Чумацький Віз.
Нащо ж ти пишеш, пане Нестор?
Розбитий комп, віконця хрестик,
кімната – два на два.
«А що? – він каже. – Мабуть, треба».
Крізь єврограти ллеться небо.
І скrapують слова.

* * *

У тому будинку нечутно снує домовик:
тоді, коли спиш, він тобі підправляє волосся.
Там сни – невагомі, там вірші – первинні, там крик
дитячих очей з фотокартки про все, що збулося.
На тому порозі завжди зустрічатиме кіт
сліди черевик, що сходили «бутіки» і храми, –
отой, чорно-білий, як твій навіщований світ.
А ще – там сніги на віконницях й зачісці мами.
Нагрій собі чаю із травами пізніх степів.
Присядь коло батька, відчуй, як зникає утома.
Не треба ні масок, що кольору хакі, ні слів.
Ти вдома.

ТАЄМНА ВЕЧЕРЯ

Тоді, коли збуваються слова,
так само передбачено, як зливи,
тоді, як на дахах танцюють сливи,
зірвавшись з віт, і піниться трава
від місячного доторку землі, –
вночі, коли чекаєш на пригоду,
сумний приходить янгол і на склі
малює час – від Заходу до Сходу,
від Півночі до Півдня, й навпаки...
Ти мовчки споглядаєш з ліжка диво,
як він – всього на відстані руки.
І гупають у стелю пізні сливи.
Відбудеться мальоване. Колись.
А поки що дитинно і відкрито
на повну душу видихни й молись
мальованому первісному світу,
нездійсненим видовиськам дощу,
несправдженим пророцтвам й заповітам...
Ведись гостинно. Принеси борщу.
Присядь до столу – під рамена світу.
Повідай про безжалісні жалі,
про брухт речей, про те, про що б не варто.
І – випийте по чарці. Щоб на склі
всю ніч палали вилиці і ватри.

* * *

Я намагаюсь вигадати осінь,
якої не було на мапах й в книжках...
Вона прийде вночі. Промінням босим
торкнеться сну на півдні моого ліжка.
Вона, як сукня, куплена на свято
і досі ще не вдівана у люди.
Вона, як місто глиняне. Як хата,
що їй вросли купальські трави в груди.
А ти питаеть, чом мої гостины
завдовжки в серпень – на твоєму старті.
Ну як нам прокидатись в місті з глини,
якого не знайти на жодній карті?

* * *

Ти пам'ятаєш сніг на синіх лапах
кудлатих сосен і гірлянди снів?..
Цей час – з лісами й війнами на мапах –
такий примхливий, як би ти не хтів!

Між нами завше долі-кілометри.
Між нами відстань – в наші два життя:
одне оте – з народження до смерти,
а інше – від пророка до дитя.
Ми живемо на мапах і вокзалах
країни, що не дім і не готель.
І душі наші, як музейні зали,
де тільки пил віщованих земель.
І ми собі вигадуємо зброю.
І наші вої гинуть за мету.
За світ, який існує і без бою.
За правду цю, їй без доказів, святу.
Усе в житті проходить два етапи –
реальності і пам'яті, авжеж.
Ось ти... ти пам'ятаєш сніг на лапах
тих сосен, що над світом снять?
Я – теж.

* * *

Кожного разу, коли відкриваєш, що ти
в парку, в метро, в літаку – ну завжди в позачасі,
світ, як чужий корабель, піднімає борти
вище від тебе, від істин – наскільки це вдається.
Кожного разу вертаєш додому навскіс:
вулиці пахнуть юрбою і кавою гірко,
крила здіймає в молитві розчахнутий міст,
березень – кволій, як сонний гомункул з пробірки...
В місті, де в небо не хмари пливуть – кораблі,
в світі, де вишні борти – тільки брук при основі, –
дай мені, часе, живої води і землі,
ключ від своїх таємниць і два зерня любові.

* * *

Ні в слові, тим більше – в слові,
не страшно програти час,
як страшно – у тій любові,
котра не пройшла крізь нас
повітрям а чи водою,
травою не проросла
із ран – на долонях бою,
і світлом – де тьма була.
Тож, пізня доба чи рання,
на схилі доріг чи дня
вона – не Едем, а стайні,
і ти в ній не змій – ягня.

Матвеєва Лариса Вітальєвна. Родилася 9 мая 1969 года в Николаеве. Окончила Николаевский национальный университет им. Сухомлинского, факультет истории и права (1992). С 1993 г. работает на ГП «Завод им. 61 Коммунара», замначальника отдела «Информационные системы управления». Автор трёх поэтических сборников: «Мотив судьбы» (Николаев, 1994), «Осколки» (Одесса, 1996), «Полнолуние» (Киев, 2000); драматической поэмы «Светлейший» (1996) и повести «Непозволительная роскошь» (2002). Автор более тридцати текстов песен на музыку украинских композиторов. Член Национального Союза писателей Украины (1998), Союза писателей России (2011).

Лариса МАТВЕЕВА

ПОЛНЕЕ НЕ НАДО

* * *

Чёрная ветка самшина
В инее белом дрожит.
Белыми нитками шито
Чёрное кружево лжи...

Чёрная сабля – дорога –
Белую степь рассекла.
Белое Царствие Бога,
Ада кромешная мгла...

Цвет монохромной печати –
Дней полинялых удел.
Будто бы чьё-то проклятье –
Мир без любви чёрно-бел.

ЛОЖЬ

Как просто лгать, когда в душе
Любви не обитает чувство.
И ложь изящна, как искусство, –
Сродни поэзии уже...

Когда же, вопреки Судьбе,
Святая ложь необходима –
О, как же больно лгать любимым!
И как бессмысленно – себе...

* * *

Знай, что небо ночное не сразу
И не всякому выдаст секрет:
Кто-то видит там бархат в алмазах,
Кто-то – молью изъеденный плед.

* * *

Мы с тобой придумали друг друга,
Мы всего лишь – ники в Интернете.
Не дано нам ни за что на свете
Вырваться из замкнутого круга.

Знает только наша переписка
Да стихов пронзительные строки,
Как бывают души одиноки,
Как необходим им кто-то близкий.

Чтобы не свихнуться от реалий
Мира, где господствуют тенеты, –
Обитаем в дебрях Интернета
Параллельной жизнью зазеркалий.

Думая и помня ежечасно,
Душами смогли соприкоснуться,
От рутины будничной очнуться,
Чтоб поверить в то, что жизнь – прекрасна.

И летит то с севера, то с юга
Многоточье строчек до рассвета...
Мы – лишь порожденье Интернета,
Мы с тобой придумали друг друга!

* * *

Дождь и осень тщательно верстают
Листья в манускрипт унылых дней.
Вновь воспоминания витают
Мотыльками в памяти моей.
Мотыльками призрачного света
В кронах заблудившейся луны.
Облетели отголоски лета,
И сверчков концерты не слышны.
Почернев, должно быть, от разлуки,
Не желая начинать с нуля,
Ветви тянут скрюченные руки
К небесам, о чём-то их моля...
Я бреду, не огибая лужи,
По знакомой улице одна
И шепчу тихонько: «Ты мне нужен...»
Но ответом служит тишина.

* * *

И не купить туда билета,
 И автостопом не добраться
 В благословенный край, где лето,
 Где мне пока ещё семнадцать,

Где стразы платья выпускного
 В преображенном на ночь зале,
 Как звёзды взрослой жизни новой,
 Светло и радостно сверкали.

Где сердце тикало быстрее,
 Поэзия служила пищей.
 Да! И вода была мокрее!
 Или, по крайней мере, чище.

И где любовь казалась вечной,
 И где кругом родные лица.
 Как жаль, что время быстротечно,
 Как жаль, что всем мечтам не сбыться!

О, как же хочется вернуться
 В полузыбкий, но знакомый
 Мир юности, чтобы очнуться,
 Чтоб жизнь сложилась по-другому!

Но не купить туда билета,
 И нет на трассе поворота...
 Воспоминаньями согрета,
 Я перелистываю фото.

* * *

Всё холоднее с каждым утром –
 Упрямо тикают часы.
 Уж не алмазом – перламутром
 Мерцают капельки росы.
 Слюдой ломается на лужах
 Почти прозрачный, тонкий лёд.
 Придёт ещё не скоро стужа.
 Но обязательно – придёт!
 Ещё скворцов крикливых стая
 Не скрылась в тёплые края.
 Ещё близка, как призрак тая
 В тумане, молодость моя.

* * *

Пить хмельной и душистый янтарь винограда,
Созерцая безлюдное море и скалы...
Что для полного счастья, скажите мне, надо?!
Разве это не рай, что так долго искала?

Утопивши в шезлонге уставшую спину,
Наблюдать с восхищением, как совершенны
Над волнами взлетают, играя, дельфины,
Плавниками взбивая курчавую пену.

Слушать чаек оркестр и соло прибоя,
С наслажденьем солёные брызги вдыхая,
И глядеть, как до рези в глазах голубое
В синь небесную море перетекает.

И лелеять в душе ощущенье покоя,
Что за все треволненья досталось в награду.
Принимая судьбу, оставаться собою...
Это полное счастье. Полнее не надо.

* * *

Просто жить, не мудрствуя лукаво,
Любоваться неба синевой...
Я отвоевала это право
В поединке с собственной Судьбой.

Просто жить! И это ль не прекрасно?!

Всё приемля: радость и беду.
Ежедневно не сжигать напрасно
Душу в доморощенном аду.

Осознать, что мы всего лишь гости –
Ничего с собой не заберёшь, –
Чтоб однажды, стоя на погосте,
Ощутить смиренье, а не дрожь.

И любить до одури, до боли
Эти горы, степи и леса,
Пить пьянящий вольный ветер с моря
И, как в детстве, верить в чудеса.

Ольга БАКК

ПОСЛЕДНЯЯ НОТА

– Смотри! Вон те, которые дерутся, – толкнул меня локтем в бок Юрша, – чем пахнут?

Мы стояли на краю большого оврага и смотрели вниз, где прыгали, противно орали и копошились в мусоре большие грязно-белые птицы. Две из них дрались за кусок какой-то дряни, аж перья летели во все стороны. Мы, как зачарованные, не могли оторвать от них глаз. Внезапно одна ударила большим клювом противницу в глаз и резко дёрнула головой, вырывая ошмёток. Вторая птица дико заорала и тяжело запрыгала прочь, не в силах взлететь. Кровь струилась по перьям. Победительница злобно крикнула ей вслед, разевая клюв. Кровавый кусок влажно хлюпнулся на мусор. Я в ужасе закрыла ладонью рот и бросилась прочь от оврага – старой городской свалки. Меня тошило.

В роще я остановилась, тяжело дыша. Юрша догнал меня, глянул в лицо и протянул бутылку с водой. Я пила, захлёбываясь, а перед глазами всё стоял пробитый глаз и тяжёлая капля крови, висевшая на кончике клюва. Вот капля сорвалась и упала вниз – меня наконец-то вырвало.

Юрша сочувственно пыхтел за спиной. Когда я отышалась, первое, что спросила, как зовут этих чёртовых птиц.

– Морянки, – ответил Юрша. – Вообще-то это морские птицы.

– Откуда здесь морские птицы? Тоже придумаешь! – Я, конечно же, не поверила ему. – Моря нет! Ты прекрасно это знаешь!

– Нет! Это морянки! – заупрямился Юрша. – Мне дядя сказал. Он знает! Он сам моряк.

– Дядя-моряк? Да-да, конечно!

Все ребята знали – Юрша заправский выдумщик, если говорить честно – самый большой врун!

Ночью мне приснилась огромная свалка без начала и конца. Я знала, что она – это море. От одного края неба до другого. Над свалкой висело смрадное облако. Вонь была густой и липла к коже, скатываясь мерзкими каплями. По мусору прыгали морянки, орали, долбили друг друга клювами и разбрасывали вокруг вырванные глаза.

* * *

Когда тебе десять лет, ты можешь не верить другу, который рассказывает о дяде-моряке, но слушать его бесконечно. Но когда вам по семнадцать, ты знаешь, что ты намного интереснее, чем выдуманный дядя. Ты злишься, обрываешь парня на полуслове, а сама думаешь, что лучше бы он увидел, какая у тебя сегодня красивая прическа и платье, обтягивающее в нужных местах. Вообще-то, сидя на скамейке в городском саду, он мог бы поцеловать тебя, а не рассказывать снова и снова про «классного дядю-моряка», которого ты за десять лет дружбы так и не увидела. Ты злишься на друга и в этот день, и в другие, а потом внезапно к скамейке подходит бородатый незнакомец и говорит: «Привет, молодёжь! А не подскажете, где мне найти моего племянника Юрши? Мне сказали, что он где-то тут, в саду!»

Дивный вечер испорчен, в кустах нагло заливается какая-то певучая птичка, ты сидишь на скамейке и как дура хлопаешь глазами, а Юрша прыгает, трясёт руку незнакомцу и кричит: «Дядя! Это мой дядя! Я же тебе говорил! Говорил!»

Я сидела за столом и злилась. Приезд родственника семьи Юрши отмечала с размахом. Столы вынесли во двор, позвали всех знакомых – чуть ли не полгорода. Да и то верно – в нашем захолустье редко бывали гости. Что у нас делать? Хотя справедливости ради нужно сказать, что и уезжали отсюда редко. На моей памяти – никогда. Даже не знаю, как умудрился улизнуть дядя-моряк. Юрша назвал его имя, но оно было таким чудным, что я его и не запомнила – Эретим Тоз Амин, а может, Том Эзрин Мин, ну как-то так.

Не сказать, что дядя-моряк мне не понравился: он был бородат, смешлив, беззаботен и пах свежо и волнистое: немного степной мяты, щепотка полыни, чуточка кориандра, капелька туманной сырости и что-то ещё, совершенно неведомое. Мне подумалось: может, это запах моря? В нашем городе мне не встречалось ничего подобного.

С детства я коллекционировала запахи. У простых людей и запахи простые. Вот Юрша, например, пах как свежеиспечённый хлеб – добродушием и трудолюбием. Его мама благоухала, словно имбирная булочка, – заботой и суеверностью. От Юршиного отца веяло свежевскопанной землёй – основательностью и терпением. А моя бабушка, пока не ушла на永远, всегда пахла медовыми пряниками – любовью и нежностью.

Когда родичи наелись-напились, наговорили кучу тостов, всплакнули после долгой разлуки, погулялись, что давно не виделись, и помирились на почве долгожданной встречи, дядя-моряк начал рассказывать о море, которое никто из нас никогда не видел. Лично для меня – оно всегда было свалкой с грязными птицами.

«Море – это вода. Бесплатная. Вода на сотни, миллионы миллионов шагов вокруг. Вода и ветер. И больше ничего! Днём оно синее, как облака. На закате – красное, как кровь. Ночью становится чернильно-чёрным, как небо над ним. В нём отражаются звёзды и луна. А горизонта не видно, словно и море, и небо над головой – одно целое.

В море живут рыбы – это такие морские звери, они дышат водой и никогда не выходят на сушу, потому что без воды умирают. Ночью они любят чесать спины о днища кораблей, а потом по воде за кораблём тянется мерцающий след, который искрится и переливается драгоценными камнями, – это осыпаются в воду чешуйки зверя-рыбы...»

Он говорил и говорил. Вечер плавно перетекал в ночь. На небе распустилась луна, проклонулись звёзды; по листве деревьев пробегали серебристые сполохи – это засветили фонарики ночные гусени; а рассказ всё продолжался, слова плавно лились и растекались по двору, завораживая окружающих. На меня накатила безмятежность, я растворялась в звуках голоса, понимая, что море – это не свалка, а вода, много-много воды. Это знание было странным, волнующим и пахло как-то по-особому. Мне даже показалось, что вокруг нас плещется море, такое же чёрное, как внезапно прорезавшаяся тоска по бескрайней воде.

«Говорят, что души моряков, погибших в море, превращаются в прекрасных белоснежных птиц. Их называют морянками, и живут они только над морем и нигде больше...»

В этом месте я неприлично расхохоталась, вспомнив грязных уродливых чудовищ со свалки. Мой смех развеял наваждение, и люди, словно проснувшись, стали суетливо прощаться и торопливо покидать праздник, будто им вдруг стало невыносимо стыдно за то, что они повелись на моряцкую байку.

В ту ночь мне опять приснилось море. Но на этот раз не бесконечный мусор, а синяя вода от одного края неба до другого. Морянки носились над водой, всё ещё грязные, словно только что прилетели со свалки. Они что-то злобно кричали друг другу. Во сне я поняла, как глупо моряку становиться птицей – птица улетит на свалку. Вот зверем-рыбой – другое дело. Рыба, понятное дело, на свалке жить не будет, потому что умрёт. Море пахло волнующе, свежо и дразняще. Его аромат ускользал от меня, не давался в руки, словно боялся, что я запру его в тёмной шкатулке и никто в мире не узнает, чем пахнет море.

* * *

Утром Юрши не стало. В доме остался запах грусти – кислой капусты и уксуса, к ним примешивалась печаль – острыя и пронзительная, как разрезанная луковица.

– Он ушёл со своим дядей, – сказал мне Юршин отец. От него пахло мокрым железом – тревогой. – Даже с матерью не попрощался, засранец! Она с постели не встаёт, лежит, плачет! – Отец тяжело вздохнул, глянул мне в глаза и сочувственно спросил: – С тобой тоже не попрощался?

Я слотнула ком в горле и мотнула головой:

– Не попрощался.

Отец снова вздохнул и неловко тронул меня за плечо. Резко повеяло тмином – сочувствием.

– Может, ещё вернётся...

– Может, – сказала я, но знала – не вернётся...

Я была так зла на Юршу: «Даже не поцеловал на прощанье!» – что мне пришло в голову найти его по запаху, который и привёл меня к старой свалке, а там просто растаял, развеялся.

Морянка, может быть, даже та самая, из детства – одноглазая и облезлая, – сидела на краю оврага и смотрела на меня. Пристально вглядывалась, словно пыталась вспомнить. Только дура вроде меня может заговорить с птицей: «Ты знаешь, как найти дорогу к морю?» Птица моргнула, удивляясь, что с ней разговаривают, что-то хрипло крикнула и тяжело взлетела. Я долго смотрела ей вслед, пока та не растаяла вдалеке. Новая свалка была в другой стороне. Куда же полетела эта бестолковая птица?

Внезапный порыв ветра донёс запах тумана и ещё чего-то неведомого. Бред какой-то. Наваждение.

Ты даже не следишь, а просто чувствуешь: дни плывут за днями, испаряются, как снег на солнце. Твои подруги выходят замуж и добropорядочно благоухают ватрушками с творогом – семейными заботами. Их новорождённые дети пахнут молоком, а мужья отчего-то сырым мясом – то ли «семейные радости» им поперёк горла, то ли ещё в чём причина. Тебе лень докапываться. Чужие запахи давно не волнуют. Ни от кого не пахнет дразнящей свежестью. Никогда.

Ты ходишь к старой заброшенной свалке, она постепенно зарастает травой, и там всё меньшие копошится грязных морянок. Они постепенно исчезают, то ли мигрируют на новую свалку, то ли действительно знают свой путь к морю. Птичья стая таёт, как и твои воспоминания о запахе свежеиспечённого хлеба, запахе твоей юношеской любви.

* * *

Я надоела городу. Не вписывалась в его размеренную обыденность. Мне тоже давно опротивели его запахи и «ароматы» людей, его населяющих. Благоухание скуки, рутины, предрешённости, отчаянья. Даже моё умение не спасало. По мнению горожан, мной владела странная придури — сочинять и продавать запахи. Никто не желал вдыхать запах свободы или несбыточной мечты; не торопился ощутить тоску по неведомому или почувствовать радость познания. В цене был аромат добро-порядочности: лаванда, дерево, степной огурец и немного полуночного мха; или верности: пряное дерево, скошенная трава, ягоды тиса, тающий лёд. Даже находились любители спина: дождливое небо, преющая листва, дрогревший костёр, мокрая шерсть.

Никто и никогда не просил запаха моря. Впрочем, мне он не давался. Всё время не хватало какого-то особенного, неуловимого оттенка, последней ноты.

— Ты не приходи к нам больше!

Моя подруга Лянька, с которой мы не расставались с тех пор, как я себя помню, нервно теребила завязки от халата. Тот уже давно грозился лопнуть на её дородной фигуре. Я — тонкая и звонкая пигалица, заскочившая к подруге «на чаёк» и притащившая ей в подарок аромат надежды (свежевыпавший снег, бадьян, цветы северного жасмина, медовая роса), ошалела от её слов.

— Ты чего, Лянь, что случилось?

— Ничего! Просто не приходи, ладно?

По комнате поплыл удущливый запах гари — предательство. К нему примешалось мерзкое амбре гниющего мяса.

— Муж? — внезапно поняла я. — Ляня, ты ревнуешь? Да я же никогда!..

— Ты никогда, а он... Не приходи!

Дверь хлопнула, отсекая дорогу в детскую дружбу. Ну и ладно. Хоть мерзкой вони больше не почую. Но, чёрт побери, обидно-то как! Я же никогда...

Однажды я зашла в Юршин дом, но он был пуст. Его отец с матерью куда-то исчезли, с ними ушёл из дома запах. Только пыль осталась. Она пахнет... пылью, и я от неё чихаю.

Я вышла на улицу. Подставила лицо ветру, принёсшему аромат горького перца и чеснока — разочарования и разлуки. Он никогда не приносил с собой запах моря. Просто не мог. Теперь я точно знала — моря не существует. Иначе бы его нарисовали на карте, которую я недавно купила в соседнем магазинчике. Наш город окружали овраги, перелески, степи, холмы и прочая география. Где-то далеко существовали другие города, но бескрайних просторов бесплатной воды не было. Из всей воды — та, что течёт из глубоких скважин в земле. Даже у самой заурядной травы корни уходят в землю на сотни шагов, чтобы добраться до влаги. Где уж тут взяться бесплатной «воде на сотни, миллионы миллионов шагов вокруг».

На старой свалке, сплошь поросшей травой, глупые мальчишки играли в моряков. Много ли детворе надо, чтобы представить море и плыть по траве на куске деревяшки, воображая себя бородатым мореходом. Смрад, долгое время висевший над мусором, давно выветрился, и травяное море пахло вереском, полынью, разогретой землёй, степной мяты — детской радостью и весельем.

* * *

Я сидела перед камином, протянув ноги к огню. На коленях лежала кошка. В окно стучала метель. Я листала какую-то старую книгу. Впрочем, я и сама была старой. На длинных полках вдоль стен стояли маленькие резные шкатулки — полное собрание придуманных мной ароматов. Пахло медовыми пряниками — пришлось их испечь. Вся соседская малышня обожает мои пряники. Почему-то дети меня любят. Даже странно: своих никогда не было, к чужим я не питаю нежных чувств, просто

терплю, а они тянутся ко мне. Особенно обожают потрошить старые шкатулки, вдыхая незнакомые ароматы. Некоторые навострились с одного вдоха угадывать радость, счастье, беззаботность. Запахи тоски, гнева, горя и печали им пока не даю, да и не к чему – вырастут, сами узнают. Я поставила эти шкатулки на самую верхнюю полку – чтоб малышня не дотянулась.

Вот и сейчас – Мейк, Вайза и Шикша затеяли возню: отнимают друг у друга жёлтую шкатулку, вдыхают ароматы апельсина, чёрного яблока, лесного ручья и первого подснежника и хоочут: им досталось беспричинное веселье. А семилетний Ориш, перенюхав все шкатулки, до которых смог дотянуться, вдруг спросил:

– А где запах моря?

Что-то странное появилось в воздухе. Словно холодное покрывало накрыло меня, по ногам пробежали мурашки. В навалившейся ватной тишине откуда-то послышался плеск воды. Я глянула в глаза мальчишки и увидела там бесконечную синь.

Смех малышни разорвал наваждение. Я с трудом встала, доковыляла до камина, сняла с полки маленьку серебристую шкатулку, заботливо стёрла с неё пыль и отдала Оришу. Он осторожно вдохнул: немного кориандра, чуточка степной мяты, капелька туманной сырости, щепотка полыни – и, нахмурив белёсые бровки, веско сказал:

– Пахнет неправильно. Почему?

– Не смогла сделать правильно, – отчего-то растерялась я. – Не нашла недостающей ноты.

Он задумался, потом строго глянул на меня:

– Я стану большим и привезу тебе настоящее море. Ты сделаешь правильный запах. Хорошо?

– Хорошо...

Однажды тебе приснится большая зверь-рыба. Она приплывёт из морских глубин и подставит спину, чтобы ты почесала. От неё будет пахнуть свежеиспечённым хлебом и чем-то неуловимо-знакомым. Ты наберёшь с её спины пригорюнию чешуек, которые блестят и переливаются, как драгоценные камни. Они останутся, и каждый раз, когда заснёшь, ты будешь бросать одну чешуйку под ноги. Сверкающая дорожка протягивается от твоих ног к самому морю. Ты будешь идти по ней, ночь за ночью уходя дальше и дальше...

И когда-нибудь ты не вернёшься...

Ткач Павел Николаевич. Родился 8 января 1960 года в Николаеве, где окончил среднюю школу и был призван в Советскую Армию. Окончил филологический факультет Николаевского педагогического института (1985). С 1997 года живёт в Киеве, работает заместителем директора консалтинговой компании (инвестиционная и имущественная оценка). Стихи писал с детства до 1992 года. Вернулся к поэзии в 2010 году. Автор поэтического сборника «Границы и пограничники» (Николаев, 2014).

Павел ТКАЧ

ОПИУМ ПУСТЫХ БИБЛИОТЕК

НЕБЫВАЛЫЕ ВОЛКИ

Много дней терпеливо смолили щелястую лодку,
задыхаясь от чёрного дыма чугунных котлов.
И однажды зашли попрощаться в родную слободку
небывалые волки морские, без шума и слов.

Лиши под ветром вздыхали на шляпах роскошных перья,
и скрипели ботфорты, как вёсла тюремных галер.
(Тихо плакали дети за каждой закрытою дверью,
и закрытым был город, и каждая в городе дверь).

Онемев от восторга, глядели прекрасные дамы,
и дрожали ресницы, когда голубые глаза
натыкались на наши ужасные старые шрамы,
бороздившие лица, как трещины на образах.

А когда прозвучал, возвещая отплытие, выстрел –
вместо женщин стенающих, выйдя на берег морской,
беспородные псы величаво спустились на пристань.
И прощальная песнь обожгла неподдельной тоской...

Бушевали шторма и пучины несытая глотка
раззевалась у самого борта, грозилась вдали.
Затонула на рифах щелястая старая лодка.
И, предчувствуя порку, матросы на сушу брели.

В АБРИКОСОВОЙ СТРАНЕ

В абрикосовой стране,
в чистом северном окне
привыкает быть куском
сухопутной ткани парус.

В море падает Икарос
и лежит на дне морском,
в недоступной глубине,
в парусину не зашитый.
Боже, дай ему защиты...

Если вспомнишь обо мне
в абрикосовой стране.

ЯД ВИШНЁВОЙ КОСТОЧКИ

Значенье спелой вишни – медный таз.
Беги-беги. Там розовые пенки
фотограф снимет в профиль и анфас,
облизывая пальцы и оттенки.
Фотографы безжалостны у нас.

Сквозь промокашки школьные у глаз
сентиментально наблюдают бег
охотника за кляксою чернильной,
несущего тайком в грядущий век
продукт вишнёвой косточки (сиnilльный)
и опиум пустых библиотек.

СИНИЕ ДЕЛЬФИНЫ

Степь раскинула колени
(где положено – там тени)
смотрят синие дельфины
на полоску красной глины
и степной орёл в полёте
вожделеет красной плоти

Только дикие оливы
смотрят в жирные заливы
где закатные знамёна
стелет лётчик приземлённый
слишком разные забавы
у забвения и славы

нет ни радости ни горя
только степь и только море
только бисер и стеклярус
да косой турецкий парус
где положено – там тени
безымянных поколений

может – пыль, а может – пена
мы уходим постепенно
мимо ящериц зелёных
мимо чувств неразделённых
вдаль за кромку горизонта
ex Barbaria, ex Ponto.

ПОГРАНИЧНИК

Как пограничник без нагрудных знаков
отличия – без метрики Очаков
(с коричневым лицом Ачи-Кале)
расслабленно качается в седле,
похрустывая чашечкой коленной.
Се – похоть созерцания вселенной
(греховна, но простительна). Свисток
посвистывает нежно на восток.

Так нежно, что покалывает ноги
желание назначенной дороги,
и липнет мякоть спелой алычи
на глиняные чёботы Ачи.

Так нежно, что физическая мука
сопровождает оформленье звука,
плывущего на рыбьем плавнике
с тростинкой для дыхания в руке.

Идёт по следу катер пограничный,
а будущее в зёрнышке горчичном
уже картографирует стезю
для маленького ослика Ozü.

ОЧАКОВСКИЙ ПРИВРАТНИК

Идут дожди: собака за собакой.
Уйду служить привратником в Очаков.
Замкну свою незамкнутую душу
в семантику калиток и ракушек.

И буду жить без видимой причины,
разглядывая ножик перочинный,
тем самым обретая постоянство
надёжное, как выход из пространства
в полуденный проём Высокой Порты.
Так высоко, что непускают мёртвых.
Они следят у скважины замочной,
как вертухай приходит полуночный,

как будто ветер северо-восточный
на сокрушенье косточки височной.
Прекрасно жить: дождливыми ночами
жалеть друзей; позвякивать ключами;

с утра ходить в любительский спектакль;
кормить собак. И сторожить Очаков,
когда пойдут в калитки, окна, двери
прошедших дней испуганные звери.

КАПИТАН КАРА-КЕРМЕН

Ни Библии на полке, ни Корана,
ни милости от северных племён.
Бежать – не добежать до Аккермана.
Куда ты, капитан Кара-Кермен?

Надёжнее всего – надёжный плен
в одноэтажном доме из ракушек,
традиции супружеских измен
и производства глиняных игрушек.

Надёжнее всего – прибрежный дрейф.
Тогда на расстоянье каботажном
окажется фонариком бумажным
романовский (или османский) рейх.

Надёжнее всего и бесполезней
для будущего – взгляд из-под руки.
Так ждут от продолжительной болезни
последнего улова рыбаки.

Есть чистые рубахи и корзины,
и коврики для старческих колен.
Есть лоция дороги стрекозиной.
Куда ты, капитан Кара-Кермен?

Какие небывалые слова
запомнит пограничная охрана?..
Миндальным мёдом пахнет пахлава.
Бежать – не добежать до Аккермана.

Валерий ЧЕРНЯВСКИЙ

1941–1944 годы: ДЕПОРТАЦИЯ

Все мы привыкли рассматривать Великую Отечественную войну как немыслимое по масштабам состязание солдатского героизма, стратегий, тактик и военных технологий. Из-за такого, быть может, одномерного виденья прошлого ускользает составляющая конфликта, которая во многом предопределила крах Третьего рейха.

В 1941–1945 годах мир стал свидетелем столкновения двух цивилизаций, где линия фронта служила внешним проявлением более глубинных процессов, ибо настоящая борьба велась на уровне жизненных потенций конкурирующих систем.

Имея под рукой демографические ресурсы всей Европы, Адольфу Гитлеру так и не удалось в достаточной степени обеспечить производство рабочей силой, а армию солдатами. Поэтому каждый новый призыв в ряды вермахта угрожал параличом всей нацистской экономике. СССР никогда не сталкивался с подобной проблемой, наверное, потому, что «воля к жизни» его народа оказалась значительно выше.

В целом, демографические проблемы Германии не содержали в себе ничего сверхъестественного и объяснялись самой логикой истории. Ценой заплаченной за два промышленных переворота 1873 и 1880 гг. стало крушение института большой патриархальной семьи, который на тот момент являлся основой репродукции населения. Происходило это на фоне бурного увеличения промышленного производства. Посему и немудрено, что прирост населения «слегка» не поспевал за германским индустриальным «колоссом». В итоге, уже в 1910 году кайзеровская держава всецело зависела

от трудовых мигрантов. Во время Первой мировой войны неспособность обеспечить трудовыми ресурсами собственную промышленность обернулась угрозой полного военного краха. Однако немцам удалось найти очень простое решение этой проблемы. На оккупированных территориях Бельгии, Франции и Российской империи имелось большое количество ничем не занятых людей. Именно их в 1916 году и решили озадачить во имя блага Великой Германии. Около одного миллиона иностранцев оказалось в статусе депортированных принудительных рабочих.

Третий рейх унаследовал от своего «старшего брата» как саму проблематику, так и методологию её разрешения. Помимо этого, добавилось несколько иных обстоятельств, нажитых благодаря фиаско в Первой мировой войне. Сюда следует отнести боевые потери, снижение рождаемости в 1915–1920 годах, резкое увеличение патологий среди новорождённых и сокращение численности мужского населения. Всё это как нельзя «благоприятно» повлияло на поколение, которому в 1939 году должно было исполниться 20–25 лет.

По мере того, как рос внутренний валовой продукт нацистской Германии, увеличивалась и потребность в иностранных трудовых ресурсах. В 1939 году количество мигрантов составило 988 тысяч человек, в дальнейшем этот показатель ежегодно увеличивался в арифметической прогрессии. Накануне нападения на СССР в экономике рейха уже имелаась «дыра» в 2,6 млн. вакантных мест. Расчётливый Адольф Гитлер со своими коллегами полагал, что покрыть дефицит удастся за счёт демобилизации 50-ти дивизий, естественно, после разгрома Красной Армии. Вера в успех была настолько велика, что для убеждения военных элит в несостоятельности блицкрига понадобился разгром немецких войск под Москвой. Вот тогда фюрер серьёзно призадумался над тем, как покрыть нехватку рабочей силы. После непродолжительных «дебатов» руководство НСДАП решило разрешить эту проблему за счёт советских граждан, населявших оккупированные территории. Логика рассуждений была простой, как правда жизни: «Ведь построили же как-то мощную советскую индустрию. Вот теперь пусть поработают на благо великой Германии».

Официально депортация населения СССР в Третий рейх началась с директивы Германа Геринга от 7 октября 1941 года. Всего за весь период оккупации только с одной территории Украины вывезли около 2,3 млн. человек. В Германии советские граждане составили наиболее многочисленную и бесправную категорию иностранных рабочих. Как правило, в официальных документах вся эта разношёрстная в этническом отношении «публика» обобщалась под термином «восточные рабочие», или «остарбайтеры».

До Николаева события, вершившие судьбы миллионов, докатились в августе 1941 года. Тогда наш город был оккупирован вермахтом и стал центром одноимённого «генерального округа». Набор рабочей силы для нацистской экономики начался здесь синхронно с другими оккупированными регионами СССР. Однако его масштаб и характер принципиально отличались. С самого начала сказалаась стратегическая значимость города. Два мощнейших судостроительных завода в прошлом обеспечивали господство Российской империи на Чёрном море, что, безусловно, хотели унаследовать и нацисты. Помимо этого, в ставке фюрера прекрасно осознавали и другое обстоятельство. Даже в случае поражения СССР Германию ожидало длительное противостояние с Англией и США, ключевая роль в котором отводилась военным флотам. Ввиду явного отсутствия этого сектора военного производства любой захваченный судостроительный завод становился чрезвычайно ценным

трофеем. Именно поэтому вся южноукраинская судостроительная промышленность и портовая инфраструктура переходили под прямое руководство командующего военно-морских сил Третьего рейха и не подлежала деиндустриализации. Эти положения фиксировались и в зелёной папке Г. Геринга – основном документе, что регулировал порядок эксплуатации восточных территорий.

Первые случаи выезда населения Николаева на работу в Германию зафиксированы в ноябре 1941 года. В основном они касались фольксдойчей – этнических немцев, которые покидали родину согласно индивидуальным приглашениям. Массовая вербовка добровольцев началась только в феврале-марте 1942 года. В то время набором рабочей силы занималась «Группа промышленного использования», которую возглавлял Вернер Мансфельд. Будучи сравнительно здравомыслящим человеком, к тому же «отягощённым» докторской степенью, он не приветствовал силовые решения гуманитарных проблем, поэтому опирался преимущественно на методы пропаганды. В конечном итоге его ведомство не смогло доставить в рейх необходимое количество рабочих. Это заставило А. Гитлера разжаловать В. Мансфельда и утвердить на его должности Фрица Заукеля, видного партийного функционера и гауляйтера Тюрингии. Он реорганизовал существующую инстанцию в «Имперское бюро рабочей силы» и перешёл от вербовки волонтёров к принудительным мобилизациям.

Ситуация, что сложилась с набором рабочей силы в городе Николаеве, с самого начала существенно отличалась от других крупных городов рейхскомиссариата «Украина». Во-первых, здесь для увеличения численности добровольцев не практиковали искусственную безработицу. Напротив, оккупанты пытались достичь максимально возможной занятости населения города в судостроительной отрасли. Во-вторых, когда нацисты перешли к принудительной мобилизации по годам рождения, то это несчастье коснулось преимущественно безработной молодёжи, как правило, школьного возраста.

Суть данного парадокса заключается в том, что для сохранения производства на судостроительных заводах требовались существенные трудовые ресурсы. Все имеющиеся квалифицированные рабочие и инженеры в добровольно-принудительном порядке закреплялись за судостроительными предприятиями. Для них отправка в Германию существовала только в виде репрессивных санк-

ций. Дело в том, что большинство из них к выполнению своих трудовых обязанностей относилось недобросовестно. В 1942 году нормальным явлением среди работающего населения были апатия, вредительство, иногда даже диверсии, прогулы порой достигали 60 %. С несознательностью советских граждан боролись рабочие группы СД (службы внутренней безопасности), в арсенале которых депортация в Германию находилась на одном уровне с тюремным заключением и смертной казнью. Весной 1942 года именно так получили свои путёвки в рейх 60 рабочих-судостроителей.

Очевидно, что подобные меры могли иметь определённый успех, поскольку в 1943 году изъятие трудовых ресурсов с промышленных предприятий практически полностью прекратилось. Мало того, немцам даже удалось заложить два теплохода класса «Помпей».

Как вообще осуществлялась вербовка? С апреля 1942 года вся городская пресса и прочие средства массовой информации пытались создать у горожан образ этакого немецкого «Эльдорадо», где труд достойный, а быт комфортный. Увы, после возвращения домой оstarбайтеров, которые получили травму и утратили работоспособность, стал известен образ иной Германии, который напрочь отбил охоту искать счастья в рейхе. С мая 1942 года оккупационная администрация начинает производить принудительные мобилизации. Они осуществлялись на основе приказа штаткомиссара, который обязывал лиц определённого возраста явиться в помещение городской биржи труда для прохождения медицинской комиссии и отправки в Германию.

Уже первая принудительная вербовочная кампания столкнулась с противодействием горожан, которые игнорировали повестки биржи труда, симулировали болезни либо попросту скрывались от оккупационных властей. Многие стремились во что бы то ни стало пересечь Южный Буг и попасть в румынскую зону оккупации, так называемую «Транснистрию», где подобные мероприятия не практиковались.

Все завербованные по области и городу советские граждане доставлялись на территорию Николаевского спиртзавода, где размещался сборный пункт. Ждать эшелон иногда приходилось по две недели. Сам день отправки всегда превращался в общегородскую драму. Многие горожане пытались отбить своих родных и близких от немецкого конвоя, что двигался от здания спиртзавода к железнодорожному вокзалу. Очень часто стычки с солдатами влекли за собой жертвы.

В 1942–1943 годах транспортировка мобилизованных граждан велась через старую советско-польскую границу. Поезда доставляли рабочих в пропускные лагеря в Перемышле и Львове, там осуществлялся повторный медосмотр и санобработка. После этого формировался новый этап, который следовал непосредственно в Германию. Условия транспортировки едва ли напоминали человеческие. Благоустройство вагонов ограничивалось соломенным настилом, в пути они нагло закрывались. Не было ничего похожего на утепления, в связи с чем все попытки организации перехода рабочей силы в зимний период заканчивались массовой смертностью из-за переохлаждения. Снабжение этапируемых продовольствием было разным. В середине 1942 – начале 1943 годов они получали сравнительно сносное питание на всех крупных станциях. Однако в конце 1943 года этой практике был положен конец и голодные 7–10-дневные поездки стали нормой.

Организовывая депортацию советских граждан, оккупанты не гнушались самыми жестокими методами. Уже в конце 1942 года обыденной нормой стало взятие заложников, шантаж, облавы, расправа с родственниками лиц, которые уклонялись от выезда в рейх. Полицаи вместе с немецкими солдатами устраивали так называемые «ловушки». Излюбленной тактикой была дача объявлений о бесплатном киносеансе, что неизменно привлекало молодёжь. После заполнения зала вместо просмотра киноленты всех жаждущих зрелищ конвоировали прямо к зданию биржи труда, где находилась медкомиссия. Своего пика силовые мероприятия достигли в период эвакуации немецко-румынских войск. В условиях приближения линии фронта оккупанты стремились не только доставить в Германию максимально возможное количество рабочих рук, но и ослабить демографический потенциал края.

Первоначально населению города предлагалась добровольная эвакуация в рейх. Но по понятным причинам среди желающих оказались только коллаборационисты и этнические немцы. В итоге вермахту пришлось прибегнуть к старым, хорошо проверенным методам. С конца февраля по 26 марта 1944 года на улицах Николаева проводились беспрецедентные по масштабам и жестокости облавы. Тотальной депортации подвергли персоналы судостроительных заводов имени 61 Коммунара и А. Марти, судоремонтного завода, морского порта и городской электростанции. На тот момент нацисты утратили контроль над большинством железнодорожных коммуникаций, а значительная часть вагонов и поездов задействовалась на эвакуации спешно отступающих с фронтов частей вермахта. Транспортировка эвакуированной николаевской рабсилы осуществлялась через Одессу, откуда советских граждан на пароходах и баржах везли в румынские портовые города Брэиле, Галац и Констанца, где они и оставались до освобождения Красной Армией в августе 1944 года.

Всего по городу Николаеву за 1941–1944 гг. было угнано на принудительные работы в Германию и Румынию 5 тысяч человек, это всего 6 % населения города периода оккупации (84 213 человек) и 11 % общего числа завербованных по районам современной Николаевщины. В соседнем Херсоне наблюдалась принципиально иная ситуация. Здесь оккупанты подвергли депортации 15 тысяч жителей или ровно четверть горожан, что составило 40 % всех уроженцев Херсонщины, завербованных на работу в рейх. Очевидно, именно наличие стратегически важного производства повлияло на такую динамику. Стремясь сохранить военное судостроение, оккупанты до самого конца заботились о местных трудовых ресурсах. Наиболее массовой вербовочной акцией стала эвакуация в марте 1944 года.

Складывается алогичная ситуация: более всего удивляет современное положение николаевского судостроения. В 1941–1944 годах оно обеспечило особый статус города, спасло многих его жителей от перспективы пополнить ряды принудительных рабочих. В наше время стало ненужным и государству, и нам самим.

Валерий Чернявский,

сотрудник Николаевского областного краеведческого музея,
кандидат исторических наук

**Евгений ГОРБУРОВ,
Кирилл ГОРБУРОВ**

ПОБЕДА КОВАЛАСЬ В ТЫЛУ

В дни празднования победных дат, отдавая должное фронтовикам, в большей части своих материалов авторы скромно освещают или вовсе умалчивают о трудовом героизме тружеников тыла. Это наши матери, отцы и деды, подростки, жители городов и сёл все свои силы, энергию, ум, талант, здоровье отдавали во имя освобождения родной земли, полного разгрома немецких захватчиков и их союзников.

Тыл жил одной целью с фронтом и, приложив огромные усилия, сумел в короткие сроки ликвидировать превосходство противника в боевой технике и вооружении. Героический труд позволил бесперебойно и во всё возрастающих размерах обеспечить фронт новейшей боевой техникой, оружием, снаряжением, боеприпасами и продовольствием.

Но это было чуть позже. Впереди были горькие поражения, человеческие жертвы, отступление и эвакуация предприятий и населения.

В середине июля 1941 года в Николаеве была создана и утверждена обкомом партии и облисполкомом эвакуационная комиссия. Центральный эвакопункт размещался на железнодорожной станции Снигирёвка, через которую проходил основной поток грузов и эшелонов с людьми. В связи с нависшей угрозой оккупации Николаевской области и областного центра в глубь страны было эвакуировано наиболее ценное и современное оборудование, станки, детали судостроительных заводов им. 61 Коммунара, им. Андре Марти, завода «Дормашин», Николаевской ТЭЦ, швейной фабрики им. Кирова, парфюмерно-косметической фабрики «Астра», а самое главное – квалифицированные кадры, инженеры, техники, рабочие.

С 20 по 26 июля 1941 года тремя эшелонами была произведена эвакуация Первомайского машиностроительного и сталелитейного завода им. 25 октября. 113 вагонов с оборудованием, ценностями, материалами, продукцией предприятия были направлены в г. Балаково Саратовской области на завод им. Дзержинского. Ценное оборудование николаевских заводов и фабрик, специалисты были направлены в Туапсе, Поти, Астрахань, Сталинград, Навашину, Гороховец, Пермь, Барнаул, Челябинск, Тюмень, Поволжье, Урал, Сибирь, Среднюю Азию, Дальний Восток, Заполярье. И там, в большинстве случаев ещё до строительства производственных корпусов, под открытым небом налаживался выпуск продукции для фронта.

А как не вспомнить о героической судьбе арктического ледокола «Анастас Микоян», ушедшего в море 5 августа 1941 года. Заводская сдаточная команда ледокола добровольно вошла в состав экипажа и участвовала в обороне Одессы. Затем было легендарное плавание вокруг света. Сотни миль сквозь немецкие заслоны прошла команда на безоружном судне, мастерски уклоняясь от атак торпедных катеров и авиации врага, на ходу ликвидируя пожары. Это плавание получило название «Огненный рейс». В нём участвовали 58 работников завода им. Марти. Среди них – Федор Хилько (позже – Герой Социалистического Труда, 1960. – Прим. авт.), Александр Гройсман, Александр Колбков, Михаил Улинич, Владимир Добровольский.

В конце сентября 1941 года бывший главный инженер завода им. 61 Коммунара И. С. Прибыльский с группой коммунаровцев в составе 25 человек прибыли в Горьковскую область на Навашинский судостроительный завод, что на Оке. Завод был небольшим, на нём работали всего 3000 человек. Но он был единственным на то время предприятием, выпускавшим pontоны, на них переправлялись войска, автомашины, танки, железнодорожные составы и другая техника. Завод выполнял и другие важные заказы Государственного комитета обороны, в том числе изготавливали детали (стаканы) для реактивных снарядов. И если на других специализированных предприятиях Наркомата обороны

они обрабатывались за 30 минут, на Навашинском заводе на их обработку уходило 3 часа. Технологи, рабочие-коммунаровцы включились в решение проблемы, и выпуск стаканов резко возрос.

Завод работал круглосуточно в две смены по 12 часов. Трудились без выходных. Работать было трудно, питались скучно, донимали морозы, неустроенность с жильём, с фронта приходили похоронки на родных и близких. Николаевцы трудились не хуже «коренных» заводчан. Опытные и знающие судостроители служили примером для других. У них учились, на них равнялись.

Многие николаевцы трудились на Сталинградском судостроительном заводе, расположенному в южной части города. Главной оборонной продукцией стalingрадских судостроителей с начала войны стали танковые корпуса.

Николаевцы, знакомые с электросваркой, быстро освоили новое дело. Их опыт очень пригодился местным труженикам. Работали с большим напряжением и упорством, малейший срыв графика выпуска танковых корпусов – ЧП для завода. Цель трудового коллектива – как можно больше продукции для фронта. И тут николаевцы И. П. Наумов, С. С. Литвинов, Б. К. Бабак, Е. К. Левицкий, П. С. Демьянов, Н. В. Михневич, Л. Г. Минаков были в авангарде.

Один из работников Сталинградского судостроительного завода николаевец В. С. Никифоров писал о работе николаевских судостроителей в своих воспоминаниях: «...Мы, строители кораблей, быстро переквалифицировались в танкостроителей... задание систематически перевыполнялось. 14–15 танковых комплектов мы ежедневно отправляли на Сталинградский танковый завод, где происходила сборка танков. Надо сказать, что коллектив николаевских судостроителей выделялся на заводе своей сплочённостью, самоотверженностью, высокой культурой производства. На ежедневных совещаниях у директора завода Суворова николаевцев ставили в пример. А в 1942 году многие бывшие судостроители были награждены орденами и медалями».

Среди них – коммунаровцы С. Коломийцев, С. Новаковский, В. Перчинский, А. Петренко, М. Алёхин, А. Байрон, Ф. Гущин, М. Щербина, И. Олейников, А. Копырин, Ю. Копырин, А. Недо, А. Попиней, Д. Мирошниченко, А. Пшеничный, Г. Кишкиян и многие другие.

Большинство николаевских специалистов с основной частью оборудования завода им. Андре Марти (сегодня – Черноморский судостроительный завод. – *Прим. авт.*) эвакуировалось в Астрахань. Они активно включились в срочную перестройку местной верфи. Вместе с астраханцами ремонтировали корабли и танки, строили бронекатера, выпускали миномёты и узлы артиллерийских орудий, фугасные и зажигательные бомбы, снаряды. Опытные специалисты Л. А. Сахновский, В. П. Голубов, П. К. Охотников, А. М. Чеканов, П. А. Абикулов, А. И. Ермолаев, невзирая на нехватку продуктов, топлива и материалов, выпускали продукцию, осваивали новые специальности, учили молодёжь. Часть прибывших из Астрахани судостроителей создавала базу по достройке кораблей в Баку и Поти.

По указанию Наркомата судостроительной промышленности 450 судовых сборщиков и электросварщиков, других рабочих и инженерно-технических работников в начале июля 1941 года были командированы в г. Горький на завод «Красное Сормово», который переключился на производство танков Т-34. Имена наших судостроителей И. С. Уса, А. К. Теременко, В. П. Субботина, А. С. Перевозенко не сходили с Досок Почёта и страниц многотиражной газеты «Красное Сормово».

«Хорошие ребята – николаевцы, преданные, сообразительные, любую работу сделают. Тяжело было в войну – ни кола ни двора, а работали как! Перевезенко сказал как-то: «Я здесь, на Волге, борюсь за свой дом на Буге». Мы с ними делились, чем могли, очень мы их уважали», – вспоминал сормовчанин В. П. Монахов.

Рабочие и специалисты николаевского завода им. Андре Марти трудились и на красноармейской верфи в Сталинграде – осваивали строительство корпусов танков Т-34, самолётов ИЛ-2.

Многие корабелы были награждены орденами и медалями, среди них А. Птухин, Н. Иваненко, И. Горбенко, И. Чумakov, Д. Могилевский, В. Никифоров, Д. Гетьман, Л. Пеленков, Л. Каменский, В. Царёв, М. Пищадов. Главный механик завода Н. Г. Иваненко вместе с И. С. Скибой и А. Г. Симчаком восстанавливали повреждённую городскую электростанцию, заменив энергетическую установку мощным судовым двигателем.

Когда предстояло покинуть Сталинград, эвакуировались на заводы Куйбышева, Урала, Сибири, Алтайского края. Бригаду по монтажу и отгрузке оборудования возглавил А. И. Птухин. Станки весом по 25–30 тонн люди выносили на своих плечах!

Нельзя обойти вниманием воспоминания ветерана труда Черноморского судостроительного завода, бывшего сборщика, а затем мастера по сварке корпусов танков Т-34, работавшего в Красноармейске (пригороде Сталинграда), – С. Когона. Непосредственный участник тех событий, он в своей статье «Мы строили танки», опубликованной в газете «Трибуна рабочего» (№17) от 2 марта 1995 года, постарался вспомнить николаевцев, активных участников трудового фронта. Приведём несколько выдержек из его статьи:

«Большая группа рабочих и инженерно-технических работников и служащих корпусно-стапельного цеха, где я начал свой трудовой путь до войны, трудились на заводах Сталинграда и Нижнего Тагила. Всех вспомнить очень тяжело – очень много времени с тех пор ушло, но некоторые фамилии запомнились на всю жизнь. Называю их. Это И. М. Горбенко, В. Н. Никифоров, И. Р. Чумаков, А. В. Чумаков, И. М. Розенблит, З. Краснопольский, Д. Н. Гетман, Л. И. Теленко, Л. Каменецкий, М. Каменецкий, Ф. Сабинд, Я. Гурович, С. В. Глупов, Федоренко, Л. И. Кувшинов, Твардовский, Н. Порошков, М. Басозский, Ф. Бакарь, Д. Могилевич, Дубочинский, Щербина, Довгань.

С августа 1941 года мы работали в Красноармейске – пригороде Сталинграда. Один из цехов красноармейской верфи был переоборудован под сборку и сварку корпусов танков Т-34. Начальником цеха назначили И. М. Розенблита, старшим мастером – И. Р. Чумакова. Работали мы в две смены по 12 часов, при пересмене (раз в десять дней) – по 16 часов в сутки.

Когда фашистские войска подошли к Сталинграду, начались бомбёжки и нашего завода. Частично был разрушен один из пролётов цеха, но мы не покидали своих рабочих мест, потому что фронту нужны были танки. 25 августа 1942 года, когда прекратилась поставка бронедеталей для корпусов танков, нас эвакуировали за Волгу в город Ленинск».

…В числе других С. Когон попал в Нижний Тагил на «Уралвагонзавод», переоборудованный под полное производство танков Т-34. В тяжёлых климатических условиях (морозы достигали 50 градусов), живя в деревянных бараках, недоедая, они работали под девизом «Всё – для фронта, всё – для победы!»

Только один нижнетагильский завод за годы войны дал фронту 35 тысяч танков Т-34». (Арифметический подсчёт: за шесть с половиной лет, с 1940 по 1946 гг., было выпущено более 61 тысячи танков Т-34. По массовости это – первое место в мире, на втором месте – американский танк «Шерман», 48 071 шт. – Прим. авт.).

Большинство отечественных и зарубежных специалистов считают Т-34 лучшим танком Второй мировой войны. Этой оценки он заслуживает благодаря уникальному сочетанию боевых качеств: мощному вооружению, надёжному бронированию, высокой маневренности и надёжности, простоте обслуживания, ремонта и технологичности производства. Мы гордимся, что к большому количеству этих знаменитых боевых машин прикасались руки николаевских инженеров, рабочих, делавших всё возможное и невозможное для победы над врагом.

6 июня 1945 года была учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Указан Президиума Верховного Совета СССР определенно, что медалью награждаются рабочие, инженерно-технический персонал и служащие промышленности и транспорта; колхозники и специалисты сельского хозяйства; работники науки, техники, искусства и литературы; работники советских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, обеспечившие своим доблестным и самоотверженным трудом победу СССР над Германией в Великой Отечественной войне.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждено 16 096 750 человек. Это ещё одно доказательство всенародного характера победы над нацистской Германией и её союзниками. Среди награждённых – сотни тысяч юных тружеников, тех, кто, подставив под ноги ящики, по нескольку смен не отходил от станков, кто на колхозных полях заменил ушедших на фронт отцов.

Лицевая и оборотная сторона медали
«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Награждены и николаевцы. Они строили и ремонтировали боевые корабли, танки, изготавливали различное оружие и боеприпасы. Среди них были опытные специалисты, после войны они станут руководителями отечественного судостроения, главными механиками, главными инженерами, директорами заводов и предприятий. Их имена в корабельном крае известны: И. С. Прибыльский, В. Н. Андрианов, А. Б. Ганькович, Е. М. Горбенко, И. М. Горбенко, Е. Д. Телух, И. П. Максименко. Сотни николаевских корабелов за проявленный трудовой героизм в тылу были награждены значком «Отличник соцсоревнования Наркомтранкопрома». Обладателем такой награды был и С. И. Файнерман, заведующий группой завода № 77.

Интересно, что на самом знаке, который выдавали награждённым, был изображён танк Т-34. Этот легендарный танк не случайно называют оружием Победы. Т-34 воспроизведён и на медали «За оборону Москвы». В послевоенные годы эта боевая машина состояла на вооружении 45 стран мира, до 1997 г. – в российской армии, Т-34 до сих пор служит армиям ряда государств.

Значок «Отличник соцсоревнования Наркомтранкопрома»,
которым приказом Наркома танковой промышленности СССР
В. Малышева были награждены многие земляки-николаевцы

В газете «Вечерний Николаев» за 21 января 2014 года мы рассказали о непосредственных создателях, конструкторах легендарного танка. Австралийцы называют его «очень красивым творением рук человека». В настоящей статье, к сожалению, нами упомянуты лишь некоторые фамилии тех героев, кто создавал оружие Победы, кто самоотверженно отдавал в тылу все свои силы, знания и умения с такой же целью, как и наши воины на фронтах, – уничтожить врага, освободить родную землю.

У авторов есть просьба к вам, дорогие читатели: если вы располагаете сведениями об участии в строительстве танка Т-34 ваших родственников, отцов, дедов, прадедов; интересными документами, фотографиями, пришлите их в редакцию для использования в готовящейся книге.

Мы всех помним, мы всем благодарны за свободу.

С большим уважением,

*Евгений Горбунов, Кирилл Горбунов,
кандидаты исторических наук*

Евгений ПАРАМОНОВ

ОККУПАЦИЯ

Негероические воспоминания о героическом прошлом

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ»

Томочка (слева) с подругой

В 1943 году немцы стали угонять людей на работу в Германию. Томочке уже исполнилось 16, пришёл и её час. 8 октября 1943 года директор располагавшегося в главном корпусе детского сада на улице Фрунзе железнодорожного директиона, пожилой и, в общем-то, вполне положительный немец Биндер, сказал «Ком!» (пошли) и отвёл Томочку и ещё нескольких соседских девчонок на спиртзавод. Там их посадили в товарные вагоны и повезли далеко-далеко в страну Силезию (Шлезвиг).

Славный город Ландесгут (в переводе с немецкого – «картуз страны») северо-западнее Бреслау (Вроцлава). Средневековая архитектура, высокие черепичные крыши, собор, вокзал, ратуша, торговая площадь. Далеко на горизонте гора Шнеекопф («снежная голова») с ослепительно белой вершиной, которая не тает даже летом. А в долине спокойно течёт река Бобер.

Девчата поселили в лагере для оstarбайтеров в деревне Йонсдорф возле города. Их нары стояли в зале бывшей пивной. Здесь ещё не выветрился густой пивной дух. На веранде жили девчата годом старше. По вечерам после работы одна из них играла на пианино, стоявшем на веран-

де. Кормили здесь просто ужасно. Шпинатовый суп, от которого выворачивало наизнанку, брюква. Иногда удавалось накопать картошки.

В городе большое хлопкопрядильное и ткацкое производство – фабрики «Веберай» и «Шпинейрай», их трубы нелепо торчат из середины старинного города, их котельные требуют много угля. А уголь кому-то надо разгружать. Лучших грузчиков, чем голодные и тощие шестнадцатилетние девчонки, хозяева не нашли.

Каждый день с утра и до вечера они «давали стране угля», работая огромными лопатами. Однажды девчата резко открыли запор вагона. Уголь потоком хлынул наружу. В мгновение ока Томочку засыпало с головой. Её сдавило. Стало невозможно дышать. Ещё немного – и конец... Слава Богу, подруги её тут же откопали.

Рядом с ними работали несколько вольнонаёмных. Несчастный измощдённый рабочий-немец кидал уголь свою «гресс шауфель» (большой лопатой) с утра и до вечера. Он почти не разговаривал. В середине дня двое его деток, одетых в ветхую, сплошь заштопанную и залатанную, но всегда чистую и аккуратно выглаженную одежду, приносили ему обед в судочке. Он тут же выпивал жид-

Ландесгут сьогодні

кий суп, возвращал им котелок, и дети сразу уходили домой. Был ещё истопник. Его обед состоял из двух тоненьких бутербродов, намазанных мармеладом, причём он непременно разлеплял их и один отдавал девчатаам.

Однажды из-за плохого питания девчата забастовали и отказались идти на работу. Тогда лагерфюрер (начальник лагеря) уехал в город и вернулся с толстым полицаем-немцем. Тот что-то орал на девчат и оглушительно щёлкал огромным кнутом. Пришлось снова идти на работу голодными. После забастовки лагерь расформировали и девчата разбросали по другим лагерям. С фабрики «Веберай» их перевели на «Шпинерай». Там кормили получше.

Рядом работали девчата с Западной Украины. Многие из них не были угнаны, а приехали сюда работать добровольно. Ведь немцы (в это трудно поверить) всегда аккуратно платили оstarбайтерам деньги – рейхсмарки. Правда, купить на них что-либо путное в сидящей на карточках Германии всё равно было нельзя. Девчата с Западной Украины дразнили наших «чумычками». Ведь в их краях разливная ложка зовётся совсем по-иному.

Наши в ответ стали дразнить их «гетяками» за их манеру гекать в разговоре. Ведь галицкий диалект, в котором причудливо смешались украинский, польский, австрийский, мадьярский языки и который нам сейчас навязывают некоторые телеканалы как образец «украинского» языка, на самом деле весьма от него далёк. Здесь обычными бывают выражения типа «годімо гобідати» (пойдём пообедаем) или «файний мэганык» (хороший механик), или шепелявое «україньшкий нарід» (ударение на букву «а») – украинский народ. Одна из западенок любила нахваливать Гитлера: «Гітлер молодечь» (молодец), – повторяла она. В общем, это были несколько иные оstarбайтеры...

Однажды новый лагерфюрер, узнав, что девчата из Украины (а он бывал у нас и любил украинскую кухню), попросил приготовить ему «бош». Девчата сначала не поняли, о чём идёт речь. Тогда он объяснил – «украиниш гемизе зуппе» (украинский овощной суп). Они поняли – это борщ. Приготовили. Но нужные овощи в тех краях не произрастали, и борщ получился невкусный.

По мере наступления советских войск и отступления немецких, оstarбайтеров стали перегонять непосредственно в Германию. Их гнали этапом очень долго. Вышли из Силезии. Пешком пересекли Чехию от восточной границы до западной. Конвойные из числа чешских полицаев подбадривали их: «У нас вы найдёте всё, что нужно». И, действительно, местные жители встречали наших оstarбайтеров радушно, наперебой предлагали им домашнюю еду – хлеб, молоко, творог, овощи. Отношение чехов к советским людям тогда ещё было самое доброе.

Пройдёт много лет – и в Чехию по туристскому туру поедет Томочкина внучка. Всю их группу чехи встретят холодно и презрительно. Вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году несло отношениям наших народов непоправимый урон.

Из Чехии девчата вошли на территорию Германии. Однажды на пути они увидели кошмарное зрелище. Конвоиры гнали по дороге навстречу им «живых мертвцев». Измождённые люди-скелеты едва передвигали ноги. Они были одеты в форму концентрационного лагеря – полосатую робу.

Когда стемнело, девчонки добрались до какого-то сарая и замертво повалились на сено спать. Но когда они утром проснулись, ужасу их не было предела. По телу ползали разлапистые, ранее невиданные, огромного размера вши. Очевидно, до них в этом самом сарае ночевали те самые «люди-скелеты» из концлагеря.

У МЮЛЛЕРА

Генрих Мюллер, в отличие от своего знаменитого тёзки, никогда не служил в гестапо. А тем более не был его шефом. Просто в Германии столько же Мюллеров, сколько в Украине Мельниченко, а в России Мельниковых (такое значение имеет эта фамилия), а потому говорят, что в Германии иметь фамилию Мюллер – всё равно что не иметь никакой.

Генрих Мюллер был бауэр (сельский хозяин). Пожилой и грузный вдовец, он ходил, опираясь на палку, любил пить пиво, смешанное с молоком (считал такой рецепт целебным) и был крут характером. Домочадцы перед ним трепетали.

В хозяйстве у Мюллера было 12 коров, свиньи, куры, кроли и прочая живность. Всё это требовало ухода. Была земля, на которой работали батраки, и не только оstarбайтеры, а и свои односельчане – немцы.

Крошечный городок Роннебург в Тюрингии (в нём и сегодня всего пять с половиной тысяч жителей) не был похож на село, это был именно городок, ибо в Германии сёл как таковых нет. Здесь даже в самом маленьком населённом пункте мощёные камнем улицы, есть церковь, рынок, парикмахерская, кинотеатр, почта и прочее, прочее, что и принято, в общем, называть словом «город».

В дом к Мюллеру Томочку привела его родственница Лина. Она «купила» молодую украинку на бирже труда. Кроме Томочки и нескольких других девчонок, в доме Мюллера трудились также

Ландесгут. Немецкая почтовая открытка

француз Роберт (Роббер) и итальянец Антонио. Француз (сам из села) работал как вол, и ему давали есть больше других. Итальянец же не сильно напрягался и частенько в рабочее время спал в стогу сена. В конце концов, он куда-то исчез. Мюллер был в ярости. На следующий день все работали на подворье, вдруг видят – двое полицейских ведут итальянца Антонио. Они поймали его и привели к хозяину. Но Мюллер наорал на итальянца, а полицейским заявил, что итальянец «фауль» (лентяй) и что он ему больше не нужен. Итальянца у вели.

Томочка жила в сарае. Днём работала в поле. Кидала солому на стог, кормила живность. Эта работа ей давалась плохо. Потомственная горожанка, она не умела работать в поле. Пробыла она там всего полтора месяца. Война подходила к концу.

Однажды вечером Лина пригласила Томочку к себе. Перекладывая одежду, оставленную мужем после бегства с восточного фронта (её муж дезертировал из германской армии и где-то скрывался), она обнаружила в карманах его шинели письма, написанные кириллицей. Русского языка она не знала и попросила Томочку почитать.

В письмах неизвестная женщина писала её мужу о том, как она его любит, как скучает о нём, как снова хочет быть вместе. Лина пригорюнилась. Оказывается, там, в далёкой России, у мужа была другая женщина и, судя по письмам, даже не одна.

Германию сильно бомбили американцы и англичане. Когда начинался налёт, всё небо от края до края было покрыто бомбардировщиками. Мерно гудя, они шли ровным строем, и когда первые их ряды уже уходили далеко за горизонт, новые всё появлялись и появлялись. И не было этому конца.

Роннебург не бомбили. Здесь нечего было бомбить. Здесь была сельская идиллия. Только однажды по соседству бомбили город Геру, где был какой-то завод. Домочадцы Мюллера перепополнились. Как надо вести себя во время бомбёжки, они не знали. Мюллер приказал всем выйти из дома и «спрятаться» возле коровника. Как будто это могло их спасти, если начнут падать бомбы.

ДОМОЙ!

Роннебург освобождали американцы. Их водители (в основном – негры) носились по городку на своих виллисах и студебеккерах с неимоверной скоростью. Разговаривали они так, что с непривычки ничего невозможно было разобрать, словно во рту у них была белая манная каша.

Двоих американцев зашли к Мюллеру, чтобы что-то попросить. Но сварливый старик поднял крик: «Убирайтесь отсюда, это мой дом!» Лина обомлела от страха. «Что он делает?! – причитала она. – Они же его убьют!» Видно, она знала, что делали в подобных случаях немецкие солдаты. Но американцы не стали стрелять в старика и ушли.

Племянница Мюллера Марта была игривой молодой особой. В свои неполные семнадцать она уже успела нагулять и даже похоронить ребёнка (он умер). Марта была не прочь обратить на себя внимание американских солдат. Однажды она профешировала по городу с маленьким бумажным американским флагом. Удивлённые американцы останавливались, а Марта флиртовала с ними. Но тут появился старик Мюллер. Он загнал Марту в дом и устроил ей выволочку. «Ду фреше каналья!» (ты болтливая каналья) – орал он. Марта стояла, потупив взгляд, ожидая окончания грозы.

Однажды мимо дома Мюллеров куда-то шли два пожилых оstarбайтера. Увидев Томочку, они безошибочно определили в ней свою и позвали: «Эй, дочка, пошли с нами!» Томочка не раздумывая вышла из дома и ушла жить в общежитие, где собирались и другие оstarбайтеры. Теперь они работали у американцев (убирали казармы) и были поставлены на довольствие в полковую кухню.

Американцы кормили своих как на убой. Тарелок у солдат не было. Лёгкие солдатские подносы из тонкой жести были разделены на ячейки, и повара насыпали прямо в ячейки кукурузную кашу (маис), жареную картошку, тушёнку и прочую пищу. Банки со сгущёнкой просто стояли на столах в неограниченном количестве, как перец и соль. Недели за две оstarбайтеры быстро отъелись и даже прибавили в весе.

Вскоре появились представители советской администрации. Остарбайтеры засобирались. Томочка зашла к Мюллерам, чтобы забрать оставленные у них свои вещи.

Лина встретила её строгим вопросом: «Откуда у тебя деньги?» Она рылась в вещах Томочки и обнаружила рейхсмарки, которые им выплачивали за работу на фабрике, но тратить которые было просто некуда. Томочке пришлось объяснять, что она не украла эти деньги, а заработала. Лина поняла, деньги вернула, а вот вещи перебрала и часть оставила себе. Забрала платье и ночную рубашку, подаренные Томочке местной балериной, снимавшей квартиру у Мюллера. Забрала и маленькую пуховую подушечку, на которой Тома спала. Эта подушечка была дорога Томе как память о доме, и она с ней не расставалась всё время своих скитаний. Вскоре объявили, что война закончилась.

Отъезжающим было приказано утром собраться на площади, где их уже ждали грузовики. Впрочем, уезжали не все. Двоих молодых парней сказали: «Мы ещё подумаем, ехать нам или нет». Поговаривали, что с теми, кто работал в Германии, советская власть не церемонится. Их рассматривают чуть ли не как изменников, укреплявших своим трудом фашистский рейх. Большинство не верило в эти рассказы, а зря... (позже очень многие, вернувшись из Германии, попали прямиком в советские лагеря).

Остарбайтеров перевезли в город Хемниц, откуда каждый должен был сам добираться домой, как умел. В Бресте с каждым остарбайтером контрразведка проводила собеседование. По справке, выданной после собеседования, пускали на любой поезд, но без места. Люди ехали в товарных поездах, на крышах вагонов, в угольных ящиках. Ехали голодные и чумазые. Они ехали домой! Они были счастливы!

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

Практически сразу после оккупации Николаева немцы принялись и здесь решать «еврейский вопрос». Большинство наших николаевских евреев уехали из города ещё перед оккупацией. Но некоторые остались... Вот на них-то и отыгрались фашисты. Я иногда задаю себе вопрос: почему эти люди не уехали? Напрашивается несколько ответов:

- не смогли по каким-то причинам;
- не знали, что их ожидает;
- знали, но не верили, что самое плохое, что может быть в цивилизованном XX веке, может произойти.

Юрка был свидетелем такой сцены: соседи, стоявшие у своего двора, обсуждали, где взять продукты (в магазинах было пусто). Один из них, старый еврей, спросил у подошедшего немецкого офицера: «Скажите, когда будут давать сахар?» Немец понял вопрос. Он как-то долго и странно посмотрел на старика и, ничего не ответив, отвернулся и ушёл. Он наверняка знал, какой «сахар» приготовили для евреев оккупанты.

Однажды Томочкина баба Даша видела, как на улице грузились людьми несколько грузовиков. Местные евреи, прихватив пожитки, куда-то собирались ехать. «Куди ж це вас везут?» – спросила она. «Говорят, что работать на виноградниках», – отвечал ей старый еврей. Куда их везли, горожане узнали позже...

Было голодно. Взяв у своего родственника Лаврентия бричку, Антон запряг в неё приблудившуюся лошадь, пойманную старшим сыном Шуркой в тот день, когда армия и часть жителей в панике бежали из города. Прихватив Юрку, Антон отправился по Баштанской дороге в село Гороховку меять припасённый им спирт на сало и хлеб.

Проезжая мимо поворота на Мешковку, они наткнулись на немецкий блок-пост. Здоровенный немец в каске с серповидной металлической бляхой на груди, на которой фосфором было написано «Фельджандамари» (полевая жандармерия), гаркнул на них и показал жезлом, чтобы быстрей проезжали мимо. Там, в стороне от трассы, что-то происходило. Виднелись вырытые рвы, на краю рвов – груды разноцветного тряпья. Вокруг толпились чёрные мундиры эсэсовцев. Как стало известно позже, там расстреливали николаевских евреев.

Через пару днів Юрка видел, как на углу Пушкинської и Большої Морської (как раз через дорогу от нынешней спортшколы по фехтованию) из крытых брезентом немецких грузовиков выгружали и заносили в неприметное одноэтажное угловое здание тугие тюки одежды. Всё, что осталось от людей, ещё недавно мирно живших в нашем городе.

То здание стоит до сих пор. Над ним словно висит проклятие. В нём никто не живёт. Судя по всему, оно принадлежит властям, и те используют его для всяких политических нужд. В последний раз я видел там вывеску «Общественная приёмная» одного из кандидатов на выборах.

Из живших поблизости евреев один только доктор Барг продолжал каждое утро с кожаным саквояжем в руках ходить по Спасской к себе на работу в больницу. Евреи-врачи были оставлены в живых до специального распоряжения. А потом исчез и он...

ОККУПАЦІОННИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Надо было как-то жить.

Антон устроился работать сторожем в лесопилку на Лагерном поле. Старший сын Шурка чистил обувь на углу Советской и Большой Морской. Баба Феня работала по дому и нянчила малолетнего Витьку. Вместе работали на огороде в районе Широкой Балки – сажали картошку и прочие овощи.

Лесопилку, на которой работал Антон, охраняли собаки.

Сердобольный немец – любитель собак – частенько заезжал поиграть с ними. Он дал Антону записку на кухню, чтобы ему на руки выдавали один солдатский обед для собак. Голодный Антон предпочитал отдавать собакам то, что брал с собой на обед из дома, а сам ел предназначавшийся собакам солдатский обед.

Однажды немец приехал, поиграл с собаками, а потом поставил перед ними миску с водой. Голодные собаки пить не хотели.

Немец покосился на Антона и спросил: «Ты собак кормил?» Антон отвёл глаза и промямлил: «Кормил». Немец всё понял. Погрозил ему пальцем и уехал.

Пацаны из центра частенько играли в прятки во дворе краеведческого музея. Там давно уже лежал свергнутый большевиками с постамента огромный бронзовый памятник адмиралу Грейгу. Под бронзовым плащом адмирала было удобно прятаться. Этот памятник был знаком любому николаевцу, он даже вошёл в бытовые поговорки горожан. На человека высокого роста у нас говорили: «Высокий, как Грейг». В своё время это был главный памятник города. Николаевцы знали и любили «Грейга» так же, как одесситы знают и любят своего «Дюка».

Но однажды, когда Юрка с пацанами пришли во двор музея, они увидели, что немецкие солдаты прицепили памятник тросом к бронетранспортёру. Взвев мотор – и бронзовый адмирал, оставляя за собой в земле глубокую борозду, отправился в свой последний путь. Его выволокли из двора музея и утащили в неизвестном направлении.

Куда он делся – до сих пор загадка. Кто-то говорил, что после войны памятник видели лежащим на каботажке у морского порта. Но сказать точно не может никто!

К соседке Надьке К., оказавшейся в оккупации жене советского военного лётчика, частенько приезжал на мощном мотоцикле марки БМВ немецкий солдат Ганс.

На время визита Надька выгоняла во двор своего сына Славку и запирала двери на засов...

Пока суть да дело, дворовые пацаны не теряли времени. Они катали друг друга на мотоцикле Ганса с выключенным мотором. Однажды Ганс пришёл во двор пешком. А Надька отругала пацанов, чтобы больше мотоцикл не трогали. Оказалось, пацаны что-то нарушили в мотоцикле, и он загорелся под Гансом прямо на дороге.

Следует заметить, что Надька была не одна такая. Если мужчины (армия) не уберегли своих женщин и оставили их в оккупированном городе, то эти женщины (как и всё остальное) достались чужой армии со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Потом, после войны, те же мужчины будут обвинять их в сожительстве с оккупантами, обзывать «немецкими подстилками», всячески унижать и даже судить.

Европейцы униждают «немецкую подстилку»

Так, например, Муська Г. после войны отсидела в лагере только за то, что была любовницей румынского коменданта Варваровки и разъезжала с ним на бричке по городу. После войны на неё кто-то донёс.

Жестокое отношение к «немецким подстилкам» после войны было свойственно не только для нашей страны, но и для стран европейских, чему имеются немалые свидетельства и фотографии.

В офицерской столовой на Адмиральской работал соседский парень постарше – Витька Хоменко. Он частенько выносил голодным пацанам хлеб.

Однажды по Юркиному двору прошёл слух – кто-то видел, что Витьку повесили. Немка-фольксдойче по имени Лида, жившая в их дворе, услышала этот разговор мальчишек и сварливо сказала: «И правильно сделали! Вы знаете, чем занимался ваш Витька?! Он в столовой по стоявшему там приёмнику слушал радио Москвы. А потом рассказывал другим, что там передают».

В наши дни Витька со своим другом Шурой Кобером стоят увековеченные в бронзе в сквере у Дома культуры строителей. Пацаны военной поры ничего не знали о том, что их сосед Витька был связным николаевского подполья.

ПОСТОЯЛЬЦЫ-РУМАНЕШТЫ

В течение всей оккупации (без малого 3 года) в квартирах николаевцев жили военнослужащие оккупационных сил. Никто не имел права отказать им в постое. Жителям пришлось потесниться. Во дворе у Томочки жил румынский офицер. Это был холёный и изнеженный мужчина, больше думавший о комфорте, чем о войне. Каждый вечер перед тем, как лечь спать, румын аккуратно убирал волосы под натянутую на голову специальную фиксирующую сеточку, чтобы не испортить прическу. Соседские женщины втихаря посмеивались над таким «воином» и прозвали его «домишара» (по-румынски – девушка).

В этом же дворе у соседки Полины была вкопанная в грунт квартира – землянка. Как-то раз к ней явился румынский солдат и заявил, что теперь он будет здесь жить. В квартире и без того было тесно. Перепуганная тётя Поля сначала растерялась и не знала, что делать. Но потом ей подсказали, что во дворе через дорогу у Гаренничушки живёт на постое немец Карл, и она побежала к нему просить защиты от самоуправства румына.

Карл тут же прибежал во двор, наорал на румына: «Гейн век!» (пошёл вон) – и прогнал его прочь. Румын нехотя собрал свои манатки и ушёл. Перечить немцу он не посмел. Немцы вообще недолюб-

Казарма румунських солдат (старе здання ЖД технікума)

ливали и презирали румунских солдат. Вояки те были никудышные, зато по части мародёрства и грабежа им не было равных. Между прочим, по-румынски слово «война» звучит вполне определённо – «разбой», с чем трудно не согласиться.

Румыны вели себя по-хамски, воровали всё, что плохо лежит. Румынская армия вообще больше напоминала цыганский табор. Никакой механизации, кони, каруцы (повоzки), на ногах вместо сапог – обмотки.

На фоне румын немцы выглядели аккуратными, подтянутыми и даже галантными. Но как только дело доходило до интересов «фатерлянда», они становились безжалостными и жестокими.

Казарма румунских солдат находилась в том самом доме на улице Пушкинской – угол Чигрина (Пограничной), где сейчас находится старый корпус железнодорожного техникума. А свою конюшню румыны устроили прямо в старом здании клуба железнодорожников (до недавнего времени там была расположена детская спортивная школа по боксу).

Румынские солдаты нанесли серьёзный урон парку железнодорожников, вырубив в нём огромное количество деревьев. А ведь до войны это был один из лучших парков города. Вход туда был за небольшую плату, зато парк был отлично ухожен. Тут были прекрасные тенистые аллеи, посыпаные белым речным песком дорожки, огромные клумбы с петуньей и другими садовыми цветами, которые одурманивающе пахли в тёплые летние николаевские вечера. Тут была танцплощадка, крутили кино, были карусели, буфеты, а в лёгком деревянном павильоне – билльярд. Посреди парка был в небо пенистыми струями фонтан, в нём плавали золотые рыбки. И никто не пытался их ловить – строгие садовники внимательно следили за порядком. Глядя сегодня на покрытую унылым асфальтом спортивную площадку железнодорожного техникума (всё, что осталось от парка), в это трудно поверить.

ФИШЕР И ШТЕЙГЕР

В квартире у Антона сначала жили два молодых немца – Ганс Фишер и Адриан Штейгер. Они были водителями грузовиков. Фишер был пижоном и стяжателем, имел два фиброзных чемодана, до отказа набитых добытым на войне баражлом. За глаза Штейгер его осуждал. Показывая Антону на чемоданы Фишера, он с презрением говорил: «Разве это солдат?» – и махал рукой от досады.

Вскоре шофёры уехали в Крым. Их долго не было. Назад вернулся один Штейгер. Он рассказал, что однажды в Крыму Фишер с утра почему-то не находил себе места. Ему было не по себе. Словно

что-то предчувствуя, он тревожно ходил из комнаты в комнату. А днём в дом, где он находился, попала советская авиабомба. Остались два фибровых чемодана...

БОТИНКИ МАЙОРА

Майор из «Орг Тодд» и его денщик квартировали в доме Антона подольше. Утром майор уходил на службу. Денщик оставался дома, приводил в порядок одежду майора, мазал кремом и начищал обувь, потом бегал по городу, совершая необходимые покупки и хлопота о делах. Маленький Витька (младший брат Юрки) всегда с интересом наблюдал, как денщик мажет кремом и начищает обувь майора. Однажды, пока майор был на службе, а денщик бегал по городу, Витька намазал новенькие жёлтые ботинки майора густой чёрной ваксой. Обнаружив это, семья замерла от страха. Все с ужасом ждали, что будет, когда майор вернётся домой...

Вечером майор вернулся. Антон с извиняющимся видом подошёл к нему, показал испорченные новые ботинки и указал на стоящего посреди комнаты виноватого, перепуганного Витьку. Вот, дескать, что вышло...

Майор недоумённо смотрел то на испорченные ботинки, то на Витьку. Наконец, помахав пальцем перед своим носом (надо сказать, что немцы грозят пальцем совершенно не так, как это делаем мы), он с иронией сказал малышу: «Ду большевик, ду партизан!» (ты большевик, ты партизан!) и дал Витьке конфетку «Бон-Бон».

Под новый год майору и его денщику, как и всем немецким военнослужащим, из Германии прислали одинаковые посылки. В небольших картонных коробках находились сделанные руками немецких женщин маленькие игрушечные ёлочки.

Расчувствовавшиеся немцы после ужина перешли в другую комнату, достали бутылочку коньяку и налили себе по напёрсточку. Тут домой пришёл дед Антон. Увидев его, немцы пригласили хозяина квартиры к столу и налили рюмку. «А и где же закуска?» – спросил дед Антон. Немцы переглянулись. Надо сказать, что у них не принято пить до еды. Пьют после. Денщик сходил в соседнюю комнату и принёс Антону кое-что поесть.

ГЕРМАН ГАЙЦ

О следующем постояльце стоит сказать особо.

Герман Гайц был обер-механиком (главным инженером) большого танкового завода в Дрездене. На восточный фронт он попал за «невосторженный» образ мыслей. В Николаеве же он работал простым автослесарем в немецкой автоколонне.

Однажды в Николаев из Германии приехали артисты немецкого варьете. Они колесили по оккупированной территории, выступая перед солдатами для поднятия боевого духа войск. У артистов забарахлил автобус, и они обратились к Герману Гайцу за помощью. Тот тщательно отремонтировал мотор, отрегулировал им мягкое сцепление. За работу артисты решили его отблагодарить.

Они дали Герману два пригласительных билета на свой концерт в помещении нынешнего русского драматического театра: «Для Вас и Вашей фройляйн», – сказали они.

Герман был человек семейный и «фройляйн» (девушку) на фронте себе не завёл. Один билет оказался лишним. Тогда он, желая сделать что-нибудь приятное деду Антону, у которого долго квартировал, взял с собой на концерт Юрку.

На всю жизнь запомнился Юрке этот концерт. По сравнению с нашей эстрадой немецкие артисты вели себя очень раскованно, что было совсем необычно. Зал приветствовал их бурей оваций. Особо бросался в глаза хороший контакт между артистами и зрителями. Поразило Юрку и то, что после концерта немецкие солдаты, как ни в чём не бывало, толпой «подмывали» забор театра совсем близ-

ко от входа, не обращая ни малейшего внимания на выходившую из зала публику.

Надо сказать, что в этом плане поведение немецких солдат вообще сильно отличалось от тех обычных, которые бытовали у нас. Они могли, например, громко выпускать газы в столовой, не обращая внимания на обедавших рядом со служивцев. Так же вели себя и в быту при хозяевах квартиры. Для жителей Николаева это было дико!

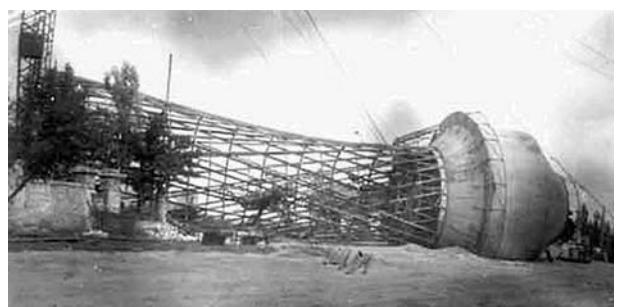
В Германии не принято лузгать семечки, поэтому немцы были несколько удивлены, узнав, что их можно есть. А, распробовав и оценив новый для них продукт, полюбили его и прозвали «руSSIше шоколад».

Однажды в гараж, где работал Герман, пригнали несколько немецких грузовиков с семечками. Вечером, поставив Юрку «на атасе», Герман забрался под тент грузовика и принялся набивать семечками наволочку от подушки. Вдали показался часовой. Завидев его, Юрка, как было договорено, принял свистеть. Но Герман шелестел в кузове бумажными пакетами и сигнала не услышал.

К счастью, часовой не обратил внимания на свистящего пацана и не услышал шуршания пакетов. Герман с Юркой благополучно вернулись домой. Аккуратно упаковав добытые семечки в специально им сшитые для этого мешочки, Герман отправил их своей семье в Германию, снабдив посылку рукописной инструкцией о том, как семечки надо жарить и есть.

Дрезден. Всё что осталось от города

Башня взорвана

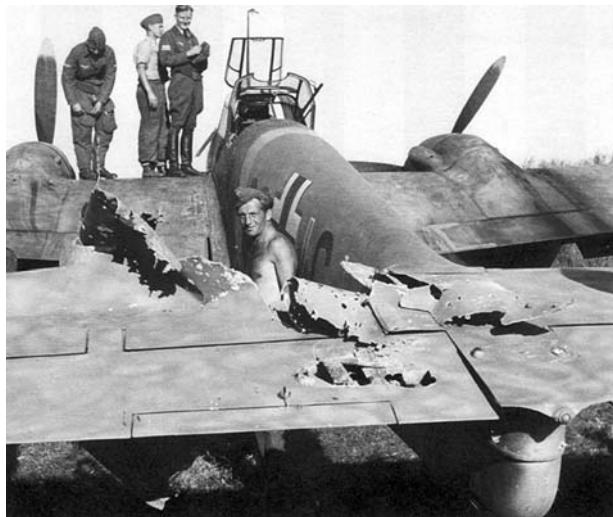

Подъём башни

ПИРОЖКИ ДЛЯ ЛЮФТВАФФЕ

Однажды Герман, знаяший о том, что баба Феня прекрасно готовит, привёл домой двух офицеров Люфтваффе (так назывались у немцев военно-воздушные силы). Один из них, прилично говоривший по-русски, сказал, что завтра у их сослуживца на аэродроме день рождения. Он попросил бабу Феню испечь для этого случая «пирашки» (делая ударение на букву «а»). Спросил, что для этого необходимо. Вскоре его шоффёр привёз все необходимые ингредиенты – муку, масло, яйца и прочее. Ровно столько, сколько было указано, и ни граммом больше.

Me-110 на Николаевском аэродроме
после боевого вылета

Феня была мастерицей по части готовки еды. В молодости она работала прислугой в домах богатых николаевцев и знала множество разных рецептов. Она испекла пирожки – высший класс!

Немцы забрали готовый продукт, расплатились рейхсмарками. А уже через день один из них явился обратно в полном восторге. Он сообщил, что немецкие лётчики разметали пирожки в мгновение ока, а сам он, когда ел пирожки, вспоминал свою маму, свой город, который сейчас далеко-далеко...

После этого была заказана новая партия пирожков.

Однажды из далёкого Дрездена пришло письмо. Прочитав его, Герман поник и расстроился. Под вечер он сел вместе с дедом Антоном за стол. Они крепко выпили, и Герман с болями

рассказал, что жена сообщила ему в письме дурную весть: пока он тут в России на фронте, его дочка в Дрездене отбилась от рук и «шпацирен!» Гуляет с солдатами...

Захмелевший Герман от злости скрежетал зубами и показывал Антону на пальцах, что надо сделать нам всем вместе – одной рукой он брал «за шкирку» воображаемого Гитлера, а другой – нашего Сталина и с силой бил их лбами друг о друга.

Впоследствии их воинскую часть перебросили в другое место, и Герман уехал навсегда. Кто знает, как сложилась судьба этого честного и трудолюбивого немца? Дожил ли он до конца этого развязанного политиками мирового кошмара? Где теперь его дети и внуки? Живы ли они?

Ведь в конце войны американская авиация за одну ночь смела с лица земли его родной Дрезден. В городе не осталось ни одного целого дома. Из горожан выжили очень немногие. Руины Дрездена Юрка видел, уже будучи молодым парнем, когда ездил в Германию по комсомольской путёвке. Даже через много лет после войны руины эти всё ещё не были убраны и в них под обваливающимися стенами то и дело гибли люди.

А у Юрки (теперь уже Юрия Антоновича) в кладовке до сих пор лежит отблескивающий серебристым металлом гаечный ключ. Это всё, что осталось в Николаеве от Германа Гайца.

РАСПЛАТА

Вскоре после войны в январе 1946-го в зале ТЮЗа – Театра юного зрителя (нынешний украинский театр драмы и музыкальной комедии) – состоялся суд над фашистами, которые зверствовали в городе в период оккупации. Советские спецслужбы нашли и задержали их где-то далеко за пределами нашей страны.

В день окончания судебного процесса горожанам приказали явиться на базарную площадь. Было холодно. На перекрёстке Советской и Херсонской были устроены виселицы. Огромная толпа ждала. Люди гроздьями висели, уцепившись за решётчатые трамвайные столбы, заполнили крышу трамвайной подстанции и обувной фабрики.

*В ожидании казни**На крыше обувной фабрики*

И вот на грузовиках с открытым верхом прямо из муздрамтеатра осужденных доставили к виселице.

Справа и слева от каждого из них стояли конвойные. Один из казненных не мог сам стоять на ногах. Его держали под руки. Стоящим на борту фашистам накинули верёвки на шеи. Машины отъехали. Семеро бывших грозных завоевателей остались беспомощно болтаться в петлях.

Потом Юрка видел, как мальчишки постарше взяли длинные палки и толкали ими окоченевшие от холода трупы на виселице. Висельники крутились и раскачивались, ударяясь друг о друга.

Реакция горожан на казнь была неоднозначной. Многие говорили: «Что же это? То фашисты вешали, а теперь и мы туда же?» Чтобы пресечь эти разговоры, вскоре в местной газете появилась статья под заголовком «Так надо». Вот имена казнённых:

Санднер Ганс (1915 г.р., немец, уроженец г. Эссен, член нацистской партии с 1933 г.) – оберштурмфюрер СС, бывший начальник полиции безопасности (СД);

Бютнер Макс Людвиг (1904 г.р., немец, уроженец г. Ашаффенбург, член нацистской партии с 1933 г.) – майор, бывший начальник жандармского управления Николаевской области;

Кандлер Франц (1897 г.р., австриец, уроженец г. Штокерау) – капитан, бывший начальник жандармерии г. Херсона;

Витцлеб Франц (1900 г.р., немец, уроженец деревни Гросрудштадт Веймарского округа, член нацистской партии) – бывший начальник охранной полиции г. Николаева;

Шмале Генрих (1893 г.р., немец, уроженец деревни Генемюнден провинции Ганновер, член нацистской партии с 1937 г.) – бывший заместитель начальника охранной полиции г. Николаева;

Расплата

Берг Роберт (1913 г.р., немец, уроженец села Люнтов округа Волин, Померания) – фельдфебель полевой жандармерии;

Хапп Йоганн (1913 г.р., немец, уроженец деревни Ферде, уезд Ольне, Вестфалия) – обероффрайтор 783 охранного батальона.

«СПАСИБО ТОВАРИЩУ ГИТЛЕРУ ЗА НАШУ СЧАСТЛИВУЮ СТАРОСТЬ»...

Послесловие

После войны Томочка и Юрка прожили большую и в целом вполне счастливую жизнь. Им пришлось пережить голод и нищету, пришлось доучиваться в школе, так как война прервала учёбу. Потом работать, строить развитой социализм.

В начале 50-х они познакомились и полюбили друг друга. Потом расписались (так тогда называлось вступление в брак). Потом появился я.

В их семье, как и во многих других послевоенных парах, жена была по годам старше мужа. Объяснялось это просто. Парни, ровесники Томочки, практически все по молодости и неопытности были убиты на войне. Очень многие женщины её поколения вообще остались в жизни без мужчин.

С ранней молодости и до самой пенсии Тамара и Юра честно отработали на заводе, отдав Стране Советов по 40 лет тяжёлого труда. Они не искали мест «потеплее». И у него, и у неё в трудовой книжке практически всего одна запись. К выходу на пенсию Юрий уже не мог нормально разжать ладони, так как на них были мощные спайки – мозоли. Так сказалась его многолетняя ударная рабочта на трофейном немецком фрезерном станке марки «Фриц Вернер».

Напоследок Страна Советов сыграла с ними злую шутку. Не выдержав груза собственной лжи и бестолковости, страна развалилась, погребя под обломками «развитого социализма» всех, кто его строил.

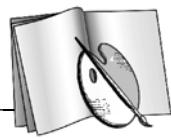
Пенсионеры потеряли сбережения, которые откладывали на старость, остались без средств к существованию.

И тут, как манна небесная, на них обрушились деньги из Германии. Усовестившаяся Германия аккуратно выплатила Украине причитавшиеся марки и евро для оstarбайтеров, тем, кого насильственно эксплуатировал гитлеровский режим. Германские деньги были настолько больше тех, которые выплачивает пенсионерам родное государство, что они горько шутили: «Спасибо товарищу Гитлеру за нашу счастливую старость»...

Однако в стране, где царит беспредел, и эти деньги сберечь оказалось непросто. Первый их транш был полностью разворован одним из украинских банкиров и до оstarбайтеров так и не дошёл. Остальные деньги выплатили. Часть из них Томочка с мужем вовремя успели подарить детям и внукам, вторая же часть пропала впустую. Однажды в их дверь позвонили, и заезжая цыганка попросила напиться воды. А когда дверь открыли, в квартиру к двум беспомощным старикам ввалилась толпа цыган. После того как они «попили воды» и ушли, исчезли деньги и кое-что ещё...

Остались одни воспоминания. Воспоминания не о деньгах. Воспоминания о войне, о нашем старом городе, о том, что пришлось пережить тем из горожан, кто никуда не уехал и выжил в оккупации.

Парамонов Евгений Юрьевич. Родился 29.12.1954 г. в Николаеве. Окончил Николаевский педагогический институт, учитель истории и обществоведения (1979). Работал учителем, заместителем директора по воспитательной работе СШ № 15, инспектором облоно по правовому воспитанию, начальником областной службы по делам детей. В 2011 г. вышел в отставку с государственной службы. Сейчас – старший преподаватель ЧГУ им. Петра Могилы. С начала 80-х годов сотрудничает с николаевскими изданиями: «Ленінське плем'я», «Южная правда», «Вечерний Николаев». Автор ряда публикаций в прессе, автор и ведущий социального проекта «Молодёжная детективная школа».

Маркитан Алексей Витальевич. Родился 18 июня 1959 года в Николаеве. Художник-живописец. Член Национального союза художников Украины (1989). Окончил Одесский государственный педагогический институт, художественно-графический факультет (1982). Персональные выставки: Николаев (1989, 1991, 2000, 2002, 2003, 2006, 2009), Киев (1990, 1995, 1996, 2006, 2013), Одесса (1991, 2000, 2002, 2010), Запорожье (2008), Львов (2010), Днепропетровск (2010), Мюнхен (в рамках программы «Дни Украины в Баварии», 1993), Нью-Йорк (галерея «International shou case», 1993). Участвовал в художественных выставках в Украине, России, Дании, США, Люксембурге, Бельгии, Германии, Кипре, Турции, Канаде. Работы художника находятся: Национальный художественный музей (г. Киев), Национальный художественный музей (г. Одесса), Национальная галерея (г. Львов), Коллекция фонда культуры Украины, Коллекция дирекции Союза художников, Коллекция Градобанка, Коллекция «Совиарт», Сумський художественный музей, Николаевский художественный музей им. Вещагина, частные коллекции многих стран мира.

Алексей ТОРХОВ

БЫТЬ МАРКИТАНОМ

Каждый человек со временем, как фрегат ракушками, обрастает привычками, бытовыми подробностями и сожалениями о многом не сделанном. А ещё – ярлыками, названиями и качественными характеристиками. Как лестными, так и нелестными. В том числе и цеховыми, по принадлежности. Вот только много ли информации несут они человеку непосвящённому? Когда я готовился к встрече с художником Алексеем Маркитаном, прочитал о нём разное... Многие сходятся в том, что это живой классик отечественного живописного постмодернизма. Известный киевский искусствовед Александр Соловьев, один из самых авторитетных кураторов современного искусства в Украине, считает его представителем «украинского трансавангардного необарокко». Николаевский искусствовед Александра Филоненко называет Маркитана мастером «барочно-параноидальной живописной рефлексии и иронии». Многие посетители выставок молча рассматривают его полотна, не в силах составить цельного впечатления, и так же молча уходят, что-то существенно сдвинув внутри себя. А некоторая часть их и вовсе считает: художник попросту «выделывается», дурачит всех в своё удовольствие.

Согласитесь, нам хочется, чтобы о явлении рассказали понятно, на пальцах, по возможности без пугающих и озадачивающих терминов. И если о многоголовом чудовище «постмодернизме» (о коем знают понаслышке или более-менее предметно) ещё можно говорить, загибая пальцы и жестикулируя, – непременно попадёшь в одну или несколько его голов. Но что такое «украинское трансавангардное необарокко» или более того – «барочно-параноидальная живопись»? Вопросы...

Иногда проще посмотреть в глаза человеку, заглянуть в него, как в колодец, отразиться и – помолчать вместе. А потом, если захочешь, спросить о непонятном. Я избрал именно этот вариант – напросился на беседу и спросил его: когда? Он ответил: когда зацветёт черешня. На том и порешили.

Обитель художника, равно как и его мастерская, покорили меня своей непримятельностью, отсутствием самолюбования и непременным творческим беспорядком. А ещё тем, что имел в виду Дипак Чопра, говоря: все творения Господа не завершены. В доме этом можно жить вечно или же, напротив, не жить ни дня. Он сам – творение и, кажется, существует самостоятельно, признавая обитателей не более, как часть игры. Правда, знакомство с домом началось с большого хранящего гвоздя, однако о нём позднее...

Оговорюсь, я не буду упоминать о заслугах Алексея Маркитана, не буду перечислять выставки и проекты, для этого хватит информационной справки. Не стану переписывать свидетельства о нём и его биографии, коих немало в Интернете. Только о том, что простило в ходе беседы, – о человеке (терпеливом, деликатном и неспешном) и его внутреннем мире.

Мы беседовали долго. И несколько раз. За это время весна плавно перешла в лето, а эскиз картины на рабочем мольберте превратился в полноцветное живописное полотно. Мне повезло наблюдать, как «быстро рос этот чужой ребёнок», как первоначальный безымянный замысел – обнажённая нога, выступающая из зарослей тростника, и птичий клин высоко над ней – вырос в законченное произведение и получил название «Летят журавли».

Вот и вышла, с одной стороны, совершенная аллюзия на советский одноимённый фильм, ставший победителем престижного кинофестиваля в 1958 году. Живописная отсылка смачно подчёркнута красной полосой внизу картины, символизирующей ни много ни мало – Каннскую красную дорожку, предварявшую эту победу. Но, с другой стороны, маркитанские журавли летят не над Москвою, а над зарослями тростника, которого полным-полно на родных южнобугских берегах. И судя по движению женской ноги, находящейся в противофазе, – не возвращаются, вовсе наоборот. Такая вот «ретроспектива будущего», отражающаяся в маленьком зеркальце, вписанном в полотно. А ведь, как говорится, не предвещало...

В чём же миссия художника? Заполнить красками именно те места, где твой мир просвечивает сквозь холст. И ждать, пока высохнут эти краски, застыв в адекватную реплику внутреннего мира. Есть в нём что-то от сфинкса: внешне невозмутимый и загадками изводить горазд, правда, безмолвными, в виде картин. Кто же этот человек, постоянно балансирующий между деконструкцией и созиданием? Интересно было услышать от него самого.

Он говорит: я – националист. Но не спешите пугаться. Под этим Маркитан понимает только любовь к своей нации, а не враждебность ко всем другим. Первый яркий урок патриотизма преподал ему дед Митрофан Кузьмич. Когда на его 80-летие собралась многочисленная родня, он взял всех несовершеннолетних мальчиков рода (7–8 человек) и повёз в Чигирин, на свою родину. Там, на хуторе Шаболинка, на Козацкой горе дед вложил в головы внуков самое главное. Алексею тогда было три года от роду, а вот запомнил на всю жизнь – не только жесты деда Митрофана, показывавшего пальцем на самое-самое, но и слова: «Оце ваша церква, тут хрестився весь ваш рід... Оце колодязь, де святили шаблі ваши предки... А ото земля, то ваша земля...» Потом, спустя годы, хутор был затоплен, ушёл под воды созданного Кременчугского водохранилища. Но остался в памяти, как его точка отсчёта – традиций рода, любви к своей земле, своей стране. А традиции эти давние – фамилия Маркитан с 1649 года записана в реестре Чигиринского полка Войска Запорожского...

«Ночной дозор» (2005)

«Сентиментальная лучница» (2008)

Он говорит: я – живописец. Но не профессионал, а любитель. И это невзирая на оконченный художественно-графический факультет и членство в Союзе художников Украины. «Я любитель живописи, владеющий профессиональным мастерством», – примеривает к себе цитату кого-то из «возвращенцев», поясняя: «Я отношусь к живописи как любитель. Вот в николаевском Союзе художников большая масса именно профессионалов. Что им заказали, то они и делают. Я так не работаю. Только то, что мне нравится. Так работает любитель».

Он говорит: я – постмодернист. И вспоминает времена первых живописных выставок, когда не знал даже самого термина «постмодернизм»: «У меня была такая формулировка: есть пейзажисты, которые видят пейзаж и пишут его, а я могу брать живопись прошлых времён и писать её как пейзаж. А это оказалось чистым постмодернизмом. То есть вторую природу, искусственную природу, созданную мной, я воспринимаю так же, как и первичную. Для меня они равны. Поэтому я запросто ввожу в свои работы картины других художников...» Чтобы проверить реакцию, цитирую, как своеобразный тест, миниатюру любимого мыслителя Игоря Юганова: «Некто N. всё ходил, и думал, и рисовал, и думал, и написал картину, и подарил её своему приятелю. А тот проделал в картине дырочку и стал туда глядеть». Спрашиваю: «А вот если бы ты свою картину подарил хорошему знакомому и он повесил бы её в проём окна, пробил в ней дырочку и глядел бы не на картину, а сквозь – на мир. Как бы к этому отнёсся – с обидой или ты бы его понял?» Внутренний постмодернист победил, ответил: «Обида бы появилась в любом случае, но я бы уважал его некий художественный жест. Это можно рассматривать как перформанс или инсталляцию, создание своего произведения искусства, но применяя моё. Картина бы всё равно жила, но не в том качестве, как замышлялась. Это суть постмодернистская игра. Парадокс создания новых правил игры во время игры».

Он говорит: я – агностик. То есть человек, который верит в Бога лишь в рамках допущения возможности его существования и не может быть приверженцем догматических религий (как христианство, иудаизм, ислам), поскольку догматизм этих религий противоречит его убеждению о непознаваемости мира. Но мне видится иное. Слишком бережно выписаны его инобиблейские сюжеты (называемые еретическими). Слишком чутко душа его реагирует «болью не только на чудовищное, но и на прекрасное. И пусть та боль иногда бывает сладкой, она всё одно бередит душу, оголяет нервы и требует выхода, а значит, вынуждает браться за кисть», – говорит искусствовед Олеся Авраменко. Мне показалось, всё это – просто сокровенная область непрограммированного, зона глубокого умолчания на пути к умолканию перед чудом. А значит, ближе ему не агностицизм, а апофатическое богословие с его сумраком «неведения» и конечной целью – оказаться «в этом пресветлом сумраке и посредством невидения и неведения видеть и разуметь то, что выше созерцания и знания, что невозможно ни видеть, ни знать», как утверждает Дионисий Ареопагит в трактате «О мистическом богословии». Этот путь может увести в никуда, но, надеюсь, закончится умолканием – удивлением и изумлением перед чудом. А пока – слово неизбытно носим во рту. Вся разница лишь – как камешек или как леденец. Камешек, скорее всего, выплюнешь, леденец – ни за что. Ведь именно это несказанное и не сказанное самому себе хочется воплотить в зримых бессловесных образах. Должно быть, у Маркитана камушков мало, всё больше леденцы. Потому и молчит подолгу. И неизменно воплощает. Раз за разом.

И вот ёщё. То, о чём он не говорит. («Я – часть династии»). Именно. Покойный отец – народный художник Украины. Жена Елена преподаёт в Николаевской детской художественной школе. Старший сын Виталий работает помощником режиссёра в Николаевском академическом украинском театре драмы и музыкальной комедии. Дочь Александра учится на книжного графика, оканчивает Украинскую академию печати во Львове. И только младший сын Павел занят бизнесом, но поди знай, как могут проявить себя гены.

Тихая уличка в пригороде Николаева. Дом, приютивший чету художников. Здесь он пишет свои «многия печали». В диапазоне между созерцанием и прозрением. Здесь живёт, отдаваясь этому всецело. Но не превращая жизнь в работу. Вот, наверное, главное во всём этом творческом безобразии, как ты его ни назови конкретно.

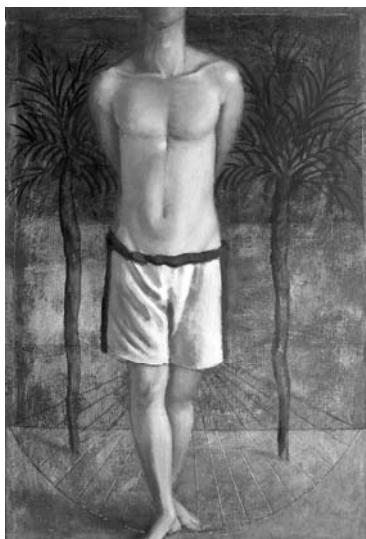

Художник европейского или даже мирового толка с украинским пригородным мышлением. Живущий на стыке – между народно-сельской культурой и городской урбанистической – и обожающий это пограничное состояние. Именно поэтому и не уезжает никуда из родного Октябрьского (как называют местные жители Корабельный район города), несмотря на то, что периодически предлагали, называя разные места, однажды даже – Нью-Йорк. Здесь родился, здесь живёт, путешествуя больше в воображении. А что касается пресловутой всеобъемлющей постмодернистской игры, у меня возникло стойкое ощущение – он, по большому счёту, не играет с жизнью или в жизнь, как многие продвинутые деятели актуального искусства. Он – играет саму жизнь. Как партитуру. Как единственную роль, отпущенную свыше.

Цитируя того же Юганова: «Между человеческим словом и божественным молчанием – океан животного неумения сказать». Именно этот океан всякий раз переплывает Маркитан, как на плоту – на каждой новой картине, оставаясь невидим и невесом. И нет-нет да и касается картины той – то фоном, то густоком, то внутренним свечением – пресветлый сумрак «неведения».

Мы говорили о многом, обнаружив немалуюозвучность и творческую сонаправленность. И на главный вопрос: что будет после постмодернизма? – нашли совместный ответ. Будет – развитие постмодернизма. Или же, говоря по старинке, – постмодернизм с человеческим лицом. С культурно-этическими составляющими веры и религии, как некой светской шкалой морального поведения в обществе.

Мы говорили о многом, жаль, невозможноздесь изложить и половины. О том и о сём. Об аквариумных гуппи, живущих в сточных водах завода «Океан». О норвежской границе и тундре, похожей на нашу степь. О конформизме и тиражировании как видах творческой смерти художника. О картине, попавшей в Британский музей. О том, что так органично разъединяет всех нас, и том, что так непримиримо сводит воедино. И, конечно же, да – я так ничего и не сказал о большом змеящемся гвозде, запирающем границу его жилища. Равно как и о непременной змее, переползающей с одной картины Маркитана на другую, то ли храния, то ли преследуя. И о розовых горах не сказал... Ничего страшного. Если вам интересно, можете спросить его сами. Когда черешня зацветёт в следующий раз. Или же раньше – когда договоритесь.

«Николаевский курс» (2005)

«Сон на закате» (2005)

«Часть произведений Маркитана, связанных с библейскими сюжетами, несмотря на их, в принципе, еретическую трактовку, исполнена и воспринимается чуть ли не настоящими иконами, так сильны в них мотивы страдания, самоотречения, невозмутимости и неожиданного просветления... Есть у художника и другие произведения, которые вроде бы также проникнуты сакральным пиететом и всё же воспринимаются совершенной противоположностью. Дело в том, что подобные картины полны парадоксов и иронии, а также имеют целые «колтуны» запутанных ассоциативных ходов. Эта запутанность и парадоксальность иногда воспринимается как насмешка художника. Вопрос: над кем – самим собой, нами или жизненной ситуацией, в которой все мы оказались?»

Олеся Авраменко, искусствовед

ИЗ БЕСЕДЫ С АЛЕКСЕЕМ МАРКИТАНОМ

– Каждая картина – частица пути, хорошо если восходящего. Часты ли такие состоявшиеся картины, которые тебя полностью устраивают, в которых ты на тот момент смог всё?

– Всякий раз нужно писать картину на пределе своих возможностей и сил. Если этого не делаешь – ты не развиваешься как художник. Ты должен её дорабатывать по максимуму, иначе такую картину надо убирать из своей жизни. А типа «и так пойдёт» – это не фраза. Мне нравится следующий пример. У Ференца Листа есть музыкальный опус, где он на страницах партитуры сделал пометки для исполнителей: на первой странице указано играть «быстро», на второй – «очень быстро», на третьей – «гораздо быстрее», на четвертой – «быстро, как только возможно», и всё-таки на пятой – «ещё быстрее». Этот пример я обычно привожу ученикам, студентам, рассказывая, как нужно работать. Когда у тебя наступает ощущение предела возможностей, но ты должен ещё. Вот это «ещё» – и есть движение в творчестве.

– Ты не любишь пояснять фрагменты бытия, зашифрованные особым способом в живописных картинах, не любишь толковать написанное. Но, в виде исключения, расскажи о картине «Дюшес» (с. 2 обложки журнала). Почему она так называется, кто эти люди?

– Исходное название этой работы другое, глубоко внутреннее – «А дід грушки любив». Это фраза из фильма Довженко «Земля». Там в начале сцена – дедушка умирает, а возле него внуки, такие здоровые хлопцы, стоят; у них достаточно светлые лица, и один другому говорит (немой фильм, титрами одна-единственная фраза): «А дід грушки любив». И улыбаются. Потрясающие кадры. Всё это у меня напрямую связывается с моим дедом. У него во дворе росла огромная груша, и все родственники летом садились под ней трапезничать. Разумеется, для меня данная фраза имеет большое значение... А «Дюшес» – подназвание, внешнее. О самой работе: эти две фигуры внизу, написанные в экспрессивной манере, – Ромул и Рем. Они взяты конкретно из древнеримской бронзовой скульптуры волчицы, вскармливающей младенцев. В воздухе – в целлофановом пакете лежат груши, они в состоянии покоя. Люди тянутся к ним, подставляют руки под эти груши. В оригинал они тянутся к соскам волчицы, к молоку, а для этих желанным объектом являются плоды, лежащие в целлофане. Что выберет зритель: даст им бесконечно висеть или прорваться и упасть, завалить собой? Груши натуралистичные и относительно людей такие большие, тяжёлые... Они то ли раздавят, то ли, наоборот, утягивают и наполняют смыслом эти фигуры. Таково, по сути, философское прочтение данного живописного текста.

– То, что связано с детством, – своеобразная личная коллекция архетипов человека. Наверное, картина «Дюшес» должна для тебя как-то выделяться особо?

– Нет, их довольно много подобных полотен, откликающихся на сокровенное. В принципе, всё творчество выражается только в воспоминаниях детства. По сути, это интерпретации детских эмоций, внутренних символов. Художественное прочтение может быть достаточно сложным для зрителя, а для самого художника всё достаточно просто, поскольку исходит из внутреннего символизма. Ведь всё это создалось в детских первичных ярусных представлениях, которые он получал о мире.

– В одном из интервью на вопрос: *кем бы ты хотел быть в современном искусстве?* – ты ответил: *Маркитаном*. А что это по сути – быть Маркитаном?

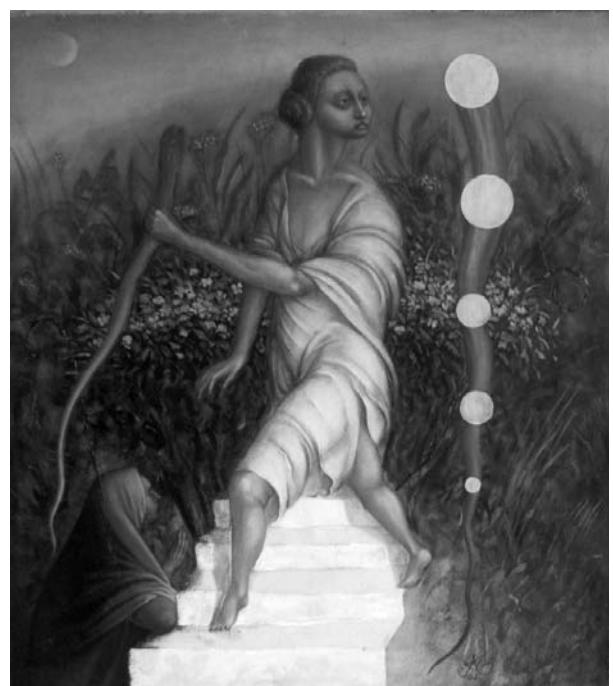
– Быть самим собой. Это для меня тождественно. Потому что современный художник – это и есть стиль. Если раньше были большие стили – романтизм, классицизм и прочие, то сейчас стиль – это сам художник. Он его создаёт и в нём работает. Вот в этом контексте я и ответил.

– А если расширить контекст. Как бы ты себя описал?

– Ну, спокойный такой человек. Нечто среднее между флегматиком и сангвиником. Иногда я почти замираю в некоем малоподвижном состоянии, а потом вдруг начинаю активные действия производить, проекты какие-то делать с бешеною энергетикой. Потом всё бросаю и опять замираю. То есть от всплеска до всплеска. Поэтому часто и делал, таким образом, большие проекты, симпозиумы и привлекал для этого студентов, время от времени. Вот недавно мы делали большой проект для Николаева – «Здравствуй, наив!» В этой выставке участвовало около сорока художников. Нужно было сознаваться, договариваться, сводить воедино, то есть выполнять функции куратора выставки. Это большая работа, отнимающая много сил. После этого я обычно думаю: «Всё! Никогда больше не буду заниматься подобным». А проходит время, опять появляется какая-нибудь идея. И снова делаю проект, тяжёлый, объёмный. Наверное, в этом суть – накапливаю, чтобы снова и снова отдавать.

«Ангел на велосипеде» (2008)

«Садовница» (2005)

Игорь ЕРМОЛАЕВ

УЛЫБАЙТЕСЬ, ГОСПОДА, УЛЫБАЙТЕСЬ!

Театральный дневник

Николаевский академический художественный русский драматический театр подарил любителям сценического искусства в 2013 году восемь новых спектаклей. Это была радостная каждодневная работа горячего цеха культуры. Вспомним ещё раз ушедший театральный год.

15 марта в русском театре состоялась первая премьера года – спектакль «Верная жена» по пьесе С. Моэма. Комедия была создана в 1926 году писателем, известным своим неоднозначным отношением к браку. Как свидетельствовали биографы Моэма, тот был бисексуалом, всю жизнь прожившим с нелюбимой женой, и считал узы любого брака ловушкой, не дающей человеку ни любви, ни свободы. Только такой человек мог написать подобную пьесу, даже несколько «революционную» для своего времени. В начале XX века, конечно, положение женщины в обществе было не настолько свободным, как сегодня.

Чтобы историю аристократов приблизить к сегодняшнему дню, чтобы высокий литературный слог не утомил, а тонкий английский юмор был максимально понятен современному зрителю, постановку «Верной жены» поручили молодому харьковскому режиссёру Антону Меженину, создателю нашумевшего спектакля «Лолита». Следует заметить, что приглашение режиссёров – весьма распространённая практика современной украинской театральной жизни. В условиях сложной экономической ситуации, трудностей организации гастролей она позволяет обмениваться лучшими достижениями сценического искусства.

Сам Моэм считал, что сценический успех пьесы кардинально зависит от исполнительницы главной роли. Виолетта Мамыкина блестяще справилась со своей задачей. Впрочем, каждый участник пьесы органично смотрелся на своём месте. В рецензиях критики отметили Ирину Бенчивенгу (Миссис Калвер), эмоционально сыгранную артисткой Мариной Беловой роль Марты и, конечно, Евгения Олейника, представившего на сцене злополучного мужа-изменника. Это был ансамбль актёров, который заставил публику поверить в сценическую интригу.

Общее мнение театралов – спектакль удался. В такой вроде банальной житейской ситуации, как измена мужа и реакция жены, было так много поучительного. Обычно такие пьесы хочется смотреть ещё

раз. Они близки и понятны любому, кто хоть раз в жизни любил и испытал всю ту палитру эмоций и переживаний, которые неизменно сопровождают отношения между мужчиной и женщиной.

Весна года принесла ещё один долгожданный и вместе с тем неожиданный сценический сюрприз: в репертуаре театра появился «Тот самый Мюнхгаузен» популярного российского писателя и драматурга Григория Горина. Известный всем с детства барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен был реальным человеком. В 18 лет он был корнетом русского (!) кирасирского полка «Бранденбург», выучил русский язык и действительно принимал участие в войне против турок. В жизни прямой и правдивый человек, барон обладал особым свойством: когда он начинал рассказывать, то сочинял, терял голову и сам был убеждён в правдивости всего, что говорит. В современной психологии такое свойство рассказчика называется «синдромом Мюнхгаузена».

Благодаря писателю Эриху Распе, записавшему повествования барона, они дошли до нашего времени, стали основой выдающихся кинолент. Достаточно вспомнить замечательный фильм Марка Захарова по пьесе Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» с несравненным Олегом Янковским!

Мюнхгаузеном живёт счастливо в своём мире, потому что умеет мечтать и любить. Только такие чудаки способны изменить мир. Осмеянные современниками, в будущем они часто признаются гениями... Ведь из всех критиков самый точный, самый непогрешимый – время... Чудаки – дети времени.

Николаевская премьера «Мюнхгаузена» получилась не только занимательной, но и яркой, поучительной. Как и в прошлый театральный сезон, лидерами на сцене были Лидия Гашинская, Василий Остапчук, Альберт Вербец, занятые в ключевых ролях Якобины, Рамкопфа и Пастора.

С каждой новой работой театра всё интереснее и многограннее становится игра Алекса Межурецкого (роль Бургомистра). Успех спектакля обеспечила и молодая талантливая художница Юлия Молчанова, костюмы эпохи Возрождения были изготовлены по её эскизам. С иронией отнесёлся к словам адвоката Рамкопфа, который сообщает суду, что «...подсудимый коварно овладел отпечат-

ками пальцев покойного барона». В XVIII веке дактилоскопической экспертизы ещё не существовало. До её изобретения оставалось более 100 лет! Пьеса насыщена интригами, сатирой, неожиданными поворотами сюжета. И, конечно, уже популярными в народе цитатами. Чего только стоит завершающий спектакль монолог героя: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь! Серьёзное лицо – ещё не признак ума. Самые большие глупости на земле творились именно с этим выражением лица!»

В афише 79-го театрального сезона русского театра среди названий пьес мировой классики заметно выделялся спектакль современной тематики, вызвавший полемику на страницах областной прессы. Я имею в виду пьесу известного одесского драматурга А. Марданя «Аншлаг». Обратившись к реалиям сегодняшнего дня, автор рассказал грустную историю: жертвами новых коммерческих отношений стали артисты, весь театр, испытывающий экономические трудности. Его не спасёт даже состоятельный бизнесмен, давший деньги на ремонт малой сцены. «Театр рассказал историю в чрезвычайных социальных условиях, – пишет рецензент «Южной правды». – Но выстроил ли финал, подвёл ли зрителя к спасительному катарсису?» Спектакль вызвал дискуссию, заставил зрителя размышлять. Присутствие отечественной драмы в репертуаре – это своеобразный тест, насколько вообще интересен, оригинал и актуален наш театр, как он чувствует своё время, свою публику. Без современной драматургической тематики театр превращается в театр-музей.

Особо приятно вспомнить о премьере «Свадебного марша» драматурга В. Азёрникова. Этот зрелищный и добрый спектакль состоялся 30 июня, в день рождения художественного руководителя Русского театра Николая Антоновича Кравченко, заслуженного деятеля искусств Украины и России. В который раз мы сумели убедиться: руководитель театра талантлив и в главной актёрской роли.

В творческой стратегии театра в 2013 году была серьёзно заявлена тема бессмертия подвига народов СССР, защитивших землю от коричневой чумы фашизма. 9 апреля в честь 69-й годовщины Дня Победы состоялась премьера спектакля-концерта «Ты помни!..» по сценарию Марины Васильевой. Самоотверженность и героизм солдат Великой Отечественной не остались забытыми, энергией и силой искусства театр напомнил о подвиге дедов и сделал это так, что у присутствующих в зале наворачивались на глаза слёзы, причём эмоциональное потрясение испытывают не только ветераны, но и редкие сегодня зрители – школьники, студенты... Кстати, пафосный характер спектакля выявил яркие индивидуальности. Оказывается, в труппе театра есть и отличные вокалисты. Концерт памяти был востребован в течение всего года как на базовой сцене, так и на сценических площадках области. Николаевским артистам, облачённым в солдатскую форму, аплодировали в Одессе, Кировограде, Херсоне.

искренностью, сильными чувствами – не удивительно, что она пользуется любовью зрителя.

На николаевской сцене мы смогли увидеть спектакль в режиссёрской трактовке Василия Цимбала. Классический средневековый сюжет постановщик перенёс на более современную почву. Спектакль сохранил черты своей эпохи (заслуга оформителей-художников Надежды Темеровой и Ирины Хайтовой)

и захватывающе раскрыл главную проблематику: мотивы чести, достоинства, верности. Этот успех обеспечили ведущие актеры – мужественный Руслан Коваль в роли Альдемаро и очаровательная Марина Васильева в роли Флорелы. Аплодисменты заслужили все артисты, занятые в постановке. Зрители расходились с улыбками на лицах. На подобные постановки приходишь, чтобы отдохнуть душой, расслабиться и просто получить удовольствие.

Думаю, здесь нет случайности: «Учитель танцев» пришёл к зрителю, когда стало душно, неспокойно, когда с главной площади страны можно услышать призывы к насилию и реваншу. Спектакль появился в самый подходящий и нужный момент, стал «глотком свежего воздуха». Рискну предположить, что общественно-политические обстоятельства существенно влияют на текущий репертуар академического театра. Случайно ли в его афише мелькают жанровые определения: «комическая фантазия», «романтическая комедия», «комедия-сарказм», «мелодраматическая комедия», «комедия для взрослых»? Но кто рискнёт оспорить: без психологической чеховской драмы и современной пьесы русскому театру в Украине не обойтись.

Спектакль появился в самый подходящий и нужный момент, стал «глотком свежего воздуха». Рискну предположить, что общественно-политические обстоятельства существенно влияют на текущий репертуар академического театра. Случайно ли в его афише мелькают жанровые определения: «комическая фантазия», «романтическая комедия», «комедия-сарказм», «мелодраматическая комедия», «комедия для взрослых»? Но кто рискнёт оспорить: без психологической чеховской драмы и современной пьесы русскому театру в Украине не обойтись.

Международный день защиты детей 1 июня театр отметил весёлой сказкой С. Козлова «Трям! Здравствуйте!» Это забавные приключения лесных зверюшек, история дружбы и верности. В Николаевском художественном актёры просто обожают маленьких зрителей, потому что они самые искренние и благодарные ценители искусства. Специально для них в канун Нового года актриса Сталина Лагошняк создала захватывающий спектакль «Белоснежка и семь гномов» (сценарий Льва

Устинова и Олега Табакова). Кто не знает старую сказку про добрую Белоснежку и её завистливую мачеху Королеву, про работающих гномов и благородного Принца... Благодаря фантазии декораторов на сцене вырастал то таинственный лес, то покой злой Королевы, то уютный домик гномов. Сверкала гроза, когда Королева гневалась, а её волшебное зеркало было действительно говорящим и даже немножко страшным – но какая сказка без немножко страшного! Театральные спецэффекты у юных зрителей вызывали восторг! Они общались с актёрами на сцене, громко приветствовали Деда Мороза и Снегурочку, сопереживали бедной Белоснежке и возмущались коварными происками чёрной Королевы! Так в душу маленького человека благодаря искусству входит большой мир взрослых людей. Как важно, чтобы первые театральные уроки малышей были созидательными.

Особого разговора заслуживает уже традиционный для горожан и любимый зрителями театральный фестиваль международного Черноморского клуба «HOMO LUDENS» (Человек играющий). В VII николаевском фестивале приняли участие 22 театральных коллектива из Украины, России, Беларуси, Приднестровья и Молдовы. Театр кукол и русский театр свои спектакли показали вне конкурса. Гостями также стали Театр огня «Вольфрам» (Евпатория) и Студенческий театр Днепропетровского театрально-художественного колледжа. На праздник культуры и искусства Причерноморья приехали 300 участников, актёров, членов жюри, гостей фестиваля.

Уже не первый раз здесь председательствовал В. Неволов, преданный театру человек с длинным списком титульных номинаций: заслуженный деятель искусств Украины, кандидат искусствоведения, одновременно профессор Института экраных искусств им. И. Миколайчука, заведующий лабораторией Украинского Центра культурных исследований Министерства культуры Украины и консультант Комитета по вопросам культуры и духовности Верховной Рады Украины. Получить диплом победителя из его рук особо почтительно. Само присутствие мэтра на николаевском фестивале является свидетельством общественного внимания к региональному театральному движению.

По подсчётам службы организации зрителя, за период проведения фестиваля было продано 3200 билетов, на нём побывали представители всех категорий жителей города. Согласно постановлению Кабинета Министров, незащищённые слои населения могли посетить спектакли бесплатно. Главное – региональный фестиваль международного Черноморского клуба становится площадкой для демонстрации талантов, прекрасной презентацией национальных школ сценического искусства, одновременно его лабораторией и мастер-классом.

На фестивальной тусовке прозвучало сообщение о том, что группа молодых николаевцев стала студентами театрального колледжа, изучаются планы организации театральной специализации в Николаевском филиале Киевского университета культуры и искусств.

Игорь Ермолаев, журналист
Фото автора

Одробинский Юрий Владиславович. Заведующий кафедрой дизайна Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств, доцент, кандидат искусствоведения, doctor of Philosophy (Ph.D), член Национального союза художников Украины, мастер художественной резьбы по дереву и реставрации мебели. Автор 30 научных публикаций, монографии «Скіфо-сарматська кам'яна різьба України» (2010). Участник более 20 всеукраинских, 40 областных и 7 персональных художественных выставок.

Елена ТРИГУБ

ПЛАСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЮРИЯ ОДРОБИНСКОГО

«В последние годы работы Юрия Одробинского становятся художественно более условными. Он чаще использует тонировку, новые пластические, композиционные приёмы, что, возможно, связано со знакомством с каменной скульптурой скифов (отголосок диссертационной темы). Как говорит сам автор, «образность и символичность значительно расширяет возможности для самовыражения и передачи замысла, заставляет зрителя представить реальность через ощущения, сравнения, ассоциативное восприятие».

Сергей Росляков

Лукаво смотрит на зрителя лесовик, окружённый ягодами земляники, дубовыми листьями, грибами («Лесная сказка»). Кажется, лишь минуту назад плескались в Южном Буге эти рыбины, а теперь они в корзине удачливого рыбака («Лиманские карпы»). Старый мореплаватель погрузился в раздумья о море, приложив к уху морскую раковину. Ему видятся очертания парусов, неспокойных волн, якорной цепи («Воспоминания»). Задумчиво играет на свирели пастух-мечтатель из работы «Василий и Василёк». Среди капустных листьев на грядке прячется младенец («Рождение осени»). Сельский колорит проглядывает в «Натюрморте с ветками сосны» и «Поэзии солнца». Автор тонко подмечает особенности природы юга Украины, художественные образы его причерноморцев простодушны и открыты.

А вот работы Одробинского абстрактно-символического характера. Они обращены к истории племён и этносов, населявших наши земли, их верованиям, укладу жизни, представлениям о мироздании (след научной деятельности автора). Его материал – деревянная пластика – отражает внутренний мир художника, его эмоциональную сферу, личные переживания. Ощущение спокойствия и тревоги, гармонии и хаоса, любви и одиночества, греха и раскаяния, восприятие жизни и смерти – всё доступно резцу мастера.

Лейтмотив – образ материнства. Женщина ожидает ребёнка, кормит его, купает, пеленает, поёт колыбельную. Созерцайте «Мадонну с младенцем», «В ожидании чуда», «Мамину колыбельную», «Кормление», «Купание». Произведения этого цикла раскрыты и в сакральной семантике, и в различных жанровых сценах. Вне всякого сомнения: появление сына у Юрия не могло не отразиться на его творческой эволюции.

Мастер резьбы по дереву поражает своей самобытностью. Его деревянная пластика, представленная разнообразием декоративных панно, разительно отличается от традиционных утилитарных изделий декоративно-прикладного искусства. В деревянном зодчестве художника торжествует украинский фольклор, мифы и сказки, образные воплощения мотивов добра и зла, народной мудрости. Естественность материала (дерева) лишь усиливает сопричастность автора к народной культуре.

В последние годы его резные объёмно-пространственные композиции становятся более обобщёнными, чем ранее, ассоциативный ряд более сложным и глубоким. Совершенствуются также приёмы передачи перспективы, добавляется количество планов, многообразие текстуры, фактуры, цвета.

Невозможно пройти мимо произведений Ю. Одробинского исторической направленности. Концептуальное панно «Ора» (2008) отражает славянский миф о сотворении мира. В животворящем пространстве Ора зародилось яйцо-райцо. Из этой сферы – центра композиции – выходят различной формы лучи: треугольники, полукруги. Все элементы орнаментированы солярной, растительной символикой, знаками воды.

В панно «Путь в вечность» художник обращается к теме скифского культа загробной жизни. Масштабно по размеру и семантике монументальное декоративное панно «Киммерийская степь» (2008). Работа разделена на два яруса, декорирована рельефной и контурной резьбой. То ли женщина, то ли языческая богиня расположилась «На волнах судьбы» (2011). Фигура стилизована и орнаментирована. В руках она держит таинственный клубок серебряных нитей – своей доли, всех людских жизней, а может, душу ещё не рожденного ребёнка. Автор вновь погружает нас в поток собственных раздумий. Судьбоносный моток, жизненная энергия и некая управляющая ею сила прослеживается в панно «Трипольская богиня» (2009) и «Лабиринты судьбы» (2011).

Еще один сюжет: в лучезарном своём храме «Мать-Земля» обняла золотой зародыш-желток – душу народа. На этом условном шаре изображён древний орнаментальный мотив, обозначающий засеянное поле – символ плодородия. Образы познания своими условными формами обращают нас к мужскому и женскому началу – «Тайне бытия». В деревянном панно «Открывая душу» человеческая фигура кормит голубей, сквозь неё произрастает цветок и распускается на уровне сердца.

Интересна многоуровневыми ассоциациями работа «В плenу тишины». Абстрактная композиция создаёт ощущение мяты бумаги. Некую вертикальную сущность оплетает, спутывает горизонтальная субстанция. Серия авторских композиций Одробинского выполнена в художественной эстетике модерна. Большой вкус и чувство меры мастер демонстрирует в работах «Тюльпановый сон», «Прикосновение весны», «Чёрный тюльпан», «Осенний коктейль».

Изыщна, немного печальна миниатюра «Девушка с ландышами». Она одета в украинскую сорочку, её волосы развеваются на ветру. Кажется, что нежные колокольчики ландышей издают дивную музыку. Фон деревянного массива работы ажурен, полон множества просветов и завитых плавных линий, это знаки воды – женское начало.

«Мамина колыбельная».
Дерево (липа), резьба (2010)

«Путь в вечность».
Дерево (липа, сосна), резьба,
конструкция (2008)

«В плenу тишины».
Дерево (ольха, сосна), резьба
(2011)

«Мадонна с младенцем».
Дерево (ольха, сосна), резьба,
конструкция (2012)

«Тюльпановый сон».
Дерево (липа), резьба (2006)

«Лабиринты судьбы».
Дерево (липа), резьба (2011)

«Мать-Земля».
Дерево (липа, сосна), резьба,
конструкция (2011)

С годами тематика его работ становится глубже, усложняются художественные образы, ассоциативное мышление, совершенствуется композиционная гармония, формопластика и техника резьбы. Мастер находится в нескончаемом поиске качественно новых смысловых идей и их технологических решений. Меняясь сам, художник меняет мир вокруг себя, познавая эстетические законы, он делится этими знаниями с нами.

И в заключение – резюме. Ю. В. Одробинский ныне кандидат искусствоведения, doctor Philosophy, член Национального союза художников Украины. Он по-прежнему увлечён скифо-сарматской каменной пластикой юга Украины. Завершив аспирантуру Львовской национальной академии искусств, с 2003 г. преподаёт в своей альма-матер – Николаевском филиале Киевского национального университета культуры и искусств. В прошлом году возглавил кафедру дизайна. Педагог и художник с благодарностью и теплотой вспоминает своих наставников – Е. П. Зайцева, О. Б. Рассолова, Н. Е. Гиссу, Ю. А. Макушкина, А. В. Маркитана.

Елена Тригуб,
член Национального союза художников Украины

Сергей ПИСКУРЁВ

«TERRA POLONICA» ЭМИЛЯ ЯНВАРЁВА

Эпистолярный жанр умер. Увы, никто уж не напишет шедевра, подобного письмам А. П. Чехова. Значит, эпистолярный жанр исчерпал себя? Никогда! Казалось бы, современные средства коммуникации (в первую очередь, компьютерные) предоставили нашему духу возможности неограниченные... Возможности возможностями, да дух наш, поди, измельчал. Измельчал до того, что вседоступность общения обернулась вседозволенностью. Кроме неумной косноязычной агрессии, чаще, откровенной браны на сетевых «форумах» да в «контактах», нечего почерпнуть. И в новейшие времена люди продолжают болеть средневековым страхом быть неуслышанными, незамеченными, неоценёнными, тем комплексом неполноценности, суть которого гений Н. В. Гоголя вложил в уста бессмертного героя: «Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский...»

Человеку свойственно обращаться не «по адресу». Не к реальному, близкому по духу, ближнему, а к некоему безадресному «общественному мнению», которое всегда равнодушно, которое – виртуально.

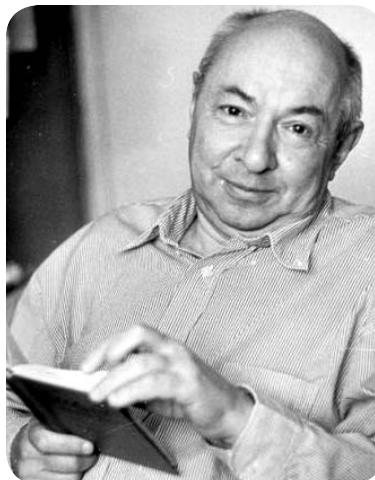
К сожалению, умная переписка умных людей уходит из нашего быта и бытия. Она становится достоянием библиотек и музеев. В лучшем случае. После кончины поэта Э. И. Январёва (1931–2005) часть его рукописного наследия поступила в Николаевский краеведческий музей, в том числе многочисленные эпистолярии. Корреспондентами поэта были Марк Лисянский и Леонид Вышеславский, Александр Сизоненко и молодой Дмитро Креминь. Среди обширной переписки обнаружился интересный эпизод, о котором, думаю, читатели не знают. Эпизод этот – заочная многолетняя дружба Январёва с московским «шестидесятником», замечательным поэтом и литературоведом Владимиром Александровичем Приходько. Именно Приходько «сосватал» Январёва с польской темой, «роман» с которой у николаевского поэта хоть и имел продолжение (Эмиль Израилевич переводился, был издан в нескольких польских антологиях), но, по моему мнению, всё-таки так и не состоялся.

Одессит по рождению, львовянин по образованию, В. А. Приходько был из той породы русских интеллигентов, которые по-рыцарски служили Слову, служили Книге. До конца. Декабрьской московской ночью 2001 г. он так и умер – дописал статью, в буквальном смысле поставил точку и... умер.

Все мы родом из детства. Свой путь Володя Лейн, младший ровесник николаевца Мили Штемберга, выбрал ещё в шестилетнем возрасте. Вот строки его детского неотправленного письма из далёкой курганской эвакуации 1941 г. Строки к неведомым московским писателям: «Дорогие писатели! У меня пропала в гор. Львов очень хорошая книга. Ну так... Не пропала, а мы её не взяли, пото-

Эмиль Январёв

Владимир Приходько

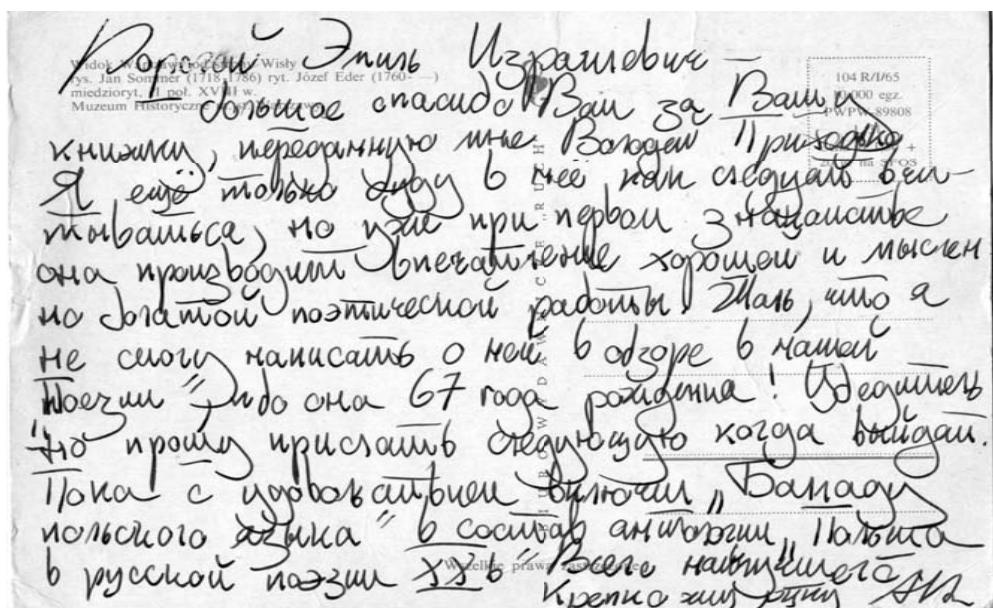

Анджей Дравич

му что она была очень тяжёлая и толстая. Она называлась «Что я видел». А написал её Борис Житков. Эта книга очень хорошая. Мне шесть лет и четыре месяца. Я уже очень большой. До свидания. Целую. Конец. Письмо из Кургана».

«Пиршеством духа» можно назвать письма В. А. Приходько к Э. И. Январёву.

В архиве Эмиля Израилевича сохранились два бесценных документа – скромные почтовые открытки от Анджея Дравича. Человека, без сомнения, определившего духовный облик современной Польши. Потомственный варшавянин, сын расстрелянного в Катыни офицера, А. Дравич стал одним из символов неофициальной и неподцензурной польской культуры 1970–1980 годов. До самой кончины он оставался ярчайшим представителем польской интеллигенции. Будучи ярым «антисоветчиком», борцом против тоталитаризма, одним из духовных лидеров польской «Солидар-

ности», Дравич оставался энтузиастом и пропагандистом... русской литературы. Преподавал российскую словесность в университетах Кёльна и Krakова. Анна Ахматова, Надежда Мандельштам, Елена Булгакова, Юрий Трифонов, Андрей Синявский, Владимир Максимов, Венедикт Ерофеев, Наталья Горбаневская, Иосиф Бродский – вот неполный список его друзей. В переводах Дравича поляки читают Мейерхольда, Булгакова и Платонова, Окуджаву и Василя Быкова, Авторханова и Бродского, «Верного Руслана» и «Москва – Петушки». А также Эмиля Январёва. «Я хотел открыть другую Россию», – говорил польский диссидент. Верно, что-то «другое» он разглядел и в нашем земляке. То, чего, по-видимому, не заметил в себе сам «подлинник».

Земной встречи трёх интеллигентов – польского, русского, еврейского – так и не состоялось. В 1997 г. не стало Анджея Дравича, Владимира Приходько – в 2001, Эмиля Январёва – в 2005. Перефразируя ностальгический выдох из «Слова о полку Игореве» – «О, Русская земля, ты уже за холмом...», так и хочется воскликнуть: «О, польская земля, ты уже за Хелмом!» Эта ностальгия всегда присутствует в любой восточнославянской душе. Душе страждущей. По тому, что так близко и кровно, понятно по речи, духу, но так недостижимо. Это ностальгия по несбыточному – по культуре свободолюбия, культуре католицизма и европейскости, шляхетности и либерализма. Для русских, украинцев, белорусов у национальной ностальгии этой есть имя – Польска. Terra polonica.

Мемориальная доска

Уважаемый Эмиль Израилевич!

Я составляю антологию «Польша в русской поэзии. XX век». Мне понравилось Ваше стихотворение «Баллада польского языка». Может быть, у Вас есть ещё стихи о Польше, поляках, польском искусстве и т. п.? Тогда вышлите их. Были ли Вы в Польше? Когда? Вот, пожалуй, всё. Предполагается, что эта книга должна выйти в 1969 году, к юбилею новой Польши. Но ответить следует сразу – в конце года я уже сдаю рукопись.

С пожеланием успехов и октябрьскими поздравлениями Вл. Приходько.

19 ноября 1967 г.

Милый Эмиль!

Благодарю Вас за стихи и отзыв о моей книге. Мне все присланные стихи понравились.

Постараюсь всё использовать в книге. Пока обещать это более точно рано, так как не собран весь материал и поэтому не ясна архитектоника. Сборник ведь начинается с 1901 (условно) года, т. е. с начала века.

Пока не могу Вам сообщить что-либо об издательстве, так как решение секретариата по книге пока не принято, но уже обещано мне. Книга, по-видимому, если всё будет в порядке, выйдет к 25-летию народной Польши в изд. «Худ. лит». А надеюсь, и в Польше! Пока – всё. Речь идёт о 1969 году.

Если Вы помните у кого-то из поэтов (Вы, по-видимому, знаток поэзии) стихи о Польше, напишите мне. Публиковались ли присланные стихи? Если напечатаете их, то напишите мне – где и когда: в сборнике будет обширный библиографический материал – для поляков. Может быть, я буду публиковать в будущем страницы из книги. Ваше взволнованное стихотворение о Корчаке предложу «Вожатому», м.б. он напечатает, хотя есть осложняющие обстоятельства, известные Вам, как и мне. Если позволите, стихотворение «Не в салонах Мицкевич» я бы назвал «Пушкин и Мицкевич». Мне не совсем ясен эпитет «охраняемых». Это значит – охраняемых?

Почему бы Вам не поехать в Польшу по приглашению Вашего товарища? Это сейчас очень просто. Если соберётесь, напишите мне: в Кракове у меня товарищи, которые Вам помогут во всём. Ещё раз благодарю Вас. Вл. Приходько.

5 декабря 1967 г.

Милый Эмиль!

Благодарю Вас за доброе письмо. Прочтайте у Брюсова стихи «Польша есть» (1915), «Польше» (1914), «В Варшаве» (1914), 3 главу «Возмездия» Блока, у Пастернака «Трава и камни» (1956), у Липкина «На Тянь-Шане» (1948), «Апрель» (1937). У Слуцкого «Покуда над стихами плачут...»; у Булата есть ненапечатанное стихотворение «Путешествие в дрожках поочной Варшаве»; у Антокольского много стихов о Польше – «Самозванец» (1934), «Лагерь уничтожения» (1944). Прочтите в сборнике Ник. Ушакова «Летопись» (Киев, 1944) стихотворение «Zofia» – это замечательные стихи, которые, к сожалению, вряд ли сейчас пойдут. Польская тема очень обширна. Но есть стихи «антитпольские» – у Кедрина «Песня про пана», «Стася». Их нет смысла включать. Под вопросом Маяковский, как всегда, сочинивший безвкусные стихи невпопад, – с мыслью о поглощении Польши Россией – весьма актуально, не так ли?

Из перечисленных Вами стихов я не знал стихотворения Светлова, слабое, но любопытное для характеристики тех лет. Попадётся что-нибудь интересное, сообщайте.

Всего доброго! Вл. Приходько.

19 июня 1971 г.

Дорогой Эмиль, дело с польской антологией сдвинулось с мёртвой точки. Как говорится – не прошло и десяти лет... В августе она уходит в набор в издательстве «Искры» в Варшаве – на двух языках. Ваши стихи вошли в книгу.

У редактора книги – Анджея Дравича – большого знатока русской поэзии – нет Вашей книги «Переправы». А у меня нет Ваших книг, которые вышли – как я надеюсь – после «Переправы». Укажите их или пришлите. Анджей Дравич был бы рад получить от Вас сборник. Пошлите ему. Ваши стихи уже переведены на польский: поздравляю Вас. Жду письма. Ваш Вл. Приходько.

19 января 1972 г.

Дорогой Эмиль, спасибо огромное за письмо, за добрые слова и – конечно – за стихи. Вы меня очень тронули своим посвящением, хотя я и не знаю ещё этих стихов. Буду чрезвычайно благодарен, если пришлётте. (Имеется ввиду стихотворение Январёва «Баллада польского кино» с посвящением В. Приходько. – С. П.).

Увы, всё не так скоро. Книга наша выходит на двух языках – русском и польском – и это осложняет её издание. По моим сведениям, она ещё в набор не сдана. Если всё будет хорошо, то я надеюсь получить её корректуру поздней весной или даже летом, не раньше. Что касается выхода книги, опять же по всем признакам, если всё будет благополучно, выйдет она в начале будущего года, 1973-го. Будет ли книга пресколько продаваться на улице Горького, не знаю. Думаю, она разлетится быстро. Но – не теряем надежды, что и нам, как принимавшим в ней горячее участие, что-нибудь перепадёт.

Мы тут с Марком Лисянским вспоминали Ваши талантливые книги добрым словом. Марк написал статью против Сергея Островского и там цитировал Ваши стихи об инвалиде, но это не прошло, так как здесь усмотрели противопоставление «маститого» поэта (Островского) не маститому (Январёву). Ну да это не так важно. Не сочиняете ли Вы для детей? Если да, пришлите поглядеть. Ваш Вл. Приходько.

Как хочется побывать в этом Вашем солнечном Николаеве! Я там был в 1953 году, как это памятно, какой лиман, яхты, тёплая чистая вода...

16 февраля 1972 г.

Дорогой Эмиль, по-моему, у Вас готовая книга стихов о Польше. Это здорово. Зато издать такую книгу нелегко: какой пробивной силой надо обладать!

Спасибо за стихи, посвящённые мне: в них много доброго, любовник не тщеславный, я нечто в них нашёл мечтою свою равной.

Критиковать их мне, как лицу заинтересованному, не полагается... к тому же я отношусь к Вам восторженно! А Вы сами в конце концов найдёте, что Вас в них смущает.

Не собираетесь ли Вы, Эмиль, в Москву? Буду рад пожать Вам руку. Приходите в гости. А как мне хочется в Николаев, ни в сказке сказать, ни первом описать. Пишите, пожалуйста. Ваши письма очень хорошие, и их ужасно приятно получать. Что думает Самойлов, я не знаю, так как с ним не близок. Норвид по-украински – это здорово. Вообще, это очень трудный поэт, для перевода почти невозможный, но – судя по Вашему письму – Вы его читали в подлиннике и знаете. Славное дело – читать по-украински, и по-польски, и по-русски... Я люблю украинский язык, особенно Шевченко, Франко и Тычину. И раннего Рыльского («Ты випив самогону з кварти і біля діжки в бруді стиш, а там десь голуби, мансарди, поети, сонце і Париж!»). Пишу по памяти, наверно, не очень грамотно – забыл писать по-украински. Польский язык из меня немного выбил украинский. Хочу заговорить по-украински. А лезет польский... Мы его изучаем с восемилетним сыном Антошкой по стихам Тувима, Бжесхвы (это который из Жмеринки!) и Анны Каменской. Обнимаю Вас. Ваш Вл. Приходько.

P.S. А поляки выпустили 2-томную антологию новейшей русской поэзии – страниц 500 в 1 томе и 600 с чем-нибудь во втором: и Анненский, и Ахматова, и Мандельштам, и новейшие... Но до нас ещё не дошло. А может, глядишь, и дойдёт, а? Желаю лучших успехов!

6 ноября 1973 г.

Дорогой Эмиль, это просто чудеса, я написал Вам письмо, а тут от Вас открытка. Письмо приходится переписывать. Но это работа приятная.

Спасибо Вам за поздравления. Поздравляю и Вас с выходом Ваших стихотворений в моей польской антологии. И с праздником, конечно, тоже. Жить трудно, и я от души желаю Вам лучшей удачи! Выход антологии – большая радость для меня. Получилась она чрезвычайно славной, милой, красивой.

Однако есть и огорчения. Все они касаются не польской, а нашей стороны. Во-первых, «Межкнига», кажется (так считают в московском магазине «Дружбы»), откажется заказать книгу для советских читателей. К чему их баловать! Ведь, не купили же у чехов письма Цветаевой к Тесковой, вышедшие в Праге по-русски. А здесь по-русски Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Ходасевич, Бальмонт, Волошин, Пастернак, Сологуб, Бунин. Хорош букетик? Так что увы и ах.

Во-вторых, я не могу прислать Вам антологию, потому что её у меня нет. Мне послали две бандероли по несколько экземпляров в каждой месяц назад, но они до меня не дошли. Концы найти невозможно. То ли по идиотизму деревенской жизни, то ли по вышеупомянутым причинам. То ли кому-то понравились книги. То ли марочки хороши были на конвертах.

Попробуйте, Эмиль, достать книгу по своим каналам: позвоните друзьям в Польшу, если они имеются, пусть Вам вышлют. То, что книги не дошли, противоречит тому, что Окуджава получил по почте книгу от своего переводчика. Да и мне пришли три экземпляра из издательства. А вот две бандероли не дошли. Мне ежедневно звонят Мартынов, просит книгу. Об остальных уже и не говорю. Вырезка из «Жичя» у меня есть: я ведь был в Польше в июне. Сейчас в Союзе Дравич, он уехал в Среднюю Азию.

Я думаю о Вас, Эмиль, но Вы всё же постарайтесь достать книгу по собственным каналам. Напишите. Ваш Вл. Приходько.

2 марта 1974 г.

Милый Эмиль, спасибо за письмо. Мне тоже жаль, что в книжке нет Вознесенского. Дело в том, что все его польские стихи связаны с его любовной историей. Героиня истории смылась из Польши и работает на радиостанции «Свободная Европа» и всех своих бывших друзей и коллег оплётывает грязью. Вот в чём всё дело. Пока это свежо и Вознесенскому просто не повезло. С Ушаковым тоже политическая сложность. У него очень хорошее польское стихотворение. Но в нём «синагоги Львова», «полька иудейского закона». И Львов, и синагоги! Не включили.

А всех остальных не жалко. Я бы хотел в новое издание включить только Северянина и Хлебникова, да ещё одно новое стихотворение Стасика Куняева «Варшавское восстание». Лучше тоньше, да лучше. Хорошо бы, конечно, и 19 век, но это уже другая книга.

В «Дружбе» антологии не было. Даже авторские мои не пришли. Книга целиком распродана. В этом году (в конце) будто бы будет новое издание, но точно ничего не известно.

Судя по Вашей оценке моего предисловия, Вы большой полонофил, хотя в Польше, насколько мне известно, никогда не были. Боюсь, что Польша Вас разочарует, как действительность разочаровывает романтиков. Надо бы Вам обязательно съездить. Обратитесь в иностранную комиссию СП СССР с письмом, что хотели бы поехать в Польшу в командировку по творческим делам, обоснуйте это дело с разных сторон. Может, выйдет. А я собираюсь в этом году (если пустят!) поехать по частному приглашению Анны Каменской вместе со своим 11-летним сыном – Антоном.

Я купил Осипа Мандельштама за 30 рублей, но на чёрном рынке он стоит дороже. А Булгакова не купил. Не прозевайте книжку Зощенко, если любите его. И обязательно купите или прочтите книгу Марка Блока «Апология истории», если ещё не купили и не прочли.

Я надеюсь, что Вы, если приедете в Москву, позвоните мне и зайдёте. Я буду рад познакомиться с Вами. Судя по всему, Вы не только хороший, настоящий поэт, но и милый, славный человек! Желаю Вам удачи! Ваш Вл. Приходько.

10 декабря 1974 г.

Дорогой Эмиль, Вы растрогали меня своим добрым письмом. Благодарю Вас за все Ваши слова, несомненно, преувеличенные. Ваше письмо одновременно огорчило меня: Вы были в Москве и не позвонили, не зашли! Представьте себе, что я приехал в Николаев и «не успел» с Вами встретиться. Вам было бы обидно!

Как Вы легко пишете: «Вы, небось, уже достали». Представьте себе, не достал! Даже не видел. Мне жаловался Семён Липкин – он – член комиссии по литературному наследству Ахматовой. Пришёл в Лавку в тот день, когда там продавалось 120 (так говорят) экземпляров книги. Не дали – уже кончилась. А я пришёл ещё позже. Не досталось и Марии Петровых – она тоже из той комиссии... Такова столичная жизнь, которую Вы, как видно, не знаете с этой стороны. И Блока мне, между прочим, купила мама во Львове – в Москве его купить было нельзя. Так что если у Вас есть возможность купить (или, как говорят, достать) ещё один великолепный том Анны Ахматовой, достаньте на мою долю. Мандельштама я купил у стекулянта!

Ещё раз большое спасибо Вам за добрые слова. Я много похвал получил, напечатав статью в «Лит. Газете» (все читают!), но Ваша – самая приятная. Ваш Вл. Приходько.

16 июля 1975 г.

Дорогой Эмиль, огромное спасибо за трогательный и прекрасный подарок. Я купил Вашу книгу за два дня до того, как пришла бандероль от Вас, и уже собирался написать... Я прочёл Вашу книгу с большим удовольствием, рад Вашему посвящению, польщён и горжусь, что Вы ко мне так хорошо относитесь. Мне кажется, я не заслужил этого.

Книжка Ваша заметно выделяется на фоне последних поэтических сборников своей резкостью, серьёзностью, зрелым, точным мастерством и искренностью, достоверностью переживания. Я люблю Ваши стихи за то, что в них запечатлелось много жизни, за смелость. Чем дальше Вы уйдёте от своих поэтических учителей – Сельвинского и Слуцкого – тем больше выиграет Ваша поэзия.

Ещё раз большое спасибо. Как бы нам познакомиться лично? Мне кажется, мы бы хорошо поняли друг друга и не разочаровались бы друг в друге. Вот бы приехать в Ваш солнечный жаркий город, поплавать по Лиману на швертботе... Приезжайте в Москву и звоните... Не были ли Вы в Польше, Эмиль? Пошли книжку Дравичу. Ваш Владимир Приходько.

8 декабря 1977 г.

Дорогой Эмиль, спасибо за радостное, доброе, счастливое письмо. Как хорошо, что Вы умеете писать такие письма. Книжку, про которую Вы с восхищением пишете, я не видел. Откуда Вы её получили? Нельзя ли и мне?

Я видел только «Ksiegi przyjaciol», изданную «ПИВом», польский вариант нашей «книги друзей», довольно официальной, неинтересной. Напишите, пожалуйста, кто издал книгу и откуда её присылают.

Какая бы ни была официальная книга, моя антология лучше. Недаром сам тов. Светлов из ЦК КПСС (партийный функционер, не путать с покойным к тому времени поэтом М. Светловым. – С. П.), занимающийся Польшей, говорил, что надо встретиться с «этим Приходько» и «серъёзно поговорить» с ним. Недаром её запретили купить и продавать советским книжным «Дружбам». Милый Эмиль, шлю Вам поздравления с наступающим Новым годом! Ваш Владимир Приходько.

27 февраля 1984 г.

Дорогой Эмиль, спасибо за письмо, как всегда, прекрасное. С удовольствием отвечаю. Задержка объясняется моей дьявольской занятостью: я накануне сдачи книги о поэзии – не знаю, пойдёт ли она, но договор есть. В неё войдут, правда, в переработанном виде, мои предисловия, включая Некрасова и Державина.

Обратите внимание: в моём томике около 30-ти стихотворений, которых нет в «Большой серии». Я имею в виду Случевского. Это отличные стихи. Вы, наверно, читаете их в первый раз. Включая стихи на смерть Скобелева. Вы, наверно, знаете, как он умер: его, по его просьбе, проститутки привязали к кровати и били ремнём, чтобы вызвать эрекцию члена. Увы, произошло другое... (Обстоятельства кончины М. Д. Скобелева не выяснены до сих пор. – **С. П.**)

Я не согласен с эпитетом «трагической» по отношению к судьбе Случевского, я бы сказал мягче: драматической.

О «Просвещении». Я, конечно, издался бы где угодно, но почему в «Просвещении»? Мои статьи вернее было бы предложить «Советскому писателю», да не решаюсь – никаких связей с Крит. ред. Политиздатовская книжка сильно попорчена. Родная мама (т.е. я) не узнала. Но выбора не было... Мой сын учится в институте на 4 курсе МАИ. Математик. А дочка в 4 классе. Обнимаю сердечно. Ваш Вл. Приходько.

18 сентября 1984 г.

Дорогой Эмиль! Отвечаю Вам теперь уже на два письма. Большое спасибо за добрые слова. Вы уже второй, кто меня похвалил за Державина. Меня очень похвалил Межиров: он мне помогал и в процессе работы, вычеркнул из статьи некоторые глупости и пошлисти. Он считает, что мой состав удачный, что это первый избранный Державин. Я сам вижу просчёты в составе, главным образом из-за места. В последний момент, уже в вёрстке, я сокращал (чтобы не выбрасывать невыбрасываемые стихи) «Царь-девицу» – она не лезла в 10 листов. А сейчас стало строго: ни странички большие. После того, как выбросил, примечание к «Целению Саула» стало звучать глупо: сам против произвольных сокращений и сам же сокращает.

Больше меня никто не хвалил. Боюсь, не стали бы бранить за всю тему «поэт и государство», звучащую весьма антишовинистически (даже Пушкина с его «Клеветниками России» приложил за «патриотический инстинкт»).

Что мне дорого в статье? Попытка «концепции». До сих пор то, что я в применении к Державину называю концепцией, существовало как-то невнятно, нецельно. Не знаю даже, существовало ли вообще. Никто не сказал, что «Званка» – это первая в русской поэзии «башня из слоновой кости». Как это прошло, сам удивляюсь. Я отталкивался в своих раздумиях о Державине от работы Ходасевича – не знаю, знакомы ли Вы с ней?

В примечаниях к ст. «Цепочка» должно быть имя Ходасевича, речь идёт о его книге «Европейская ночь», цитируются его строки. Но его фамилия в массовых изданиях снимается цензурой (её сняла у меня цензура в предисловии к Баратынскому).

За что Вы хвалите мои примечания, я, конечно, не совсем понимаю. Они очень робкие. Я это не умею делать. Я не профессионал.

Моё предисловие подверглось некоторому сокращению. Сокращён мотив связи пушкинского «гения и злодейства» с Державиным. Дело в том, что я полагаю следующее: тема эта та же, что и в записи из «Истории Пугачёва»: Державин повесил двоих зачинщиков бунта в деревне под Саратовом «из поэтического любопытства», т.е. из-за того же, из-за чего Микель Анджело распял живого человека.

Все стали такими моральными, что бумага этого не выдерживает. Всё же из моего текста можно понять, что молодой Державин позлодействовал вовсю. Не думайте, что я его за это осуждаю, я только историк, а вовсе не моралист. Сокращена тема «не ранней» любви Державина: она была более обширна. Показалось, что слишком фривольно.

Ну, хватит о Державине. Видимо, что всё-таки массовый читатель (100 000) не сможет его учитывать. Я огорчён, что Вам не понравилась книга Рейна: по-моему, она очень живая. То, что она прорецензирована Евтушенко, говорит о её успехе в литературных и окололитературных кругах. Я этот успех предсказал ещё весной. Рейн находится в состоянии эйфории. Что касается Сухарева, я его очень люблю, но разве можно читать его стихи вроде «К поэту С питаю интерес» (это о

Служком)? Игра, к тому же неорганичная, чисто рассудочная. Всё равно, что «сауна» и «фауна» у Булата Окуджавы.

При всей моей любви к Вам, Эмиль, я не могу пообещать Вам рецензию сейчас. Но впринципе я когда-нибудь о Вас напишу. Рецензия на Вашу книжку сейчас заняла бы у меня месяц. Этого месяца нет.

По-разному можно посмотреть, Эмиль, на Ваши трудности. Дорого бы я дал, чтобы сейчас де- журить у постели 86-летнего отца. В 1942 году я писал отцу на фронт: «Папочка, а почему вербочки так рано делается беленькими пушками? Я принёс их в комнату. Папочка, а ты скоро побьёшь немцов-фашистов и приедешь к нам?» Это письмо не было послано, так как в это время моего отца уже не было на свете.

Не обижайтесь на меня. Желаю Вам самой лучшей удачи! Ваш Владимир Приходько.

P. S. Значит, у Вас нет моего Некрасова? Как бы мне хотелось, чтобы Вы его прочитали. Да вот беда: его нет и у меня.

13 февраля 1990 г.

Дорогой Эмиль! Опасно в наши дни называть книжку стихов «Новый адрес» – открывая ее с разнообразными мыслями, относящимися скорее к истории, чем к поэзии, скорее, к «зачинающемуся русскому бреду», чем к волшебству слова. Мне сегодня снился тяжёлый сон: я с женой в эмиграции в Америке. Тоже новый адрес. Мыкаемся, куда-то тыкаемся... Неприкаянные... Эмиль, почему Вы могли подумать, что я Вас забыл. Это невозможно! Ваша книжка чудесная, живая, свежая. Как всегда. Грустноватая, боевитая – одновременно. Теперь я про Вас знаю: и что «Южную правду» читаете (хорошее название), и что любимая дочка в Киеве учится... Всё-таки хорошо бы нам и познакомиться лично. Вы же бываете в Москве? Приходите. Обнимаю. Ваш Владимир Приходько.

Сергей Евгеньевич Пискурёв. Поэт, переводчик, драматург, театральный критик. Старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея, автор публицистических очерков, поэтических книг «Франсуа Вийон и другие неудачники» (1999), «В ожидании лифта» (2003), «Походный алтарь» (2009). Член нескольких творческих союзов Украины и России.

ПРОДОЛЖИТЬ ТРАДИЦИЮ ИЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

**На вопросы редакции журнала отвечает
директор издательства П. Н. Шамрай**

Павел Николаевич Шамрай

Адмиралтейская типография, и с её печатного станка сошло сразу семь книг. В условиях стремительного наступления электронной книги важно создать для авторов произведений о родном крае привлекательные условия, готовить печатную книгу, используя новейшие технологии вёрстки и дизайна.

– Существует ли у издательства своя специализация и какова доля вашей книжной продукции в общем объёме региональных изданий последних лет?

– Мы являемся издательством так называемого полного цикла, которое имеет и своих профессиональных специалистов, и полиграфическую базу – типографию. Наша главная особенность – способность изготавливать книгу высокого качества. Есть и главное правило – «не делать халтуры».

О соотношении книжной продукции в регионе говорить сложно. В некоторой степени показательным может быть ежегодный конкурс «Краща миколаївська книга», в котором в 2014 году участвовали 16 местных издательств и издательских центров вузов, они презентовали около сотни наименований книг. Понятно, что демонстрировались лучшие книги, а не все изготовленные. Мы подали на конкурс десять наших изданий и заслужили победу в двух номинациях: «Лучшее историко-краеведческое издание» («Судьбы евреев Николаевщины во время Великой Отечественной войны 1941–1945») и «Лучший поэтический сборник» («Мой город»).

Есть и цифры всеукраинского масштаба. По данным Книжной палаты Украины, за 2012 год в Украине было издано около 23 000 наименований книжной продукции (сюда входят книги и брошюры). Доля Николаевской области в них составила 173 наименования. Чтобы представлять себе общую картину по стране и наше место в ней, можно назвать лидеров книжной продукции.

Прежде всего – это город Киев (около 6000 наименований книжных изданий), Харьковская область (около 5000), Донецкая (1600), Львовская (более 1100), Тернопольская (более 800), Днепропетровская (более 750), Одесская (около 600). Компанию нам по количеству изданий составляют Кировоградская область (более 150), Ивано-Франковская (более 160), Житомирская (около 180). Наименьший показатель имеет Херсонская область – около 100 изданий. Причины таких показателей очевидны: дела обстоят лучше там, где более развит бизнес и есть финансирование. Разумеется, много зависит от государственных программ поддержки издательской отрасли, общественно важных издательских проектов.

– Эксклюзивные издания готовили?

– Это предмет нашей гордости. Создавать редкую книгу – особо увлекательный процесс, где есть место и для экспериментов, использования редких, а потому дорогих материалов, ведь даже работникам печатного цеха гораздо интереснее готовить необычную книгу. В перечне наших эксклюзивных изданий – книга К. Горбурова «Мой дед Григорий Горбуров», она выполнена с использованием специальной бумаги желтоватого оттенка, «одета» в итальянский кожзам с тиснением; монография Н. Николаева «Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до н.э.»; популярный книжный сувенир – фотоальбом «Миколаїв і миколаївці» фотокорреспондента А. Кремко; альбом Николаевского областного художественного музея имени В. Верещагина «Відродження шедеврів»; серия альбомов из трёх томов художника Ю. Гуменного, презентационные альбомы Николаевской областной организации Национального союза художников Украины (к 40-летию творческой организации), гостевые книги предприятий, музеев, которые могут составить достаточно длинный список. Некоторые наши оригинальные издания демонстрировались на международных книжных выставках.

– Хотелось бы узнать о принципах, которыми руководствуетесь, принимая в работу ту или иную рукопись. Как определяете свои приоритеты?

– Главная особенность работы местных издательств заключается в том, что они почти всегда печатают ту литературу, которую оплачивает заказчик. Иначе книжный бизнес в регионе не выживет. В 2010 году мы финансировали проект «Неизвестные имена в истории города», созданный совместно с фотохудожником Юрием Матвиенко. Цель проекта – познакомить горожан с замечательными и редкими фотографиями г. Николаева, сделанными его уроженцем, малоизвестным фотографом В. Демидовым. Проект завершился выпуском многостраничного настенного календаря и набора открыток. Сейчас работаем над собственной издательской серией – «Николаевский перекрёсток», ориентированной на массового регионального читателя. Николаевский поэт Аркадий Суров и фотохудожник Юрий Матвиенко подготовили детскую книгу стихотворений «Сказка рядом» на двух языках (украинском и русском), иллюстрированную работами художницы Екатерины Дудник. Как часто бывает, дело приостановилось из-за нехватки финансовых средств на выкуп авторских прав художницы. Но издание обязательно завершим, благодаря талантливым авторам читатели – и дети, и взрослые – получат прекрасный подарок.

Приведённые примеры характеризуют направления деятельности издательства – это популяризация истории родного города, края, поддержка литературы для детей и юношества.

– А теперь давайте коснёмся проблем, которые занимают сегодня всех, причастных к судьбе книги и чтения: издателей, книгораспространителей, библиотечных работников. Готовы ли вы к работе в новых социокультурных условиях, когда информация, традиционная книга находят своего потребителя через электронные ресурсы – считывается с электронных страниц, звучит в наушниках, хранится на цифровых носителях?

– Вы затронули глобальную тему, её необходимо рассматривать с различных сторон и учитывать все аспекты. Но сколько бы умов не пытались найти ответы на столь сложные вопросы, необходимо понимать, что общество претерпевает необратимые процессы трансформации, которые мы не в силах ни остановить, ни изменить. Можем только принять их и трансформироваться вместе с ними. Технический прогресс, созданный человеком, оцифровывает его сознание, подменяет духов-

ное совершенство развитием искусственного интеллекта, освобождает от необходимости мыслить и творить, заменяет живое общение виртуальным. Об этом много говорят, пишут, но проблема только усугубляется. Будущее такого пути человеческого общества хорошо раскрывает американский фильм «Идиократия» (2007 г.) – о нашей планете в 2500 году. Фантастическим этот фильм назвать нельзя, потому что многое из показанного там уже реально происходит с нами сегодня.

Однако у каждого процесса существует много сторон. Будущее книги в её традиционном печатно-бумажном формате для читателей и издательств противоречиво. Скажем откровенно: оцифровка текстов и их доступность – это большое достижение, оно открывает доступ практически к любой литературе, в том числе в бесплатном режиме, что распространено как эпидемия и популярно в нашей стране. Для потребителей – это великое благо. Для авторов и издательств – это подрыв основ существования. И если издатель просто может свернуть свой бизнес и заняться другим делом, то для талантливого автора – это катастрофа. Рушится институт авторства.

В нынешних условиях тиражи книг значительно сократились. Что такое для области, тем более для страны, тираж в 100, 500 или даже 1000 экземпляров? Это капля в море, но на большее количество у заказчика просто нет средств. Вот живой пример: тираж регионального литературно-художественного журнала «Соборная улица» – всего пятьсот экземпляров. В таком случае электронная версия становится хорошим решением проблемы как малотиражности, так и доступа содержания издания до периферийных глубинок, куда, кроме районной газеты, ничего не доходит. Использование новых информационных технологий – решение проблемы для всех: и читателей, и книгоиздателей. Готовую для продажи книгу можно разместить в интернете, продажа и распространение электронных текстов – перспективная и многообещающая форма продвижения электронного контента к читателю.

Будем учитывать и то обстоятельство, что собственно ресурсы планеты, в частности те, из которых изготавливают бумагу, не безграничны. Планете и так уже не хватает кислорода, древесина дорожает не по дням, а по часам, бумага, соответственно, тоже. Уже появились альтернативные синтетические материалы, заменяющие бумагу. Это ведёт к тому, что печатная книга становится дорогим удовольствием. По всей видимости, мы будем читать преимущественно с экрана монитора или планшета. То есть, информация будет доступна, но вот живой контакт с книгой, листание бумажных страниц, ощущение запаха книги станет настоящим праздником.

В этой связи хочется сказать и о роли общественных библиотек, упомянутых в вашем вопросе. Библиотеки будут жить, именно там люди смогут читать не доступные для покупки книги, что называется, «живьём». По изменениям, которые происходят сегодня в библиотечной сфере, можно сказать, что они разделятся на две категории в зависимости от масштабов их фондов и специализации. Крупные – сохранятся в классическом виде, а мелкие – модифицируются в библиотеки-клубы, станут местом не только чтения, но и общения, различных культурно-социальных мероприятий. Сейчас это уже происходит: при библиотеках действуют кружки музыки, пения, рисования и даже танцев. В условиях, когда клубы и дома культуры как очаги социальной жизни практически умерли, именно библиотекам суждено стать преемниками и удовлетворять культурные потребности населения. У многих людей они не ограничиваются только ночными дискотеками и ресторанами. Уже сейчас классические библиотеки имеют электронные фонды. Труд библиотекарей приобретёт характер, близкий к работе сотрудников и лаборантов, которые обрабатывают литературу, создавая не только библиографические списки, но и развёрнутые аналитические аннотации, реферативные обзоры, говоря простым языком – буквально разжёvывают содержание книг так, что исследователи могут пользоваться результатами их труда, даже не прибегая к первоисточнику. Эти услуги достаточно востребованы.

Мы говорим о стремительно приближающемся будущем. Перспективы его для книжных издательств мы оцениваем позитивно, несмотря на неоднозначность процесса освоения информации.

Как действовать региональным издательствам в таких условиях? Прежде всего – сохранять запас мужества, как и всем остальным субъектам среднего и малого бизнеса страны; с распострётыми объятиями встречать авторов, поддерживать их, помогать им продвигать свои произведения; уделять внимание молодёжи, детям; активно участвовать в общественной жизни; модернизировать свою полиграфическую базу, повышать качество печати, художественного оформления изданий. Отчаяваться по поводу электронных версий книг не стоит. Не в них заключается главная угроза читателю, книге и книжному издаельству. Главная – в культурных приоритетах общества, в степени духовного развития людей. Хочется надеяться, что Книга и воплощённое в ней Слово, то ли в бумажной, то ли в электронной форме, всё же справится со своей миссией – делать людей мудрее и добре.

Беседовал Е. Гордеев

О ЗАГАДОЧНЫХ «БЕГЛЕЦАХ БИБЛИОТЕЧНЫХ»

Ткач Павел. Границы и пограничники: Стихи. – Николаев, Киев: Издательство Ирины Гудым, 2013. – 54 с.

В наше время очень многие сочиняют стихи, регулярно выходят книги, но создаётся впечатление, что у большинства издаваемых поэтов дома не хватает мусорного ведра. Поэтому с каждой следующей книгой постепенно исчезает желание читать современных авторов.

Ещё не открывая книжку, я сыграю в игру, которой нас однажды заинтересовал на университетских занятиях по литературе преподаватель. Он предложил догадываться о содержании некоторых художественных произведений, исходя только из их названия. Таким образом, предполагаю, что автор либо служил в указанном роде войск и меня ждёт военная лирика, либо он со всей ясностью осознаёт то, что существуют вещи, ограничивающие, как говорил Фромм, «чисто человеческое

– разум, любовь, свободу». Или и то, и другое? В любом случае, может быть интересно. Открываю – предисловие «От автора», за ним – фото 1989 года: мужественный парень с сигаретой на фоне грубої каменnoї кладки. Скорее всего, автору около пятидесяти и это его первая книга. В предисловии речь идёт о любви к географическим картам, о том, что детские мечты упирались в границы, тем более после того, как узнал, что закрытый, необозначенный на многих картах Город (Николаев) «без войны... может умереть». И тут последняя фраза «Впрочем, книжка не об этом» мягко говорит мне, читателю, что подсказки не будет, придётся попытаться постигнуть мир автора по 24 стихотворным текстам его сборника, посвящённого загадочным «беглецам библиотечным»...

Кто такие эти беглецы, узнаю из одноимённого стихотворения, в котором присутствует мотив жажды движения и несбыточности надежды. Лирический герой направляется в страну гончара, который в полной мере наслаждается семейным счастьем и лепит из глины. Когда-то герой был романтическим юношем, хотел ходить по морям и много времени проводил за чтением книг, убегая от реального мира. Но мечте не суждено было сбыться, поэтому он встречает «...беглецов библиотечных, / перетёртых в порошок; / пересыпанных в горшок, / чтобы глиняный горшечник / сделал детям глечик млечный / и свистульку-петушок». Уходят романтики и возвращаются только в виде потешной свистульки для следующих поколений. В других стихотворениях Павла Ткача мечтатели надеются и хотят чего-то вечного и прекрасного в логичном мире, а поэтому пытаются исчезнуть, убежать, неизбежно терпят поражение. Это Икар (Икар), падающий в море «в абрикосовой стране», за него молит Господа лирический герой. Это «великий неудачник» (скорее согласно общественному мнению, нежели авторской характеристике), спящий от прозаических «валерьяновых сердечных», и он остаётся ни с чем («Элегия»). Это пьяный портовый попрошайка, что молится утренней звезде. Не выдержав тревоги, онтонет в море, в отражении красного солнца («Красная дорога»). Это и ребятишки из стихотворения «Небывалые волки», создавшие в фантазиях щедрый мир опасных приключений. Но приключение окончилось: их лодка затонула, и «предчувствуя порку», матросы бредут на сушу.

Пятистопный анапест, которым написано стихотворение, придаёт тексту особую плавность, певучесть, эпическую величавость и спокойствие. А лирический герой «Городского романса» с помо-

щью ямбов демонстрирует трагикомедию своей жизни. Одни любят и сводят счёты с жизнью, другие роют для них ямы, выполняя рутинную работу. Каждый может посмеяться над другим. Объект авторской иронии и сам герой, он не забывает о себе, ведь у него со стола падает «любви серебряная ложка» (в английском языке такая ложка – залог удачливости). Маленький Ной из одноимённого стихотворения сохраняет веру в дороге, он надежда на спасение лирического героя, но вряд ли это спасение случится. Степные пловцы держат путь в страну любви, но страх им мешает завершить начатое дело. Страшнее разве что у Элиота – «но нас окликнули, и мы пошли ко дну». Таким образом, романтические порывы «беглецов» не находят должного воплощения в мире. Но они продолжают бороться за мечту.

Особенно хотелось бы выделить стихотворение «Каска Г. Бёлля», поразившее своим спокойствием в размышлениях о страшных вещах. Читатель помнит, что немец Генрих Бёлль, призванный в армию, чтобы воевать за фюрера на востоке, по окончании войны стал одним из лучших творцов мировой антимилитаристской прозы. Часто в связи с этим вспоминают о его рассказе «Путник, придёшь когда в Спа...», в котором автор передал трагедию юноши на войне. В своём стихотворении Павел Ткач нарисовал картину переживаний самого писателя, не менее жуткой. Мир предстаёт местом абсурдных театрализованных, точнее, цирковых, представлений, где смешались картины и звуки, где шествуют тени погибших солдат и «в гильзы пустые свистят полководцы».

Теперь о границах. Хотя о них непосредственно заявлено только в нескольких текстах, таких как «Демаркация», «Пограничник», «Капитан Кара-Кермен», думаю, ощущение их присутствует в каждом стихотворении. Догадываясь о смысле сборника, я был прав лишь отчасти. Возможно, продолжаю ошибаться, но мне кажется, что автор хотел сказать следующее: человек чувствует границы, отделяющие его от чего-то необходимого, духовного. Он пытается хотя бы приблизиться к ним, но границы ускользают, как линия горизонта («...и отдалится / далёкий Иерусалим / на край сознанья...»). Каждый человек всё время находится в одинаковом положении по отношению к этим границам. Все ожидания обмануты реальным положением вещей. Может, просто попытаться «жить без видимой причины», как вышеупомянутый гончар? Только некоторые из многих пытаются вырваться, но их настигает неминуемое, хотя бы в виде того же пограничного катера.

Атмосфера сборника исполнена грусти, а одно из стихотворений так и называется – «Безысходный мир», причём автор не претендует на то, чтобы ответить, в чём кроются причины трагической неустроенности человеческой жизни. Он не стремится написать так, чтобы читатель почувствовал жалость к его герою. Это не реквием по усопшим, но ясная картина событий, которая даёт пищу для читательских размышлений. Подобно многим экзистенциалистам, автор во многих текстах использует приём рассказа от первого лица. Литературоведы утверждают: это способствует слиянию рассказчика-созерцателя и созерцаемого, что приводит к личностной мифологизации.

Автор книги – человек наблюдательный и немногословный, более того, сдержанный. Его поэзия не брызжет пафосом, в ней нет никаких нравоучений, она не навязывает ход мыслей и схемы выполнения каких-либо действий. Совершенно отсутствуют самолюбование и чувство превосходства, ощущение высокого предназначения перед человечеством, чем любят грешить стихотворцы. Он действительно похож на... пограничника. Вот он выполняет приказы своего командира, стреляет, отдыхает, но всё это совершенно не мешает ему думать по-своему, выделять в цепи происходящих событий что-то примечательное, анализировать его с философской точки зрения, осмысливать бытие и себя в нём.

Открывшееся в результате работы души проявляется на листе бумаги. Слово поэта рождается на грамотном, сочном русском языке, демонстрируя начитанность, хороший словарный запас с ничтожным количеством вкраплений разговорной речи и варваризмов, а также отличное знание синтаксиса, иногда еле уловимо напоминающего манеру Иосифа Бродского. Эта поэзия действительно могла родиться только в охраняемых закрытых городах охраняемых южных морей, выгоревших степей, до которых долетают заунывные звуки восточной музыки.

Дмитрий Семчишин

Областному краеведческому музею – 100 лет

СВЕЧУ БОГАМ И ЛЮДЯМ

В античных городах и поселениях светильники служили предметами ежедневного использования. Историкам они так же, как монеты, помогают датировать археологические памятники материальной культуры. Керамические светильники доримского времени из коллекции Николаевского краеведческого музея «Старофлотские казармы» насчитывают 80 целых форм и фрагментов. Они были найдены во время раскопок территории античного города Ольвия и поселений хоры в 1920–1930-х гг., а также недавних лет. Все они принадлежат к различным центрам гончарного производства (восточно-греческие, аттические, малоазийские) и имеют широкие хронологические границы – от последней четверти VI в. до н.э. – до I в. н.э. Ольвийские копии привозных изделий занимают наибольшую часть николаевской коллекции.

Во время раскопок находят множество фрагментов бытовых светильников. Изготовленные из глины (в отличие от металлических вариантов), они имели достаточно ограниченный период использования. Новые не обязательно повторяли форму старых. Это были плошки с полостью для жидкости, одно- или двухрежковые с лаковым покрытием во вместилище, плечиках и рожке; иногда лак наносился полосами на плечики и дно светильника. Мелкие блёстки в тесте глины большинства таких изделий характерны для средиземноморских гончарных центров. В Ольвии были распространены и чёрнолаковые светильники.

В николаевском собрании малоазийские светильники представлены как привозными типами, так и местными имитациями. Украшались они различными орнаментами. Довольно частым элементом декорирования рожка эллинистических гончарных изделий является изображение пальметты – орнамента в виде стилизованных пальмовых листьев. Двухрежковый светильник из коллекции музея украшен волютами – орнаментом в виде завитка, спирали. Он изготовлен из красно-оранжевой глины с примесью извести и покрыт красным лаком. Аналогичные светильники найдены на Боспоре, Пергаме, датируются они II–I вв. до н.э. Особое внимание привлекают два светильника: свинцовый и каменный. Оба изделия малы по размерам, имеют шлифованную поверхность, открыты, хотя и повторяют формы глиняных экземпляров.

Отдельную группу составляют ранние сероглиняные. Типичный образец – двухрежковый светильник с ручкой-петлёй в центре дна. Характерной особенностью данного типа изделий является серый обжиг, серое лощение поверхности и массивность формы. Светильники с вертикальной ручкой-петлёй, которая была предназначена для подвешивания изделия, широко известны в керамическом комплексе Ольвии. Их датировка укладывается в последнюю треть VI – первую треть V вв. до н.э. Такие формы, кроме Ольвии, не получили широкого распространения в Понтийском регионе.

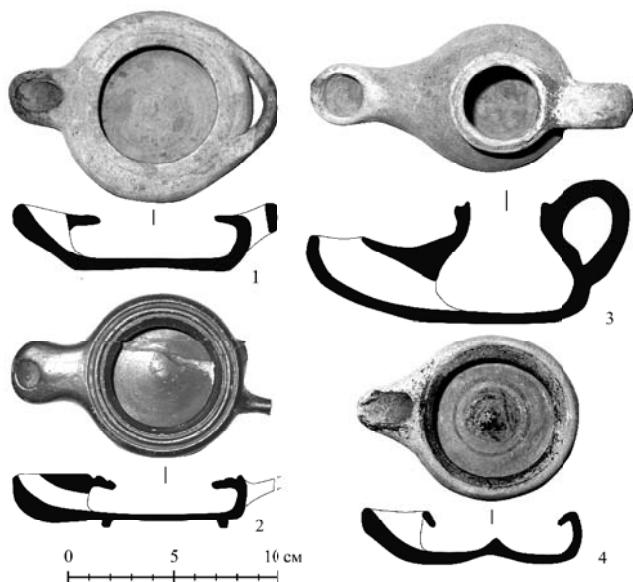
Другую группу керамики эллинистического времени составляют так называемые светильники «кувшинчикового» типа. В коллекции музея их 16. В отличие от боспорских экземпляров, на территории Ольвии известны серо- и светлоглиняные керамические изделия. Они производились в местных гончарных мастерских. Топливом при использовании столь архаичных приборов освещения служили растительные масла. Ольвиополиты употребляли в основном бычий и растительный жиры, а также пчелиный воск.

По различным сведениям, глиняные изделия, похожие на светильники, впервые появились ещё задолго до античного времени, в III тысячелетии до н.э. Динамика их формы менялась, что привело к массовому производству. Свидетельствовать об этом может краткое упоминание Павсания о том, что трое мастеров на протяжении рабочего дня (12 часов) могли изготовить более 200 светильников, так как на одно изделие уходило в среднем около пяти минут.

Нет сомнений в том, что для освещения в тёмное время суток служили различные приспособления и приборы. На античных вазах, в росписи склепов существует множество изображений человеческой фигуры с факелами. Греки пользовались уличными фонарями, так называемыми лантернами. В фонарь, также глиняный, ставился зажжённый светильник, он выручал и в ветреную погоду. Найдки таких фонарей в большом количестве присутствуют на территории античных городов Средиземноморья.

Светильники были неотъемлемой частью быта античных жителей. Конечно же, главной функцией данных изделий было освещение, о чём свидетельствует плошка, найденная на о. Березань, с граффито: «Поскольку я светильник, то и свечу богам и людям». На основании папирусного документа (258–257 гг. до н.э.) мы знаем, что данные изделия использовали не только для освещения, но и для приготовления пищи, к примеру, в пекарнях, а также в банях, конюшнях. В храмах и административных центрах античных городов всегда было много осветительных приборов, в том числе глиняных и каменных светильников, они могли достигать больших размеров. Обожжённые и неиспользованные светильники археологи часто обнаруживают на некрополе в могилах. Древние верили в то, что ушедшему необходима освещённая дорога в загробную жизнь.

Ирина Шейко,
лаборант Института археологии НАН Украины

ПАМЯТНИК КОРАБЕЛАМ И ФЛОТОВОДЦАМ

15 сентября 1989 года центр квартала по улице Советской – адмирала Макарова – Московской и проспекту Ленина украсил памятник николаевским судостроителям, ставший последним монументом эпохи социализма и своеобразной визиткой нашего города.

Со времени основания Николаева судостроению и флоту полностью подчинялась жизнь горожан. По приказу князя Г. А. Потемкина в 1788 году здесь была заложена судостроительная верфь, и уже через три года был

спущен на воду первый корабль – фрегат «Святой Николай».

С того времени на 3-х судостроительных заводах города было построено свыше 2 тысяч кораблей и судов, среди них – фрегаты, броненосцы, миноносцы, подводные лодки и тяжёлые авианесущие корабли. Почти сто лет у нас размещался штаб Черноморского флота. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. тут была его главная тыловая база. С историей города связаны имена прославленных морских адмиралов: А. Грейга, М. Лазарева, Ф. Беллинсгаузена, Г. Бутакова, П. Нахимова, В. Корнилова и др. Большинство предприятий Николаева относились к военно-промышленному комплексу и были тесно связаны с судостроением.

За большие успехи в области отечественного судостроения в 1970 г. Николаев был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Учитывая все исторические обстоятельства, руководство области в 1975 г. обратилось к правительству с предложением увековечить трудовую славу корабелов. Открытие монумента приурочили к 200-летию основания города.

В 1978 году начались проектные работы, которые осуществлялись на конкурсной основе и длились почти семь лет. Наконец, 22 сентября 1988 г. окончательно был утвержден проект киевских скульпторов Б. Лысенко, Н. Алексеенко, В. Чепелика, архитекторов М. Кислого и В. Скульского. На сооружение памятника разрешили истратить 473 тысячи рублей. По замыслу авторов памятник расположен на насыпном кургане и представляет собой композицию из стилизованного Земного шара, размещенного на трёх опорах из гранитных блоков, воплощающих в себе три судостроительных завода-гиганта. Шар поддерживает одиннадцать скульптурных фигур из бронзы, которые в аллегорической форме повествуют об истории местного судостроения. Среди известных исторических личностей – Ушаков, Фалеев и другие, а также фигуры корабельных мастеров и ремесленников. К подножию и опорной стене памятника ведут каменные ступени. Общая высота памятника – 8,5 м. Диаметр шара – около 5,5 м. «Рукотворный глобус» в народе получил прозвище «Шараев курган» (от фамилии партийного руководителя области того времени Л. Г. Шараева).

Ирина Александренко

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несет рекламодатель.

Все права защищены.

Юрий Одрубинский. «Девушка с одуванчиком». 2011 г.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

■ БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

**Областному музею
имени В. Верещагина 100 лет:
Обречённый на долгую жизнь**

■ ПОЭЗИЯ

**Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ
Сергей ПИСКУРЁВ
Дарина БЕРЕЗИНА**

■ ПРОЗА

**Вячеслав КУЛАКОВ
Юрий ЛЮБАРОВ**

■ АРХИВ

**Полтора ефимовских года
Всеволода Гаршина**

■ НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Слово о Валерии Карнаухе